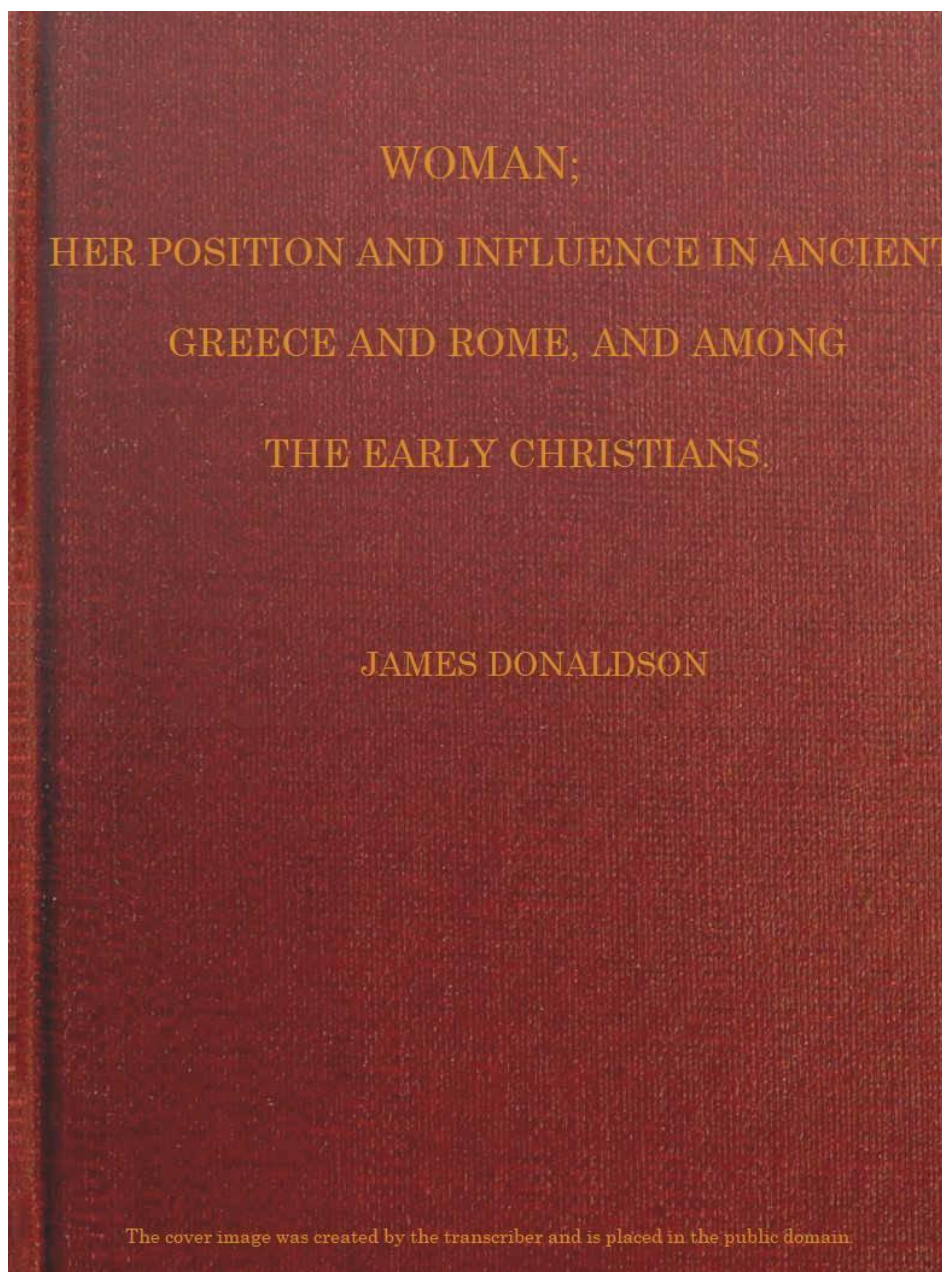

Женщина. Ее положение и влияние в Древней Греции и Риме, а также среди ранних христиан

Сэр Джеймс Дональдсон

The Project Gutenberg eBook of Woman; Her Position and Influence in Ancient Greece and Rome, and Among the Early Christians.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Женщина; ее положение и влияние в Древней Греции и Риме, а также среди ранних христиан

Автор: Сэр Джеймс Дональдсон

Дата выхода: 16 января 2022 года [eBook #67177]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: United Kingdom: Longmans, Green & Co, 1907

Кредиты: Тургут Динсер, Карин Спенс и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ЖЕНЩИНА; ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ, А ТАКЖЕ СРЕДИ РАННИХ ХРИСТИАН ***

ЖЕНЩИНА; ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ, А ТАКЖЕ СРЕДИ РАННИХ ХРИСТИАН.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ И ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ СТАТЕЙ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ, МОРАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДПИСКИ НА НИХ

Crown 3s. 6d. net

LONGMANS, GREEN, AND CO.

ЛОНДОН, НЬЮ-ЙОРК, БОМБЕЙ И КАЛЬКУТТА

**ЖЕНЩИНА; ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ В
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ, А ТАКЖЕ СРЕДИ
РАННИХ ХРИСТИАН**

ДЖЕЙМС ДОНАЛЬДСОН, М.А. Л.Д.

Директор Университета Сент-Эндрюс

LONGMANS, GREEN, AND CO.

39 PATERNOSTER ROW, LONDON

НЬЮ-ЙОРК, БОМБЕЙ И КАЛЬКУТТА

1907

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первые три книги этого труда и часть четвертой являются перепечаткой следующих пяти статей из "*Современного обозрения*", а также части шестой, с любезного согласия редактора.

1. Положение и влияние женщин в Древней Греции" (*Contemporary Review*, July, 1878).
2. Положение и влияние женщин в Древних Афинах.- *Современное обозрение*, март, 1879.
3. Положение женщин в Древнем Риме.- *Современное обозрение*, май, 1888.
4. Положение женщин в Древнем Риме.- *Современное обозрение*, октябрь, 1888.
5. Положение женщин среди ранних христиан.- *Современное обозрение*, сентябрь, 1889.
6. Персонажи Плавта.- *Современное обозрение*, ноябрь, 1877.

Все статьи были тщательно пересмотрены, и в них были вставлены различные дополнения. Четвертая книга содержит обсуждения некоторых важных вопросов, относящихся к теме работы, которые печатаются впервые.

За составление указателя я благодарен мистеру Джону Рэндаллу.

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА I.	
ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.	
ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. Предварительный	1
II. Гомеровские женщины	11
III. Спартанские женщины	24
IV. Сапфо	42
V. Афинские женщины	49
КНИГА II.	

	ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕМ РИМЕ.	
I.	Хорошая сторона	77
II.	Другая сторона	87
III.	Религия	93
IV.	Законодательство и брачные законы	99
V.	Последствия брака и других соглашений	112
	КНИГА III.	
	ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ.	
I.	Высокое положение женщин и их последующая деградация	148
II.	Объяснение деградации	175
	КНИГА IV.	
	ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.	
I.	Женщины гомеровского периода.	
	(1) Нежность эпохи	192
	(2) Темная сторона вопроса	198
	(3) Занятия любовью во времена Гомера	205
II.	Женщины в греческий период.	
	(1) О характере Сапфо	207
	(2) Аспазия	210
	(3) Портреты Сапфо и Аспасии	211
	(4) Право на междоусобицу -ἐπιγαμία	211
	(5) Афинское гражданство	212
	(6) Дата "Экклезиаса	215
	(7) Женщины Плавта	216
III.	Женщины в римский период.	
	(1) Женщины в Малой Азии	237
	(2) Речь Августа о браке	238
	(3) Женщины-медики	240
	(4) Женщины в Египте	241
IV.	Женщины в анте-никейский период.	
	(1) Влияние христианства на женщин	248
	(2) Каллист	249
	Библиография	255
	Указатель	269

КНИГА I. ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА I. ПРЕДИСЛОВИЕ.

Все, что имеет жизнь, проходит определенный путь в определенных границах, через которые оно проходит, пока окончательно не исчезнет. Семя дуба собирает материалы с земли и неба, пока не превратится в величественное дерево. Оно не станет розой или вязом. Так же обстоит дело с высшими животными и человеком. Линии их жизненного пути четко очерчены. Но в пределах, характерных для каждого класса, существуют различные степени совершенства. Все особи, кажется, стремятся к идеалу, которого не достигают, к которому некоторые очень близки, и к которому все более или менее приближаются. У человека тоже есть свой идеал, но помимо инстинктивной силы души, стремящейся к идеалу, он обладает способностью осознавать идеал и сознательно стремиться к нему. То, что верно в отношении мужчины, верно и в отношении женщины. Каков идеал женщины? Что мы можем назвать полным развитием и расцветом женской жизни? Я не намерен отвечать на этот вопрос, который так муссируется в наши дни. Я не думаю, что смогу ответить на него удовлетворительно, но историк женщины в любую эпоху обязан поставить его перед собой и своими читателями. Истинное представление об идеальной жизни женщины может быть достигнуто только долгим опытом многих эпох. Самый первый и самый необходимый элемент гармоничного развития женской природы, как и мужской, - это свобода, но именно ее она приобретает в последнюю очередь. Со всех сторон возникают препятствия, мешающие ей привести свои силы в полную активность. Невежество, предрассудки, абсурдный образ мыслей, преобладавший в определенные эпохи, условные ограничения произвольного характера, законы, направленные на достижение особых целей без учета общей культуры и благополучия - эти и подобные причины не позволили нам увидеть, какой могла бы стать женщина, если бы на нее не оказывали никакого влияния, кроме благотворного и благоприятного. Задача историка - обратить внимание на эти препятствия и увидеть, что, несмотря на них, женщина может сделать и к чему стремится.

Поэтому первое условие успешного изучения истории женщины - беспристрастный подход к задаче. Мы должны на время оставить в стороне наши распространенные мнения. В этом есть особая необходимость, потому что, если у нас есть ложные мнения, они будут держаться с упорством, которое велико пропорционально их ложности; а если у нас есть истинные, мы, скорее всего, придадим им преувеличенную важность и силу; ведь все мнения о женщинах склонны быть интенсивными. Поэтому нам придется отвлечься от привычного образа мыслей и погрузиться в представления, чувства и образ жизни, сильно отличающиеся от наших собственных. Некоторые из этих различий я должен объяснить, прежде чем приступить к изложению истории.

Прежде всего, греки смотрели на отношения между полами с совершенно непривычной для нас точки зрения. Среди нас существует четкая и определенная доктрина, которая жестко устанавливает, что правильно, а что нет. У греков такой доктрины не было. Им приходилось обращаться к природе и собственным сердцам, чтобы определить, как следует поступать. Они не считали, что одно определенное поведение правильно, а другое - нет; но в каждом конкретном случае они должны были судить о том, является ли поступок правильным, гармонирует ли он с более благородными сторонами человеческой природы, красив ли он или полезен. Полезность, уместность и чувство прекрасного были единственными

ориентирами, которые греки могли найти, чтобы регулировать отношения полов друг с другом.

К этому следует добавить, что их представление о природе существенно отличалось от нашего. Для них все было естественным или, если хотите, сверхъестественным. Если вино радовало или сводило с ума сердце человека, то его влияние было равносильно влиянию бога. Грек мог недоумевать, почему бог должен сводить его с ума, но он никогда не сомневался в этом факте. Так и с любовью. Влияние, которое один пол оказывает на другой, - нечто до странности загадочное. Встречаются два человека разного пола. Если мы посмотрим на них, то не увидим ничего примечательного ни в одном из них. И если мы продолжим смотреть на них в течение часа или двух, то, возможно, не заметим ничего примечательного. Однако произошла необычная перемена. Сердца обоих начали бешено вибрировать. У обычного человека появились крылья, перед глазами открылись небеса, а душа наполнилась бесконечной нежностью. У девушки, которая раньше не могла произнести ни слова в свою защиту, разжались губы, и остроумие, яркость и поэзия сверкают в каждом предложении, которое она адресует своему спутнику. Она тоже отбрасывает от себя обычную рутину повседневной жизни и видит перед собой рай чистейшего блаженства и бесконечной радости. Откуда же берется это вдохновение? Откуда это временное возвышение душевных сил? Откуда эта незамутненность смертных глаз, пока они не увидят блаженное видение? "От божественной силы", - говорили греки. И эта божественная сила казалась им самой непреодолимой из всех. Она властвовала над самими богами. Если сами боги не могли не поддаться волшебной силе, то как можно было ожидать, что смертный сможет устоять? Религия греков не могла при такой концепции сильно помочь им в самоограничении. Она могла лишь прививать терпение и сострадание. И мы видим, что так оно и было. В речи, которую Софокл вкладывает в уста Деяниры, она выражает убеждение, что жена не имеет права ожидать от мужа постоянной верности или винить женщину, в которую он влюбился. "Ты не станешь, - говорит она, - рассказывать свою историю ни злой женщине, ни тому, кто не знает природы человека, что он по природе своей не радуется всегда одному и тому же. Ибо не мудр тот, кто сопротивляется Любви в рукопашном бою, подобно боксеру. Ведь он даже богов покоряет, как хочет, и меня самого; как же ему не покорять другую женщину, такую же, как я? Так что если я нахожу вину в том, что мой муж заражен этой болезнью, или в том, что эта женщина вместе с ним является причиной того, что не является позорным или для меня злом, то я, несомненно, безумна"[1] Такая религиозная терпимость встречается не только в поэзии. Она прививается женам как строгая часть их долга пифагорейским философом Периктионом, писавшим о гармонии женщины[2]. "Ибо жена, - говорит она, - должна переносить все обстоятельства своего мужа, будь он несчастен, или ошибается в невежестве, или в болезни, или в пьянстве, или имеет сношения с другими женщинами, ибо эта ошибка разрешена мужьям, но не женам, ибо их ожидает наказание". Несомненно, эта снисходительность, которую допускает Периктион, частично объясняется идеей, которая не относится к раннему периоду греческой жизни, что проступок жены вносит нечистоту в род гражданина, в то время как проступок мужа обычно не имеет такого эффекта. Но существовало и более общее чувство, выраженное Деянирой в отношении человеческой природы как мужчин, так и женщин. Это чувство исчезает только перед философией, подобной философии Платона и Аристотеля, которая поднялась намного выше обычных представлений о Божественном существе. Оба этих философа предписывают наказания для тех, кто нарушает брак, хотя их правила не абсолютны, а зависят от обстоятельств. Платон говорит:[3] "Что же касается женщин, то если кто-либо из мужчин вступает в связь с кем-либо, кроме тех, кто приходит в его дом, сочетавшись браком по священным обрядам, будь они куплены или приобретены каким-либо другим способом, и при этом публично оскорбляет их перед лицом всего человечества, мы будем правы, если

постановим лишить его гражданских почестей и привилегий, и он будет считаться, как и есть, чужаком". Аристотель[4] оставляет за мужем большую свободу действий, но предлагает при определенных обстоятельствах проступка наказывать мужа, лишая его прав гражданина пропорционально проступку.

Оценивая женщин, очень важно помнить о страстной любви к красоте, которая одолевала греков. Современный ум почти не может составить представления о силе и универсальности этой страсти. Греки любили все, что было красиво, но именно в человеческом теле они видели самую благородную форму земной красоты. Они не ограничивали свое восхищение только лицом. Их восхищало совершенное и гармоничное развитие каждой части тела. Было бы слишком много места, чтобы дать полный отчет об этой любви к прекрасному или донести до читателя интенсивность греческого чувства. Достаточно одного примера. Оратор Гиперид защищал перед судом хетайрскую Фрину. Его аргументы, как он думал, попали в уши судей, не возымев никакого эффекта. Он уже начал считать свое дело безнадежным, как вдруг его осенила счастливая мысль, и, разорвав одежду своей подзащитной, он явил судьям лоно совершенно дивной формы. Судьи сразу же оправдали ее, и я не сомневаюсь, что все греческие чувства согласились с их решением. Но мы совершим большую ошибку, если предположим, что судьи руководствовались какими-то низменными побуждениями. Один из авторов, рассказывающих об этом обстоятельстве, называет причину решения. Судьи увидели в столь изысканном виде не обычную смертную, а жрицу и пророчицу божественной Афродиты. Они прониклись благоговением[5] и сочли бы святотатством осквернить или уничтожить столь совершенный шедевр творческой силы. И хотя, несомненно, среди греков были низкодуховные люди, как и везде, однако можно с уверенностью утверждать, что греки не считали красоту простой дьявольской приманкой для продолжения рода, как это представляет Шопенгауэр, но видели в ней сияние божественного сияния, а плотское средство было лишь средством, ведущим душу к тому, что вечно и нетленно прекрасно.

Это лишь некоторые моменты, в которых греки сильно отличались от нас, и мы должны осознать это различие, прежде чем сможем правильно прочитать историю. Но эта история сталкивается и с другими трудностями. Влияние женщины часто проявляется настолько тихо и незаметно, что ни один историк не может его заметить. Кто, например, сможет описать действие красоты и красивых путей на тысячи сердец? Влияние тихое, но от этого не менее сильное. В Греции мы столкнулись с дополнительной трудностью: почти все, что мы знаем о женщинах, получено от мужчин. А мужчины редко пишут о женщинах беспристрастно. Они либо влюблены в них, либо ненавидят их, либо притворяются, что ненавидят. У них есть сладкий или горький опыт общения с ними. И когда они пишут о них, они пишут в соответствии с этим опытом. Но история греческих женщин не только написана мужчинами, она написана для мужчин. Об этом нужно помнить, когда мы имеем дело с высказываниями комических поэтов, ведь женщины не играли в пьесах, и, вероятно, даже не присутствовали на комедиях в лучшие дни Афин. Но мужчины, берущие на себя женские роли, непременно исполняют их со всеми преувеличениями и вольностями, которые естественны для таких представлений. Поэтому не следует придавать большого значения диким оскорблениям женщин, которые в изобилии встречаются у греческих писателей. Один из ранних сатирических поэтов[6] (Симонид Аморгосский) делит женщин на десять классов, из которых только один хорош. И он продолжает свои инвективы так, как будто женщины не существуют.

"Слушайте, люди, - говорит Сусарион, которого можно назвать изобретателем комедии.

"Сусарион говорит следующее: Женщины - зло, но все же, о соотечественники, нельзя иметь дом без зла, ибо жениться - зло и не жениться - зло"[7] (Stob. 69, 2).

Поэт-сатирик (Гиппонакс)[8] считает, что "у мужчины есть только два очень приятных дня со своей женой - один, когда он женится на ней, другой, когда ее хоронит". Комический поэт (Филемон) язвительно говорит: "Женщина - это бессмертное необходимое зло"[9].

"Ужасна сила морских волн, ужасны стремительные потоки рек и взрывы жаркого огня, ужасна бедность и тысяча других вещей; но ни одна из них не является таким страшным злом, как женщина. Ни один художник не может адекватно изобразить ее, ни один язык не может описать ее; но если она - творение кого-либо из богов, пусть он знает, что он очень великий творец зла и враг смертных". (Stob. 73, 1.)

Подобные цитаты можно приводить сотнями, но они мало что нам скажут. Им можно подобрать множество высказываний тех же авторов, в которых женщина превозносится до небес. Еврипид был особо обвинен в ненависти к женщинам. Это замечание было сделано в присутствии Софокла. "Да, - сказал он, - в его трагедиях". И даже в своих трагедиях он изобразил женщин с изысканной нежностью сердца, способных на величайшее самопожертвование и чистейшую любовь.

ГЛАВА II. ГОМЕРОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Рассматривая греческих женщин, я могу выделить только выдающиеся периоды. И первый, который предстает перед нами, - гомеровский. 10] И здесь нам потребуется вся сила переноса себя в разные времена, которой мы можем распорядиться, ибо явления эти необычны и уникальны. Если мы посмотрим на внешнее положение женщин, то окажется, что гомеровская эпоха стоит очень низко в цивилизации. У женщин нет почти никаких прав, они полностью находятся под властью мужчины и живут в постоянной неопределенности относительно своей судьбы. Женщина может быть принцессой, воспитанной в богатом и счастливом доме; но она знает, что могут прийти чужие люди и увезти ее, и поэтому в какой-то момент она может стать рабыней в доме другого человека. Эта неопределенность, по-видимому, произвела сильное впечатление на их характер. Они прежде всего кроткие женщины. Если страшная судьба настигает их, они покоряются ей со всей неумолимой кротостью, и их мягкие пути вскоре победить сердце их воинственных тиранов, и они делают их своими спутниками и друзьями. Но как бы ни была низка эта позиция, следует отметить, что она является неизбежным результатом характера того времени. Сила была права. Только сильная рука могла отстоять право. Воин должен был защищать даже то, что принадлежало ему, от любого нового пришельца. Он сам грабил чужие города. Его собственный город тоже мог быть разграблен, и если судьба его жены была унесена и стала любовницей завоевателя, то его самого ждала безжалостная гибель от холодного острия меча. И мужчина, и женщина держали свои жизни в руках. Женщины не были воинами, поэтому они должны были полностью зависеть от защиты мужчин и, соответственно, подчиняться им.

Таково было их внешнее положение. Но если обратиться к реальным фактам, то нигде во всей литературе женщины не подчиняются столь мягкой, столь уважительной, столь милостивой власти. В самом деле, это едва ли можно назвать властью вообще. Физическая сила, которая, несомненно, существует, находится на заднем плане. На переднем плане мы не видим ничего, кроме привязанности, уважения и даже почтения. Мужчины, похоже,

никогда не находили недостатков в женщинах. Женщине естественно любить, и она может совершать поступки, которые они сочтут эксцентричными или непропорциональными в результате этого влияния; но виноват в этом либо мужчина, либо бог. Она время была безумна. Даже в случае с Еленой, которая принесла столько бедствий грекам и троянцам, мужчины не находят никакой вины. Она горько упрекает себя, но мужчины считают, что во всем виноват Парис, который насильно увез ее. Как она могла помочь? И как она могла помешать Парису влюбиться в нее? Дело женщины - делать счастливым любого мужчину, которого судьба свела с ней, распространять свет и радость по мужским сердцам. Елена была необыкновенно красива, в совершенстве владела всеми женскими делами, была умеренна и целомудренна, по их представлениям^[11], и обладала умом высокой культуры. Все это было дарами богов и не могло не привлекать. Сами троянцы не удивлялись тому, что Парис попал под чары ее обаяния, ведь столь прекрасное существо было достойным предметом соперничества между греками и троянцами. Но она ничего не сделала, чтобы возбудить Париса. Она была бы счастливее с Менелаем. А когда Парис был убит, а Троя захвачена, Елена с радостью вернулась к своему бывшему мужу и снова заняла свое прежнее царское положение с достоинством и изяществом, как будто ничего не произошло.

Единственная женщина, в отношении которой употребляются резкие слова, - Клитемнестра; но даже в ее случае мужчина подвергается гораздо большему порицанию, чем женщина, и если бы она просто уступила Егисту под сильным искушением или, скорее, непреодолимой силой, которой она подверглась, то мало бы что было сказано. Агамемнон отомстил бы виновному мужчине и вернул жену на прежнее место. Но в итоге она стала добровольной супругой Егиста и его добровольной соучастницей в страшном преступлении - убийстве. Но даже за это поэт возлагает всю вину на Эгисфа. Такое мягкое отношение к женщинам объясняется несколькими причинами. Во-первых, гомеровские греки находились под сильным впечатлением от непреодолимой силы богов и судьбы и слабости смертных; они находили легкое оправдание любым отклонениям мужчин, но особенно беспомощных женщин; их сильное чувство краткости жизни и тоскливости смерти заставляло их стараться как можно лучше использовать отведенный им отрезок времени.

Кроме того, их представления о любви и браке способствовали воспитанию мягкости. В гомеровских поэмах нет занятий любовью; идея флирта абсолютно и полностью неизвестна. Они, несомненно, говорили друг другу приятные слова, но держали сказанное при себе. А мужчина, желающий жениться на девушке, доказывал реальность своего желания, как правило, преподнося отцу красивый подарок за нее, но иногда беря на себя тяжелую задачу или участвуя в опасном состязании. И когда девушка покидала отчий дом, она всеми своими способами старалась угодить тому, кто ее добивался, и ей это удавалось. В гомеровских поэмах мужчина любит женщину, а женщина вскоре начинает любить своего мужа, если она не сделала этого до брака. Гомеровские греки даже на этой ранней стадии являются явными моногамистами.^[12] Моногамия заложена в самом сердце греческих героев. Никто из них не желает иметь больше одной женщины.

Любопытный пример силы героической привязанности можно найти у Ахилла. Пленная вдова стала его спутницей перед стенами Трои. Она очень любит его, и он очень любит ее. Но между ними нет полноценного брака, и Ахилл не мог достойно отпраздновать свою свадьбу в лагере, вдали от друзей и дома. Однако он так любит ее и только ее, что она становится для него настоящей женой.^{13]} А когда Патроклос умирает, Брисея, оплакивая его, говорит, что он обещал сделать ее законной женой Ахилла, отвезти ее во Фтию, на родину героя, и устроить брачный пир среди мирмидонов.^[14] Вероятно, Ахилл не раз давал ей такое же обещание, хотя знал, что отец может назначить ему жену, и на этом пути могут

возникнуть трудности, и Патрокл предложил ему помощь в осуществлении задуманного. Если к пленнице была такая настоящая любовь, то можно ожидать, что она будет еще с женами того же рода и звания. Так и случилось.

Прекрасна, поистине, картина супружеской жизни, которую рисует Гомер. "Нет ничего, - говорит он, -[15] лучше и благороднее, когда муж и жена, будучи единоклубны, управляют домом". И такие дома он изображает в залах Алкиноя и Ареты, в троянском доме Гектора и Андромахи[16], но еще более яркой и прекрасной является постоянная любовь Пенелопы и Улисса[17]. Действительно, Гомер всегда представляет супружеские отношения как счастливые и гармоничные. В земных домах царит мир. Лишь в залах Олимпа мы видим, как жена ссорится с мужем. Но любовь этих женщин к своим мужьям - это любовь смертных к смертным. Они не клянутся друг другу в вечной преданности. Они не мечтают о том, чтобы любить только одного и навсегда, в этой и следующей жизни. Они не смотрят дальше настоящего, и поэтому, если муж или жена умирают, оставшийся в живых обязан искать себе преемника. Даже если муж долгое время отсутствует рядом с женой, нельзя ожидать, что он сможет вынести все жизненные невзгоды без общества и комфорта одной женщины. Так, Агамемнон берет к себе пленницу Хрисею и начинает любить ее больше, чем свою жену. Ахилл так привязался к Брисеиде, что горько плакал, когда ее отняли у него; но когда ее отняли у него, он утешался прекраснощеим Диомедом. И Улисс, хотя он больше всего любит свою Пенелопу и тоскует по ней, не отказывается от объятий богинь, с которыми вынужден оставаться во время своих скитаний. Проницательность Гомера в отношении человеческой природы проявляется в том, что только в сердце истинной женщины он видит сопротивление обыденному образу мыслей. Особенность привязанности Пенелопы в том, что она не подчиняется распространенным представлениям; она любит и восхищается своим Улиссом и не полюбит никого другого. Вопреки всем обычаям, она из года в год откладывает ухажеров. Настало время, когда все ждут, что она снова выйдет замуж. Она видела, как ее сын Телемах вырос и возмужал. Теперь у нее нет оправданий. Но она все еще отказывается, с надеждой ожидая возвращения того, кто, по ее глубокому убеждению, больше не вернется[18].

После всего сказанного мне не нужно говорить о том, что влияние женщины было очень велико в гомеровский период. В двух поэмах речь идет о любви к женщине. Троянская война началась с решения греков вернуть Елену, а центральным моментом "Илиады" является гнев Ахилла из-за того, что Агамемнон отнял у него пленницу Брисею. Улисс и Пенелопа, как всем известно, являются темой "Одиссеи". Муж советовался с женой во всех важных вопросах, хотя забота о домашних делах была ее особой обязанностью. Арета - могущественный миротворец в царстве своего мужа Алкиноса, и именно к ней Наусикаа советует отправиться Улиссу, если он хочет получить свое возвращение. Все люди поклоняются ей как богу, когда она проходит по улицам. Пенелопа и Клитемнестра остались практически во главе царств своих мужей на время их отсутствия в Трое, у каждой из них есть мудрец, который является советником и защитником. А прекрасная Хлорис исполняла обязанности царицы в Пилосе.[19] Страх перед презрением женщин также был одним из мотивов храбрости.[20] А Лаэрт, хотя и почитал Эвриклею, как почитал свою умершую жену, вел себя с ней подобающим образом,[21] потому что сторонился гнева жены. В целом влияние гомеровских женщин следует признать большим, а их положение - счастливым.

Для такого результата можно привести две особые причины - свободу, которой пользовались женщины, и их здоровье, а возможно, и скудость.

Свобода была очень велика. Они могли идти, куда хотели, и делать, что хотели. Правда, существовала одна опасность, которая постоянно угрожала им. Если они забредали далеко

от обычных мест обитания своих сограждан, на них могли напасть чужаки и увести их в рабство. Такие происшествия были нередки. Но кроме этой опасности, они могли бродить без ограничений. Они не были ограничены какими-то конкретными покоями. У них были свои комнаты, как и у мужчин; но они выходили из них и садились в общей комнате, когда появлялось что-нибудь достойное внимания или слуха. Особенно часто они собирались вокруг барда, который рассказывал о подвигах знаменитых героев или истории известных женщин. Они также часто посещали широкие танцевальные площадки, которыми располагал каждый город, и вместе со своими братьями и друзьями участвовали в танцах. Гомер изображает юношей и девушек, вместе сжимающих виноградную лозу. Они смешивались на брачных пирах и религиозных праздниках. Они участвовали вместе с мужчинами в жертвоприношениях[22] или шли без мужчин в храмы и приносили свои жертвы.[23] Фактически, между полами было свободное и легкое общение. Таким образом, они хорошо узнавали друг друга, а поскольку дочери были очень любимы своими отцами, мы не можем сомневаться, что родители советовались с ними по поводу мужчин, которых они могли бы пожелать в мужья. Даже после замужества они продолжали пользоваться прежней свободой. Елена появляется на стенах Трои, наблюдая за ходом сражения, в сопровождении только женской свиты. А Арета, как мы уже видели, свободно смешивалась со всеми классами феакийцев.

Вместе с этой свободой, а отчасти и вследствие нее, происходило чрезвычайно тонкое развитие тела. Воспитание мальчиков и девочек заключалось в том, что они слушали старших, слушали песнопения бардов и танцевали в общественных танцевальных залах города. Не было большого напряжения интеллектуальных сил. Не было никакого принуждения. Они постоянно находились на свежем воздухе. Все мужчины учились военному и земледельческому искусству, а женщины - домашнему хозяйству. Женщины шили всю одежду, которую носили их родственники, и были искусны в искусстве вышивки. Но они не только шили одежду, но и регулярно стирали ее, следили за тем, чтобы их друзья всегда были красиво и нарядно одеты. Эти занятия не были уделом одних лишь подсобных рабочих. Самая высокая леди в стране имела свою долю, и никто не умел работать на ткацком станке и на нитях лучше, чем прекрасная Елена.

В шестой книге "Одиссеи" мы имеем очаровательную картину юной принцессы Наусикаа. Нигде так изысканно не изображены мысли, чувства и пути молодой девушки, верной своей лучшей природе, сдержанной, когда уместна сдержанность, и говорящей, когда ею движет истинный порыв, бесхитростной, изящной, с легким сердцем и нежной. К счастью, я не собираюсь здесь описывать ее характер, поскольку, если бы я не цитировал точные слова Гомера, то неизбежно омрачил бы его красоту; но я должен привести некоторые из тех черт, которые показывают, как росли гомеровские девушки. Наусикаа приближается время, когда она должна выйти замуж, и для подготовки к этому событию ей хотелось бы, чтобы вся ее одежда была чистой и в хорошем состоянии. Она приходит к отцу и говорит ему, что хочет выстирать его одежду и одежду братьев, чтобы он был хорошо одет в сенате, а они - опрятны на танцах. Отец сразу понимает, какое желание лелеет дочь в своем сердце, и разрешает, мулов привязывают к машине, собирают одежду, принцесса садится на сиденье с кнутом в руках и уезжает в сопровождении нескольких служанок. Они доезжают до реки, где находятся стиральные траншеи. Одежду выносят из машины, мулов отправляют кормиться на траву, а принцесса и служанки стирают одежду, утапывая ее ногами в траншеях. Затем они раскладывают одежду для просушки. Пока одежда сохнет, они сначала устраивают пикник на берегу реки, а затем, чтобы развлечься, играют в мяч, сопровождая это пением. Это день с гомерическими девушками. Они умеют делать все, что необходимо: водить машину, стирать, прясть и шить. Никакая домашняя работа не помешает ни одной из них. И

они много находятся на свежем воздухе. Таким образом, все они находят себе активное занятие. Время никогда не тяготит их. А сила и свежесть тела порождают сладость нрава и здравость ума, которые действуют как чары на всех мужчин, которым приходится иметь с ними дело. Мне кажется, что это в какой-то степени объясняет феномен гомеровских поэм. В "Илиаде" и "Одиссее" нет ни одной порочной женщины. Некоторые из них совершают вопиющие нарушения обычных правил жизни, но это всего лишь временные отклонения или приступы безумия. И здесь нет проституции. Здоровый образ жизни объясняет еще одну особенность гомеровских женщин, которая заслуживает внимания. Среди них было необычайно много очень красивых женщин.

Район Фессалии, от которого вся Греция в конечном итоге получила свое название Эллада, характеризуется эпитетом "страна прекрасных женщин"; так же характеризуются и некоторые другие места. Но их тип красоты не был тем, который распространен в наши дни. Здоровье было первым условием красоты. У красивой женщины все черты лица и конечности были пропорциональны. Именно изящество и гармония каждой части тела составляли красоту. Поэтому рост считался обязательным условием. Елена выше всех своих спутниц. Внушительный рост производил на греков впечатление приближения к возвышенным формам богинь. Как и следовало ожидать, женская красота не ограничивается молодыми девушками в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Гомеровская женщина оставалась прекрасной на протяжении жизни одного-двух поколений. Елена, по мнению грека, в сорок или пятьдесят лет была так же прекрасна, как и в двадцать, и, вероятно, так же привлекательна, если не более. Гомеровский грек восхищался развитой женщиной не меньше, чем растущей девушкой.

Такими, значит, были эти гомеровские гречанки. Греческая раса была самой лучшей из когда-либо существовавших в плане физического развития и интеллектуальной мощи. Не видим ли мы в рассказе Гомера о женщинах нечто похожее на объяснение этого феномена? Раса здоровых, прекрасно сложенных женщин является естественным предшественником расы мужчин, обладающих высокой физической и интеллектуальной организацией.

ГЛАВА III.

СПАРТАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Когда мы уходим от Гомера, мы вступаем в новую область. Мы не знаем, насколько историчны гомеровские персонажи. Мы не можем сомневаться, что манеры и образ жизни мужчин и женщин, которых он описывает, были похожи на манеры и образ жизни реальных мужчин и женщин, среди которых он жил. Возможно, он немного идеализировал, но даже его идеализации отражают течение его эпохи. Но мы мало знаем о том, как были устроены различные государства Греции, и о том, какие отношения существовали между ними. Мы должны пройти через долгий период, который является практически пустым местом, и затем мы приходим к исторической Греции. В исторической Греции у нас нет единства греческой нации. У нас есть люди греческой крови, но эти люди не мечтали о том, чтобы сформироваться в единую нацию, управляемую одними и теми же законами и взаимно помогающую друг другу. Греческий ум рассматривал город как величайшую политическую организацию из всех возможных, или, во всяком случае, совместимую с адекватным выполнением функций государства. Соответственно, если бы мы могли дать полный отчет о

женщине в Греции, мы должны были бы подробно описать договоренности, достигнутые в каждом конкретном государстве. Материалов для такого рассказа, если бы мы захотели его дать, нет; но даже если бы они были, вероятно, мы узнали бы не намного больше, чем из истории двух самых выдающихся государств - Спарты и Афин. Именно на положение и влияние женщин в этих государствах мы должны обратить наше внимание.

Чтобы составить хоть какое-то представление о спартанском государстве, мы должны четко представлять себе, какое понятие о государстве было у древних в целом и у спартанцев в частности. Древние были сильно впечатлены упадком и смертностью отдельного человека; но они так же сильно чувствовали вечность рода через преемственность одного поколения за другим. Поэтому, когда образовывалось государство, самой главной идеей, пронизывающей все законодательство, было постоянство государства и непрерывность поклонения богам. Они не придавали значения индивидуальным желаниям. Они мало думали о свободе личности. Человек был для государства, а не государство для человека, и, соответственно, все частные и личные соображения должны быть без колебаний принесены в жертву силе и постоянству государства. Особый поворот эта идея получила в Спарте.

Исходя из обстоятельств, в которых оказались спартанцы, они должны были решить, что станут расой воинов. В их распоряжении было множество рабов, которые делали все необходимое для приобретения жизненно важных вещей. Поэтому у них не было необходимости трудиться. Но если они хотели удержать своих рабов и сохранить свою собственность от всех желающих, они должны были быть людьми крепкого телосложения, выносливыми, смелыми, решительными. А поскольку женщины были необходимой частью государства, они должны были способствовать достижению этого результата. Древние приписывают принятие этих законов Ликургу; но был ли он реальным человеком, и насколько можно доверять нашим сведениям о нем, для нас сейчас не имеет значения, так как нет никаких сомнений в том, что его законы действовали в лучший период существования Спарты. И законы эти несут на себе отпечаток той цели, ради которой они были приняты. Все законы, касающиеся женщин, преследуют одну единственную цель - получить первоклассную породу мужчин. Единственная функция, которую должна была выполнять женщина, - это материнство. Но эта функция понималась в самом широком диапазоне, в котором спартанцы представляли себе человечество. На самом деле ни одна женщина не может эффективно выполнять ни одну из великих функций, возложенных на нее природой, без полной культивации всех частей ее натуры. Так мы видим и в данном случае. Спартанцы хотели сильных мужчин: следовательно, матери должны быть сильными. Спартанцам нужны были храбрые мужчины: значит, матери должны быть храбрыми. Спартанцам нужны были решительные мужчины с твердым характером: матери должны быть решительными. Они свято верили, что какими будут матери, такими будут и дети. И они действовали в соответствии с этой верой. Прежде всего они уделили все внимание и заботу физической подготовке своих женщин.

С самых ранних лет женщины занимались гимнастическими упражнениями, а когда достигали девичьего возраста, вступали в состязания друг с другом в борьбе, скачках, метании кюита и копья. Некоторые авторы^[24] утверждают, что они участвовали в подобных состязаниях даже с юношами, и, подобно им, избавляясь от легкой одежды, которую они имели привычку носить в теплом климате, демонстрировали перед собравшимися толпами, какие подвиги силы и ловкости они могут совершать. Таким образом, все жители города узнавали о силе девушки; не было возможности скрыть болезнь; ни одна больная девушка не могла выдать себя за здоровую. Но не только для физической силы, но и для душевного тонуса девушки должны были проходить через эти физические упражнения. Девушки

свободно общались с молодыми людьми. Они хорошо узнавали друг друга. Задолго до брака они успели привязаться и узнать характеры друг друга. И в играх юношей ничто так не вдохновляло их, как похвала девушек, и ничто так не ужасало, как крики насмешек, которыми они встречали свои неудачи. То же самое влияние ощущалось, когда они сражались в бою. Мысль о том, что, вернувшись домой, они будут восторженно встречены матерью и сестрой, не раз подкрепляла руку в час опасности. Вся подготовка до замужества была специально направлена на то, чтобы спартанские женщины стали матерями. Не стоит и говорить, что все меры, связанные с браком, принимались исключительно для блага государства. Все спартанские девушки должны были выйти замуж. Никто и не думал не выходить замуж. Но было одно исключение. Ни одной больной женщине не разрешалось выходить замуж. Потомство должно быть здоровым. И действительно, если бы в Спарте пришлось советоваться с собственными чувствами, больная девушка по собственной воле воздержалась бы от брака. Ведь государство предъявляло права на всех детей. Все они очень скоро после рождения попадали в назначенную правительством комиссию, которая изучала форму и возможное здоровье ребенка, и если комиссия приходила к выводу, что ребенок не может быть крепким, принималось решение о его смерти.

Но среди спартанцев, должно быть, было очень мало больных женщин. Если девушка выдерживала этот первый осмотр, ей, как мы уже видели, предстояли испытания, и только сильные могли выдержать гимнастические упражнения и обнажение лица в любую погоду во время религиозных процессий, священных танцев и физических состязаний. Также был установлен возраст вступления в брак, причем особое внимание уделялось тому, чтобы спартанские девушки не выходили замуж слишком рано. Во всех этих правилах к женщинам относились не строже, чем к мужчинам. Мужчины также были практически вынуждены жениться. Мужчина, который осмеливался оставаться холостяком, подвергался различным наказаниям. Если мужчина не женился по достижении определенного возраста, ему запрещалось присутствовать на упражнениях молодых девушек. В один из зимних дней каждого года их брали в полном составе и, раздевшись донага, обходили агору, распевая песню, в которой рассказывалось, как позорно они поступили, послушавшись законов своей страны, - зрелище для богов и людей. Женщины также на определенном празднике таскали этих заблудших вокруг алтаря, постоянно нанося им удары[25]. Мужчин наказывали даже за слишком позднюю женитьбу или за непропорционально молодую или старую женщину.

Такова была спартанская система. Каковы же были ее результаты? В течение примерно четырех или пятисот лет сменяли друг друга самые сильные мужчины, которые когда-либо существовали на земле. Законодатель преуспел в достижении своей главной цели. И я думаю, что могу добавить, что эти люди были одними из самых храбрых. Они, безусловно, удерживали господство в Греции в течение значительного времени благодаря огромной силе энергии, храбрости и повиновению закону. И женщины способствовали этому высокому положению не меньше, чем мужчины. Они сами отличались энергичностью тела и красотой форм. Любопытная иллюстрация этого факта встречается в одной из пьес Аристофана. Афинская дама решает положить конец войне между афинянами и лакедемонянами совместными действиями жен из всех частей Греции. Она созывает их на совещание, и когда Лампито, жена лакедемонянина, входит, она обращается к ней с такими словами: "О дорогая спартанка, о Лампито, добро пожаловать! Как ты прекрасна, милейшая, как свеж твой цвет лица, как энергично твое тело. Ты могла бы завалить быка". "Да, - говорит она, - думаю, что могла бы, по примеру Кастора и Поллукса, ибо я занимаюсь гимнастикой и высоко прыгаю"[26]. Однако они были не просто сильны телом, но проявляли глубокий интерес ко всем делам, касавшимся государства. В заботе об обществе они топили все, даже материнские чувства. Сохранилось множество историй и поговорок на этот счет. Одна

спартанская мать отправила своих пятерых сыновей на войну и, зная, что произошло сражение, ждала новостей на окраине города. К ней подошел какой-то человек и сообщил, что все ее сыновья погибли. "Ты, мерзкий раб, - сказала она, - я хотела узнать не это; я хочу знать, как поживает моя страна". "Победа", - ответил он. "Тогда, - сказала она, - я охотно узнаю о смерти моих сыновей".

Другая старуха, хороня своего сына, соболезновала ему: "О, твоя судьба!" "Да, боги, - ответила она, - славная судьба, ибо не для того ли я родила его, чтобы он умер за Спарту?"

И их мужество было не просто смелым и физическим. Это было нравственное мужество. Один спартанец был ранен в бою и вынужден был ползти на четвереньках; казалось, ему было стыдно за неловкость своего положения. "Насколько лучше, - сказала его мать, - радоваться храбрости, чем стыдиться невежественного смеха!"

Можно было бы предположить, что особое воспитание, которому подвергались женщины, могло сделать их развратными и бесцеремонными, но есть убедительные свидетельства того, что свободное общение с молодыми людьми не приводило к таким результатам. Прелюбодеяние было почти совсем неизвестно.

Плутарх[27] рассказывает историю о том, как один незнакомец спросил Герадаса, одного из очень старых спартанцев, какое наказание предусматривает их закон для прелюбодеев. Тот ответил: "О чужеземец, в нашей стране нет прелюбодеев". Незнакомец спросил: "А если бы он появился?" "Он платит штраф, - говорит Герадас, - из быка такой величины, что, склонившись над Тайгетом, он выпьет из Евротаса". Когда незнакомец выразил свое удивление и сказал: "Но как может быть такой большой бык?" Герадас с улыбкой ответил: "А как в Спарте мог появиться прелюбодей?". Возможно, это слишком сильное выражение, и там были разрешены некоторые виды практики, которые не были бы разрешены в наших сообществах. Единственной целью брака было рождение сильных детей, и любое отклонение от обычного порядка, при котором одна женщина выходит замуж за одного мужчину, считалось не только законным, но и достойным похвалы, если оно обеспечивало сильных детей. Таким образом, слабый мужчина мог отдать свою жену сильному, и некоторые женщины имели двух мужей. Известен лишь один случай, когда спартанец имел двух жен, и этот случай был единичным. Должно быть, женщинам была предоставлена большая свобода действий. Но все эти случаи должны были быть совершенно исключительными. Жены были верны своим мужьям, мужья любили и гордились своими женами. Бедную девушку спросили, какое приданое она может дать своему возлюбленному. "Чистоту предков", - ответила она. К лакедемонянке прислали человека, который пытался убедить ее помочь в каком-то дурном деле. "Когда я была девочкой, - сказала она, - меня учили слушаться отца, и я слушалась его; а когда я стала женой, я слушалась мужа; поэтому, если у тебя есть что-то справедливое, к чему ты хочешь призвать, скажи об этом сначала ему".

Таковыми были спартанские женщины на протяжении многих поколений. Ни одно слово упрека не может быть сказано в их адрес. Правда, свободное общение юношей с девушками и небрежность женских одежд шокировали простых афинян, и выражения на этот счет встречаются у некоторых писателей, особенно у Еврипида.[28] Но общая чистота спартанских женщин гарантируется всеми основными авторами, которые обсуждали конституцию Спарты в период ее господства - Платоном,[29] Ксенофонтом и Плутархом. Несомненно, эта система страдала от радикального недостатка. Она была исключительной. Она отталкивала всех чужаков; она не поощряла высшую культуру, по крайней мере, в отношении мужчин; и она подозревала все высшие искусства в склонности к роскоши. А

когда наступил кризис и старые нравы сдали свои позиции, порок и слабость хлынули внутрь, и мужчины и женщины стали одинаково плохими. Именно в последний период звучат слова порицания. Платон справедливо критикует один заметный недостаток в отношении спартанцев к женщинам. Законодатель смотрел на женщину только как на мать. Все остальные функции он упускал из виду. Но женщины не могут всю жизнь быть матерями. Когда их младенцы становились мальчиками, их отдавали на воспитание спартанским мужчинам. И тогда какую функцию должны были выполнять женщины? Ликург или спартанские законодотворцы не задумывались об этом. Мужчины до конца своих дней находились под строгим контролем. Они обедали вместе по установленному государством рациону. Они постоянно находились на военной службе. Им поручались другие работы. Но для женщин не существовало никаких правил. Они могли жить как угодно, ничто не сдерживало их роскошь, и их не обучали военному искусству, как мужчин. Такое пренебрежение к половине города, утверждает Аристотель, привело к плачевным последствиям. В его время спартанские женщины были неисправимы и роскошны. Он также утверждает, что при спартанском строе в руки женщин попало много земли, так что они владели двумя пятими ее части; и, наконец, он обвиняет спартанских женщин в том, что они управляли своими мужьями. Воинственные мужчины, считает он, склонны страстно любить женское общество. "И какая разница, - говорит он[30], - правят ли женщины или правители управляются женщинами, ведь результат один и тот же". Похоже, в этом последнем обвинении была доля правды. Многие жены были лучше образованы, чем их мужья, и этот факт был замечен другими. "Вы из Лакедемонии, - сказала одна незнакомая женщина Горго, жене Леонида, - единственные женщины в мире, которые управляют мужчинами". "Мы, - ответила она, - единственные женщины, которые порождают мужчин". В словах Горго есть большой смысл. Если женщины рожают и воспитывают *мужчин*, они обязательно получают от них уважение и нежность, ведь нет более надежного испытания настоящей мужественности мужчины, чем его любовь ко всему самому благородному, высокому и истинному в женщине и его желание помочь ей достичь полного совершенства ее природы.

Изучающим историю женщины постоянно напоминают о том, что когда мужчины теряют свое достоинство и значимость, женщина исчезает со сцены, но когда они возвышаются, она снова выходит на сцену во всей своей силе и нежности. Перед нами пример. Спарта выродилась. Ее имя почти исчезло со страниц историков. Но ей не суждено было погибнуть без последней борьбы. В середине третьего века до Рождества Христова два царя Спарты, сменяя друг друга, мечтали покончить с роскошью, восстановить старую спартанскую дисциплину и старые ликурговы законы. И среди их энергичных и героических усилий, направленных на осуществление этих великих перемен, женщины снова играют свою роль с энергией и преданностью. Самым первым из двух царей был молодой и мягкий Агис,[31] и почти первым человеком, с которым он посоветовался по поводу своих реформ, была его мать Агесистрата, женщина, обладавшая большим богатством и влиянием. Поначалу она была совершенно ошарашена, ведь проект предусматривал отказ от всех ее богатств. Но в конце концов она восхитилась благородными амбициями сына и решила с помощью других единомышленниц заручиться поддержкой женщин Спарты. Важность такой поддержки трудно переоценить.

"Они хорошо знали, - говорит Плутарх, - что лакедемонские мужчины всегда были послушны своим женам и позволяли им вмешиваться в государственные дела больше, чем себе в частные". Кроме того, у женщин было много имущества. Откажутся ли они от своего богатства? Откажутся ли они от своих роскошных привычек? Вернутся ли они к старой спартанской простоте? Нет, похоже, движение пришло слишком поздно. Одни были готовы пожертвовать всем, но другие не хотели ничего уступать, и против Агиса образовалась

сильная партия. Поначалу эта партия была подавлена высокой рукой. Вождь Леонид был отправлен в изгнание. Дочь этого человека, Хелонис, - один из выдающихся персонажей, появившихся в эти смутные времена. Она была замужем за Клеомбротом, который перешел на сторону Агиса. Хелонис была в затруднении, как поступить, но она решила пойти по пути, где требовались мягкость и нежность. Она оставила мужа и ухаживала за попавшим в беду отцом, облегчая его нужды, успокаивая его беды и умоляя победоносную сторону в его пользу. В конце концов колесо фортуны повернулось. Леонид стал хозяином положения. Агис и Клеомброт оказались в его руках. Хелонис сразу же сбежала от отца и заняла место рядом с мужем. В жалком одеянии, которое она носила, когда умоляла отца, она стала умолять мужа. После долгих уговоров она добилась своего, и жизнь ее мужа была сохранена, но он был приговорен к изгнанию. Хелонис снова пришлось делать выбор. Отец уговаривал ее остаться с ним, напоминал о доброте, которую он проявил, пощадив ее мужа, и обещал все удобства. Но Хелонис не колебалась. Когда Клеомброт поднялся, чтобы уйти, она отдала ему одного из своих детей и, взяв другого на руки и поцеловав алтарь богини, ушла с ним в унижение и нищету.

Плутарх справедливо замечает, что если бы Клеомброт не был полностью развращен тщеславием, он счел бы изгнание с такой женщиной большим благословением, чем любое царство. Судьба чистосердечного Агиса была еще хуже, чем у Клеомброта. Ему не было оказано никакой пощады, и он был предан смерти через удушение. Его мать, Агесистрата, ждала, что с ним будет дальше. Офицер, знавший, что Агис мертв, обманчиво сказал ей, что никакого насилия над ним не будет. Она пожелала увидеть его и взять с собой свою старую мать. Разрешение было получено. Две женщины вошли в тюрьму. Двери были закрыты. Бабушку попросили пройти в камеру, где находился Агис. Она вошла и была задушена. Затем вошла Агесистрата и увидела своего сына, лежащего на земле, и мать, висящую на веревке. Она спокойно помогла снять мертвое тело и, растянувшись рядом с Агисом, уложила оба тела и накрыла их; припав к сыну и целуя его, она сказала: "О сын мой, это твоя мягкость и доброта погубили тебя". "Если вы так считаете, - сказал офицер, - то вам лучше идти той же дорогой". Она храбро выпрямила шею и сказала: "Пусть это обернется на благо Спарты!" Так была пресечена первая попытка реформации Спарты.

Вторая попытка также отличается благородством женщин, которые ей содействовали. На престол вззошел Клеомен,^[32] человек очень энергичный и способный, сын упомянутого выше Леонида. Отец заставил его жениться на Агиатис, вдове Агиса; но вскоре он полюбил эту благородную и нежную даму. Они вместе много говорили об Агисе и его проектах, и Клеомен в конце концов решил провести намеченные реформы. И снова молодому принцу очень помогла его мать, Кратесиклея, которая снабжала его средствами и даже вышла замуж ради него, так как таким образом заручилась поддержкой одного из самых влиятельных людей в Спарте. Но судьба снова оказалась слишком сильной для реформатора. Ему действительно удалось внедрить свои реформы в Спарте и вновь обеспечить ей первенство в Пелопоннесе. Но он вызвал ревность Арата, главы Ахейской лиги; был вызван македонский чужеземец, и после смертельной битвы Клеомен вынужден был бежать. Во время борьбы с ним умерла его благородная жена Агиатис, о которой он горько сожалел. Его мать, Кратесиклея, всегда была готова помочь ему и поддерживала его до последнего. Однажды ему потребовался союз с Птолемеем, царем Египта, но Птолемею не согласился на него, если спартанский царь не отправит в качестве заложников свою мать и ребенка. Клеомен не рискнул упомянуть об этом предложении своей матери, но зоркий глаз матери заметил, что он скрывает от нее какую-то тайну. Наконец она убедила его открыть ее, а услышав, громко рассмеялась и сказала: "Не отправишь ли ты немедленно это тело туда, где оно будет наиболее полезным для Спарты, пока оно не распалось от старости?" Отправившись в

Египет, она услышала, что Клеомен боится принимать какие-то меры, потому что Птолемей держит в заложниках его мать и ребенка, и тут же написала ему: "Делай, что должно, и не заботься о том, что станет со старухой и маленьким ребенком".

Судьба Клеомена была столь же трагична, как и судьба Агиса. Он искал убежища в Египте, но вместо дома нашел там тюрьму. Он и его спутники решили одолеть часовых, прорваться через тюрьму и поднять жителей на борьбу за свободу. Они легко прорвались через место заключения, но не смогли разбудить жителей, и тогда они решили умереть. Каждый из них покончил с собой, кроме Пантея, самого молодого и красивого из них. Царь приказал ему подождать, пока все не покончат с собой. Так он и сделал. Он обошел все тела, чтобы убедиться, что они мертвы, а затем, поцеловав Клеомена и обняв его, покончил с собой. Египетский царь приказал казнить всех женщин, связанных со спартамцами. Мать привели и закололи. Другие женщины также были преданы смерти. Но самым трогательным был конец жены Пантея. Она была еще очень молода, изысканно красива и находилась в восторге от первой любви. Когда ее муж уехал из Спарты в Египет, отец не позволил ей поехать с ним и заточил ее в темницу. Но она нашла способ сбежать. Она села на коня и поскакала в Тенару, а затем села на корабль, плывущий в Египет. Теперь она ходила вокруг женщин, ободряя и утешая их. Она повела Кратесиклею за руку к месту казни. Она достойно уложила тела убитых женщин. А затем, поправив свое одеяние, чтобы оно красиво спадало, она без страха отдала себя в руки палача. Так закончилась вторая попытка спартанской реформации, и отныне автономная Спарта и ее женщины исчезают из истории. Мы можем закончить эту историю заключительными словами Плутарха, который, вспоминая драматические состязания, проводившиеся в Греции, говорит: "Так Лакедемон, показав драматическое состязание, в котором женщины соперничали с мужчинами, в свои последние дни продемонстрировал, что добродетель не может быть оскорблена Фортуной".

ГЛАВА IV. САПФО.

После спартанских женщин мы, естественно, должны обсудить положение и влияние женщин среди афинян. Но наше внимание привлекает необычное явление, хронологически предшествующее этому. Спартанская конституция оставалась почти в том же состоянии с девятого века по четвертый. Наши знания о жизни афинских женщин относятся в основном к пятому и более поздним векам. В седьмом и шестом произошло то движение среди женщин, о котором я упоминаю. К сожалению, многие его черты остаются неясными. Древние не проявляли к нему особого интереса, а записи, в которых содержалась его история, почти все исчезли. Центром движения была поэтесса Сапфо. Сама по себе она заслуживает лишь мимолетного упоминания в любом рассказе об античных женщинах, поскольку заняла совершенно уникальное положение. Она была единственной женщиной во всей античности, чьи произведения по всеобщему согласию ставили ее в один ряд с величайшими поэтами другого пола. Солон, услышав на пиру одну из ее песен, попросил певца немедленно научить его ей, сказав, что хочет выучить ее и умереть.^[33] Геродот, Платон, Аристотель отзываются о ней в выражениях глубокого уважения. Платон называл ее десятой музой. А Страбон, похоже, выражает мнение античности, когда говорит, что она была чем-то совершенно удивительным; "ибо мы не знаем, - говорит он, -^[34] за весь период времени, о котором

сохранились какие-либо записи, появления хоть одной женщины, которая могла бы соперничать с ней хотя бы в малой степени в отношении поэзии".

Эта женщина была полна решимости сделать все возможное для возвышения своего пола. Единственным методом культуры, открытым для женщин в то время, была поэзия. Другой формы литературы не существовало, и поэтому она систематически обучала своих учеников быть поэтами и вплетать в стихи благороднейшие максимы интеллекта и глубочайшие эмоции сердца. Молодые люди с богато одаренными умами стекались к ней со всех концов и образовали своего рода женский колледж.

Нет никаких сомнений в том, что эти молодые женщины искали общества Сафо из-за отвращения к низкой рутине и однообразной рутинной работе, которой была отдана жизнь женщин, и они стремились подняться к чему-то более благородному и лучшему. Об этом мы узнаем от самой Сафо. Вот как она обращается к необразованной женщине: - "Умирая, ты будешь лежать.

"Умирая, ты будешь лежать в могиле, и никто не вспомнит о тебе после, потому что ты не причастилась роз Пиерии; да, ничем не примечательная, ты будешь ходить по залам Аида, трепеща вместе с жалкими мертвецами".

А одна из самых выдающихся ее учениц, Эринна, , умершая в раннем возрасте девятнадцати лет, воспела в поэме "Дистаф" горести девушки, которую мать заставляла работать за ткацким станком и дистафом, в то время как сама она стремилась поклоняться Музам.

Пыталась ли она внести какие-либо другие новшества в положение женщин? Какие отношения, по ее мнению, должны существовать между одним полом и другим? На эти вопросы хотелось бы получить ответ, но история молчит, и мы можем лишь строить догадки на основе отдельных фактов и высказываний. Поздний греческий писатель Максим Тирий^[35] сравнивает ее связь с молодыми женщинами с той связью, которая существовала между Сократом и юношами. Следует помнить, что даже в Спарте мужчины были вынуждены вступать в очень тесную и постоянную близость; и что это было еще более распространено в других государствах, где женщины содержались в строгом заточении. Даже в Спарте мужчины обедали вдвоем; они часто уходили в военные походы на целые месяцы вместе, и именно мужчины были наставниками юношей. Таким образом, между стариками и молодыми возникала страстная близость: старик стремился обучить любимого юношу всем мужественным и добродетельным упражнениям, а юноша служил и защищал своего старого друга изо всех сил. Эти привязанности были подобны любви Ионафана и Давида, превосходящей любовь женщин. Вероятно, Сафо не понимала, почему эти близкие отношения, чреватые столькими преимуществами, должны быть присущи только мужскому полу; и она стремилась, или, по крайней мере, Максим Тирий считал, что она стремилась, установить гораздо более тесные связи, такие крепкие узы любви между представителями своего пола, которые бы навсегда объединили их в крепкой дружбе, успокоили бы их во время печали и заставили радостно коротать часы жизни. И ее поэзия выражает необычайную силу и теплоту привязанности. Как Сократ едва не падает в обморок при виде изысканной красоты афинского юноши, так и Сафо вся трепещет при взгляде на своих прекрасных девушек. И в выражение глубины своих чувств она вплетает все красоты природы. Похоже, она испытывала на редкость сильную любовь к природе. Яркое солнце, луна и звезды, музыка птиц, прохладная река, тенистая роща, Гесперус и золотистый рассвет - все это для нее служители любви, этой сильной любви к своим ученицам-поэтессам, за одну из которых, по ее словам, она не отдала бы всю Лидию. Но хотя эта ассоциация могла быть одной из главных целей, нельзя утверждать, что у нее возникла идея заменить любовь

женщин любовью мужчин. Некоторые из ее девушек, несомненно, вышли замуж, и Саффо сочиняла их гимнические песни. Она вникала в их будущую судьбу и сочувствовала им на протяжении их карьеры, провожая их в могилу с печальными сетованиями, которые могут произносить только те, кто остро ощутил радости жизни и видит в смерти вход в холодное, теневое и жалкое существование.

Не исключено, что она могла отважиться на новые взгляды на природу брака. Когда мы перейдем к рассмотрению Афин, то увидим, что ограничения на брак в древнем мире носили самый строгий и узкий характер. Ее соотечественницы-лесбиянки пользовались значительной свободой, и Гераклид Понтийский[36] говорит, что они "были возбудимы и смелы. Поэтому среди них распространено пристрастие к выпивке и любовным утехам, а также всевозможные послабления в еде". Это утверждение относится к эолийцам, к которым принадлежали лесбиянки. Но их окружали ионийцы, среди которых положение женщин было почти подневольным. Возможно, Саффо открыла свой дом для девушек, уставших от такого строгого ограничения, и посоветовала выйти замуж по расчету. Вероятно, именно это обстоятельство объясняет то отношение к личности Саффо, которое она получила в последующие времена, ведь все женщины, осмеливавшиеся содействовать прогрессу своего пола, и все мужчины, смело помогавшие им, во все века почти одинаково подвергались клевете и поношению.[37] Все, которые мы имеем о ней из современных или почти современных источников, говорят о ней в высоких выражениях. Алкей, ее земляк, поет о ней как о "фиалковой, целомудренной, сладко улыбающейся Сафо" и обращается к ней в стихах, которые подразумевают веру в ее чистоту. Геродот[38] рассказывает, как она горько упрекнула брата, растратившего все свои деньги на красивую придворную даму. Сograждане чтили ее, отчеканивая ее фигуру на своих монетах, - "чтили ее", говорит Аристотель[39], "хотя она была женщиной". И фрагменты ее собственных стихов свидетельствуют о том же факте. В них, действительно, видна горячая кровь южной девушки, не знающей утаек. Если она любит, она рассказывает об этом в стихах, которые вибрируют от эмоций, трепещут от страсти. И она не была ханжой. Как и все представители ее пола того времени, она считала, что любить - это женское предназначение и что женщина, которая пытается противостоять порыву бога, совершает невозможный подвиг. Но нет ни строчки, свидетельствующей о том, что она влюбилась в какого-либо мужчину. Возможно, она это сделала, возможно, так и было, но четких доказательств нет. Есть только одно упоминание о мужчине, и, скорее всего, она воспекает не свою страсть, а любовь одной из своих девушек. И если она написала множество гимнов златокудрой Афродите, то она также писала гимны целомудренной Артемиде и молилась целомудренным Грациям.

Но когда мы переходим от ее современников к афинским комическим писателям, все меняется. Не менее шести комедий, написанных шестью разными поэтами, носят ее имя и демонстрируют ее любовь, а еще четыре пьесы, вероятно, посвящены той же теме. В них она изображалась любящей поэта, умершего до ее рождения, и двух поэтов, родившихся после ее смерти. Но особенно она влюбилась в возрасте пятидесяти лет в некоего мифологического юношу, которого Афродита одарила способностью доводить до отчаяния любую понравившуюся ему женщину. Старая Саффо впала в отчаяние, по словам этих поэтов, и погрузилась в море, чтобы охладить эту безумную страсть; но достигла ли она дна, ни один комический поэт или последующий историк не поручился нам рассказать. Все эти злодейские истории, которые набирали обороты, пока, как замечает Филарет Шаслес, не достигли кульминации в Попе, кажутся мне свидетельством того, что она решилась на некоторые смелые нововведения в отношении своего пола, которые шокировали афинский ум. И, возможно, подтверждением этому служит утверждение на Парийском мраморе, хотя этот документ часто не заслуживает доверия,[40] что она была изгнана и бежала в Сицилию.

Возможно, она и принимала участие в многочисленных политических движениях, будораживших ее родной остров, но более вероятным представляется, что она нанесла бы обиду, пытаясь отменить некоторые ограничения, которые, по ее мнению, притесняли или унижали ее пол.

ГЛАВА V. АФИНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ.

Теперь мы переходим к афинянкам. Явление, которое здесь наблюдается, столь же своеобразно и поразительно, как и все, что мы до сих пор рассматривали. В Афинах мы видим два класса женщин, которые не были рабынями. Одни из них не могли и шагу ступить из своих комнат, за ними следили и всячески ограничивали их свободу. Другой класс, для которого не существовало никаких ограничений, мог передвигаться и делать все, что считал нужным в своих собственных глазах. И неограниченные, по всей вероятности, поменялись бы местами с ограниченными, а многие из ограниченных завидовали свободе других представителей своего пола. Перейдем к объяснению этого феномена.

Прежде всего, необходимо твердо помнить о древней идее государства. Древние греки, как мы уже говорили, не мечтали о политической конституции более обширной, чем город. Афины были самым крупным городом-государством в Греции, и все же в нем, вероятно, никогда не насчитывалось более тридцати тысяч граждан. Эти граждане, согласно греческой идее, были связаны кровными узами, более или менее отдаленными; у них был один и тот же божественный предок; они поклонялись одним и тем же богам в одних и тех же храмах и обладали многими общими правами, имуществом и привилегиями. Поэтому было крайне важно, чтобы в продолжении государства принимались только истинные граждане, и, соответственно, был установлен общий принцип, согласно которому гражданами не могли стать только те, чьи отцы и матери были детьми граждан. Отсюда следовало, что нужно было тщательно следить за тем, чтобы в государство не попало поддельное потомство. В этом вопросе нельзя было доверять женщинам, полагаясь на их собственное чувство приличия. Для женщины любить - это естественно. Даже мужчины бессильны перед неодолимой любовью, а уж от слабых женщин можно было ожидать гораздо меньшего самообладания. Поэтому необходимо было придумать средства, чтобы предотвратить возможность того, что что-то пойдет не так, и, соответственно, для гражданских женщин отводились специальные апартаменты, как правило, в верхнем этаже, чтобы им приходилось спускаться вниз, и мужчины могли видеть их, если они осмеливались выйти. Затем им запрещалось присутствовать на любом банкете. Мужчины предпочитали ужинать в одиночестве, не выставляя своих жен на обозрение соседей. А чтобы не поддаваться искушению, женщины должны были закутывать каждую часть своего тела. В дополнение к этим внешним мерам были приняты законы, способные отпугнуть самых смелых.

Женщина-гражданка не могла иметь с гражданином почти[41] никакой другой связи, кроме брака. Самая кратковременная насильственная связь налагала обязанность вступить в брак или влекла за собой суровые наказания. И она не могла выйти замуж ни за кого, кроме гражданина. Связь с чужаком никогда не могла стать браком. А после замужества

неверность каралась самым страшным позором. Муж был вынужден прогнать ее. Ни один мужчина не мог жениться на ней снова; ведь если кто-то решался на такое, он тем самым лишался гражданских прав. Она была практически изгнана из общества и отлучена от церкви. Если она появлялась в храме, любой мог сорвать с нее платье и безнаказанно издеваться над ней в любой степени, лишь бы не убивать. Ее сообщник также мог быть предан смерти, если муж поймает его. Для сохранения чистоты гражданства применялись самые строгие ограничения и самые страшные наказания. Чтобы еще лучше представить себе положение афинской жены, следует добавить, что обычно она выходила замуж в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. До этого времени она видела и слышала как можно меньше, ни о чем не расспрашивала^[42] Ее знакомство с внешним миром происходило почти исключительно религиозных процессиях. "Когда мне было семь лет, - говорит хор женщин в "Лисистрате"^[43], - я несла в процессии мистический ящик; потом, когда мне исполнилось десять, я молола лепешки для нашей богини-покровительницы; потом, облаченная в одеяние цвета шафрана, я была медведем на брауронском празднике; и я несла священную корзину, когда стала прекрасной девушкой". Таковы основные внешние события в жизни высокородной афинской девы. Когда она выходила замуж, ее жизнь становилась не намного разнообразнее. Ее обязанности полностью лежали на доме. Они сводились к словам: "Оставаться дома и быть послушной мужу". Она руководила рабынями, которые чесали шерсть; она шила или помогала шить одежду для мужа и детей; она отвечала за провизию; и она должна была уделять некоторое время младенцам. Если она вообще выходила из дома, то только на религиозную процессию или на похороны, а если была стара, то могла иногда навестить подругу, позавтракать с ней или помочь ей в трудную минуту. Для выполнения обязанностей, которые лежали на афинской женщине, не требовалось больших интеллектуальных способностей, и, соответственно, образование девочек сводилось к самым скромным элементам.

Так обращались с афинскими женщинами. Каковы же были результаты? Легко заметить, что до брака любовных отношений было очень мало. Девочка тринадцати-четырнадцати лет, готовящаяся к жизни, состоящей из шитья, прядения, добывания провизии и ухода за детьми, обычно не является объектом особой привлекательности для взрослых мужчин. Романтический элемент явно недостаточен. Да и потом, даже если бы романтический элемент и присутствовал, у молодых людей не было возможностей для свободного общения. Поэтому сватовством в значительной степени занимались старухи, которым разрешалось ходить из дома в дом и которые объясняли молодой женщине качества молодого человека, а молодому человеку - качества молодой женщины. Брак, заключенный таким образом, мог быть счастливым, а мог и не быть, но в нем не могло быть много идеальной любви. Также нет оснований полагать, что афиняне очень любили своих жен. Они любили их, если те экономно вели хозяйство и рожали здоровых детей, особенно сыновей. Но они отсутствовали с ними большую часть дня, не обсуждали с ними важнейшие темы, не делились с ними своими мыслями и стремлениями. Домашние чувства были слабыми: это проявлялось по-разному. Достаточно одного примера. Софокл^[44] представляет одного из своих героев как сожалеющего о потере брата или сестры гораздо больше, чем о потере жены. Если жена умирает, можно найти другую, но если умирает брат или сестра, а мать мертва, другого брата или сестры уже не найти. Одна потеря легко восполнима, другая - невозможна.

Такое положение дел сильно повлияло на жен. Многие из них утешали себя в одиночестве обильными порциями несмешанного вина. Они часто назначали свидания через своих рабынь и любили уходить из дома при каждом удобном случае. А неверность, несмотря на страшное наказание, была не редкостью. На самом деле их человеческая природа не могла выдержать возложенной на нее нагрузки. Несомненно, среди них было много хороших и

верных жен, и мы не должны всегда судить о южных девушках по нашим северным телесным и душевным качествам. Я знал одну греческую девушку, которая достигла несравненной красоты еще до того, как ей исполнилось четырнадцать лет. Каждая черта лица была совершенна, ее темные глаза в одно время мерцали диким весельем, в другое - смотрели со странной меланхолией, словно в бесконечную тьму. Она свободно говорила на четырех языках и много читала на каждом из них. И когда я приходил к ней в печальном меланхолическом настроении, она говорила мне, что озадачена тайной жизни и задается вопросом, что все это значит. Я не сомневаюсь, что в старых Афинах было много таких девушек, и многие афинские жены могли обсуждать с мужем самые высокие темы. В самом деле, вряд ли можно представить себе, что такой чудесный урожай замечательных людей, прославленных в литературе и искусстве, мог бы возникнуть, если бы все афинские матери были обычными домохозяйками. Но обстоятельства, конечно, были крайне неблагоприятны для них; и хотя в истории мира никогда не было такой многочисленной расы великих мыслителей, поэтов, скульпторов, художников и архитекторов в одном городе в одно время, как в Афинах, ни одна афинская женщина никогда не достигала ни малейшего отличия в каком-либо отделе литературы, искусства или науки. "Велика, - говорит Перикл в знаменитой погребальной оратории, которую вложил в его уста Фукидид^[45], - слава той женщины, о которой меньше всего говорят среди мужчин, хвалят или порицают". И этой славы афинские женщины достигли в совершенстве.

От афинских гражданок мы переходим к другому классу свободных женщин - чужестранкам. Чужестранец не имел никаких прав и привилегий ни в одном из древних государств. Любую справедливость он мог получить только благодаря дружеским услугам какого-нибудь гражданина. Если это относилось к мужчине-чужестранцу, то это относилось и к женщине-чужестранке. Она не имела права на защиту города-государства. Для ее блага не принимались законы. Она должна была сама заботиться о своих интересах или заставлять кого-то делать это за нее, используя свое искусство убеждения. Единственная цель, которую государство ставило перед собой в отношении этих чужестранных женщин, - следить за тем, чтобы они ни в коем случае не портили чистоту крови горожан. Государственные деятели считали, что от их присутствия в обществе могут исходить большие опасности. Политическая опасность может угрожать самому существованию государства, если чужаки с чужими традициями и чужими интересами будут принимать хоть малейшее участие в управлении государственными делами. А боги могли быть страшно оскорблены и подвергнуться страшному возмездию, если бы одна из этих чужестранных женщин проникла в тайные уголки культа предков и выполнила некоторые из священных функций, которые могли выполнять только женщины-гражданки. Поэтому спартанцы не позволяли чужакам, ни мужчинам, ни женщинам, жить в своем городе. Чужестранцы могли приходить на некоторые праздники на несколько дней, но срок их пребывания был строго ограничен.

Афины проводили другую политику. Это был торговый город. Она была главой и, в конечном счете, правителем более крупной конфедерации греческих государств, которые отправляли ей свои налоги. Кроме того, сам город был полон достопримечательностей для чужеземцев: бесчисленные произведения искусства, блестящие драматические выставки, великолепные религиозные процессии, шумные праздники, философские школы и острая политическая жизнь. Афины не могли исключить чужаков. Поэтому пришлось принять самые строгие меры предосторожности, чтобы это скопление чужаков не развратило чистую кровь граждан. Поэтому были приняты законы, запрещавшие мужчине-гражданину жениться на чужой женщине, а мужчине-чужестранцу - на женщине-гражданке. Если мужчина-чужестранец или

женщина-чужестранка решались на такое отвратительное преступление, любой мог донести на него или нее. Виновного арестовывали, конфисковывали все его имущество и продавали в рабство. Гражданин-мужчина или женщина, замешанные в таком преступлении, должны были понести очень суровое наказание. Чужестранки, таким образом, не могли выходить замуж. Брак был единственным грехом, который они могли совершить с политической точки зрения в глазах афинского государственного деятеля. Все остальное они могли делать по своему усмотрению.

Невозможно представить, чтобы в таких обстоятельствах многочисленный класс женщин посвятил себя вечной девственности. Если бы кто-нибудь высказал такое мнение, греческий ум отшатнулся бы от него как от противоестественного и явно противоречащего воле богов. Соответственно, эти женщины могли вступать в любые другие связи с мужчинами, временные или постоянные, кроме брака, и грек не видел в этом ничего, кроме обычного исхода человеческой природы при особых обстоятельствах дела. Кроме того, в Афинах для них была открыта особая сфера. Женщины-гражданки ограничивались своими домами и не обедали в компании с мужчинами. Но мужчины отказывались ограничивать свое общение с женщинами домом. Они хотели, чтобы женщины были с ними на прогулках, на пирах, в военных походах. Тогда жены не могли быть с ними, но чужих женщин никто не ограничивал. Греческим мужчинам было все равно, будет ли потомство от чужих женщин чистым или нет. Это не имело значения ни для государства, ни для религии. Не было никаких причин ограничивать их. Соответственно, они выбирали этих чужих женщин в качестве своих спутниц, и "хетайра", или спутница, стало именем, которым обозначался весь класс. Так возникло самое неестественное разделение функций среди женщин тех дней. Гражданские женщины должны были быть матерями и домохозяйками, не более того; чужестранки должны были выполнять обязанности компаньенок, но оставаться за пределами привилегированного и брачного класса. Эти женщины-странницы приложили свой ум к выполнению своей функции, имея различные представления о ней и различные методы. Многие из них использовали самые низкие средства, чтобы завоевать расположение мужчин; но многие стремились стать достойными спутницами для самых интеллектуальных и возвышенных людей.

Они были единственными образованными женщинами в Афинах. Они изучали все искусства, знакомились со всеми новыми философскими умозрениями и интересовались политикой. Женщины, которые таким образом развивали свой ум, непременно завоевывали уважение лучших мужчин Греции. Многие из них также были женщинами с высокими моральными качествами, умеренными, вдумчивыми и серьезными, они были либо не связаны узами брака, либо привязаны к одному мужчине, и во всех смыслах были замужем. Даже если они имели две или три привязанности, а в остальном вели себя сдержанно и трезво, греки так относились к их особому положению, что они не вызывали нареканий даже у самых суровых греческих моралистов. Одна из таких женщин[46] приехала в Афины еще при жизни Сократа, и он не постеснялся побеседовать с ней о ее искусстве и обсудить, как ей лучше приобрести настоящих друзей. И, по сути, это были почти единственные гречанки, которые демонстрировали все самое лучшее и благородное в женской природе. Одна из них, Диотима из Мантинеи,[47] должно быть, была женщиной великолепного ума, поскольку Сократ говорит о ней как о своей учительнице в любви, когда высказывает в "Симпозиуме" величайшие мысли об истинной природе и сущности божественной и вечной красоты.

Почти у каждого из великих афинских мужчин была такая спутница, и эти женщины, похоже, сочувствовали им в их высоких фантазиях и глубоких размышлениях. Многие из них также были мужественно верны своим возлюбленным. Когда разностороннему Алкивиаду

пришлось спастись бегством, именно "спутница" отправилась с ним[48] и, присутствуя при его кончине, совершила над ним погребальный обряд. Но среди всех этих женщин есть одна, которая выделяется как самая замечательная женщина древности, - Аспасия из Милета. Мы не знаем, какие обстоятельства побудили ее покинуть родной город Милет. Плутарх[49] предполагает, что ею двигало желание подражать поведению Таргелии, другой милетянки, которая заняла важное политическое положение, используя свое искусство убеждать знакомых ей греков, чтобы склонить их на сторону персидского царя. Возможно, так оно и было, но многое из того, что говорится об Аспазии, следует воспринимать с большим скептицизмом. Как и Сапфо, она стала предметом комедий, но, в отличие от Сапфо, при жизни подвергалась ожесточенным нападениям со стороны поэтов-комиков и других авторов. Поздние греческие писатели имели привычку излагать шутки комиков как подлинную историю, и современные комментаторы и историки не совсем свободны от этой практики. Что бы ни привело ее в Афины, можно с уверенностью сказать, что она нашла там дорогу и познакомилась с великим государственным деятелем Периклом. Она полностью покорила его. В то время он был женат, но между ним и его женой была несовместимость нравов. Поэтому Перикл договорился с женой развестись и выдать ее замуж за другого, и так они разошлись, к удовольствию обоих. Затем он взял Аспасию в спутницы жизни, и нет никаких оснований полагать, что они не были полностью верны друг другу и жили как муж и жена, пока смерть не разлучила их. Конечно, по афинским законам они не могли быть мужем и женой, но Перикл относился к ней со всем уважением и привязанностью, которые полагались жене. Плутарх рассказывает нам, как о необычной черте в привычках государственного деятеля, отличавшегося невозмутимостью и самообладанием, что он регулярно целовал Аспасию, когда выходил и входил.

Ее дом стал местом отдыха всех великих людей Афин. Сократ часто бывал там. Фидий и Анаксагор были близкими знакомыми, и, вероятно, Софокл и Еврипид постоянно посещали ее. Действительно, за всю историю человечества ни у одной женщины не было такого *салона*. Величайший скульптор, который когда-либо жил, величайший человек всей античности, философы и поэты, скульпторы и художники, государственные деятели и историки встречались друг с другом и обсуждали в ее комнатах приятные темы. Отсюда, вероятно, и возникла традиция, что она была учителем Сократа в философии и политике, а Перикла - в риторике. 50] Ее влияние было таким, что побуждало людей прилагать все усилия, и они приписывали ей все лучшее, что было в них самих. Аспазия, похоже, особенно серьезно размышляла о обязанностях и судьбе женщин. Культурные мужчины, посещавшие ее собрания, не стеснялись нарушать условности афинского общества, приводили на приемы к Аспазии своих жен, и она обсуждала с ними обязанности жен. Она считала, что они должны стремиться быть чем-то большим, чем просто матерями и домохозяйками. Она призывала их развивать свой ум и быть во всех отношениях достойными спутницами своих мужей. К сожалению, мы знаем очень мало. Пришла ли она к какому-то определенному выводу относительно функций женщины? Трудно сказать. Намеки очень туманны. Но, по всей вероятности, она пришла к выводу, что ни мужчина, ни женщина не могут адекватно выполнять свою миссию в жизни по отдельности, что мужчина никогда не сможет сделать все возможное без вдохновения и поддержки со стороны женщины, и что женщина должна искать свою работу в энергичном и сочувственном сотрудничестве с каким-нибудь сородичем-мужчиной. Вероятно, Платон вложил в уста Аристофана настроения, которые философ часто слышал в сократических кругах, считавших Аспасию своей наставницей в этих вопросах. Ссылаясь на миф о том, что человек разделен надвое и что две его половины отправляются на поиски друг друга, он говорит:[51] "Со своей стороны, я утверждаю, обращаясь ко всем людям, как мужчинам, так и женщинам, что наш род станет счастливым, если мы сможем в совершенстве реализовать свою любовь, и каждый получит свою особую

возлюбленную, вернувшись таким образом к своей изначальной природе. И если это лучше всего, то лучшее в нынешних обстоятельствах - максимально приблизиться к этому, а это происходит, когда мы обретаем возлюбленного, который по природе своей нам соответствует". Нет оснований полагать, что у Аспазии были какие-то романтические представления о любви или предназначении женщины. В целом она была практичной и считала, что женщина должна находить удовлетворение в работе, а не в мечтах. Она не считала, что у человека может быть только одна любовь, и что если она ее не получит или потеряет, то должна будет расстроиться и отвернуться от жизни. Она была в мире для того, чтобы быть деятельным существом, и поэтому, когда Перикл умер, она связалась с Лисиклом, продавцом овец, считая его лучшим гражданином, которого она могла получить, и сделала его, хотя и не очень умным человеком, на некоторое время главным политиком в Афинах[52].

Вся деятельность Аспазии, ее спекуляции, общение с людьми, чьи мнения были новы и смелы и которых считали, как Анаксагора и Сократа, неистовыми новаторами; ее власть над самыми знатными замужними женщинами Афин и введение среди них большей социальной свободы - все это было рассчитано на то, чтобы возмутить дух условностей. Почти все видные члены ее окружения подверглись нападкам. Величайший скульптор всех веков был подло и ложно обвинен в краже и умер в тюрьме. Откровенный Анаксагор был обвинен в нечестии и вынужден был бежать. И наконец Аспазия привлекли к суду по тому же обвинению. Выдвинуть против нее такое обвинение было несложно. Она могла посетить какой-нибудь храм и принять участие в религиозной церемонии, руководствуясь истинно благочестивыми мотивами; но такой поступок со стороны незнакомки, какими бы ни были ее мотивы, ортодоксальные афиняне сочли бы большим нечестием; или же она могла побудить некоторых афинских гражданок пойти с ней и принять участие в каком-нибудь чужом богослужении. Афиняне разрешали иностранцам соблюдать свои религиозные обряды в своем городе без каких-либо препятствий, но они категорически возражали против того, чтобы истинные афинянки становились приверженками какого-либо иностранного культа. Афинские женщины смотрели на религиозные вопросы не такими глазами, как мужчины. Они жаждали получить пользу от более восторженных культов, которые приходили из Малой Азии; и, соответственно, если бы Аспазия была склонна вести их этим путем, у нее, несомненно, было бы много горячих последователей. Или, наконец, что наиболее вероятно, можно предположить, что она разделяла мнения философов, с которыми была в столь близких отношениях, и помогала и способствовала их противостоянию национальному вероучению. Каковы были основания для такого обвинения, мы не знаем. Известно лишь, что она была оправдана, но оправданием своим она была обязана искренним мольбам Перикла, который в этот раз сопровождал свои мольбы слезами.

Нет никаких сомнений в том, что Аспазия пользовалась мощным политическим влиянием во время своего пребывания в Афинах. В этом нас убеждают поношения, которым она подвергалась со стороны комических поэтов. Они называли ее Гера, царица богов, жена олимпийского Зевса, как и Перикл. Они также называли ее Деянирой, женой Геракла, и новой Омфалой, которой Геракл рабски служил, - все это указывало на власть, которую она имела над Периклом. Аристофан в "Ахарнях" утверждает, что Перикл развязал Пелопоннесскую войну, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное Аспазии, а другие утверждают, что Саамская война была предпринята исключительно для того, чтобы удовлетворить ее. На первый взгляд, это абсурдные заявления, которые, вероятно, никогда не были чем-то иным, кроме как шуткой; но они делают неоспоримым глубокое влияние Аспазии. Вероятно, это влияние было направлено на разрушение барьеров, отгораживавших греческие города-государства друг от друга, на формирование сильного эллинского чувства,

на создание компактной эллинской конфедерации.[53] Но каковы бы ни были цели ее политики, можно с уверенностью утверждать, что ни одна женщина никогда не оказывала влияния более законными средствами. Именно ее доброта, ее благородные цели, ее ясная проницательность давали ей власть. Вероятно, не было никаких случайных обстоятельств, которые могли бы ей помочь. Вряд ли она была красива.

Я думаю, Сапфо была красива. Поэты-комики говорили, что она была маленькой[54] и имела смуглый цвет лица. В глазах грека миниатюрность была несовместима с красотой, и темный цвет лица также был бы против нее. Но все, что мы можем узнать о форме Сапфо, приводит к выводу, что комические поэты обманывали ее в этом, как и в других вопросах. Платон называет ее "прекрасной", выражение, которое большинство принимает за ссылку на ее поэтический гений; но такая интерпретация по меньшей мере сомнительна. Ваза пятого века до нашей эры, найденная в Гиргенти, дает нам изображения Алкея и Сапфо, и на них Сапфо выше Алкея и необычайно красива. У нас также есть портрет Сапфо на монетах митиленцев; и здесь лицо снова изысканно по чертам, и предполагает высокую женщину. Если у него и есть какой-то недостаток, так это то, что оно скорее мужское. Поначалу можно было бы с сомнением поверить, что это лицо женщины, но в его красоте сомневаться не приходится. С другой стороны, ни один древний писатель не говорит об Аспазии как о красавице. Ее называют доброй, мудрой, красноречивой, но никогда - прекрасной. У нас есть один бюст, носящий ее имя, конечно, не красивый. Он изображает уютную медитативную женщину, но я очень сомневаюсь, что он подлинный. И я гораздо больше склонен верить, что у нас есть настоящий портрет Аспазии в мраморном бюсте, с которого есть две копии, одна в Лувре, другая в Берлине. Бюст, очевидно, относится к лучшим временам греческой скульптуры и, как утверждает Бернулли в *Archæologische Zeitung*[55], вполне может принадлежать не кому иному, как Аспазии. Лицо не совсем красиво в соответствии с греческими представлениями. На нем выражение серьезной и глубокой мысли; но больше всего поражает недоуменное и озадаченное выражение всего лица - как будто это муки всей жизни, результат борьбы, которую ни один смертный не мог успешно выдержать - не без оттенка изысканной сладости, нежности и милосердия. Может быть, это борьба за интересы ее собственного пола?

Если и был случай, который мог бы навести афинян на мысль о целесообразности расширения сферы брачных отношений, то, несомненно, это был случай с Аспазией. Но мы не можем утверждать, что кому-то это пришло в голову. Афинские женщины, даже гражданки, не имели никакого политического статуса. Они всегда были несовершеннолетними, подчинялись своим отцам, или мужьям, или кому-то из мужчин. Аристотель всегда объединяет женщин и детей. Но такова была сила характера этих спутниц или таково было их влияние на влиятельных мужчин, что нередко их сыновья признавались гражданами и получали все права гражданства. Это могло происходить тремя путями. Между Афинами и другим греческим или иностранным государством могло существовать право на межродовой брак (ἐπιγαμία), установленное договором. Как ни странно, в истории афинян нет ни одного явного примера такого договора. Не было такого договора между Афинами и Спартой, или Аргосом, или Коринфом, или любым другим из известных городов Греции. Привилегия действительно была предоставлена платейцам, но это произошло, когда они стали гражданами Афин и, вероятно, через поколение или два стали неотличимы от остальных афинских граждан. Отрывок из Лисия[56] был принят за намек на то, что эвбейцам было уступлено право на межродовой брак, но он встречается только во фрагменте, сохранившемся в трудах Дионисия Галикарнасского[57] Текст имеет следы порчи, а вся история отношений между Афинами и Эвбеей говорит решительно против возможности заключения такого договора.[58] Упоминание о предложении такого договора между афинянами и фиванцами содержится в речи Демосфена о короне, [59] но декрет,

несомненно, поддельный, как убедительно показал Грот и как теперь общепризнанно. В той же речи цитируется указ, в котором византийцы даруют афинянам право на межбрачные отношения, и вполне вероятно, что другие государства предоставили бы афинянам такую же привилегию, но нет никаких доказательств того, что они когда-либо возвращали им эту услугу.

Второй способ сделать сына иностранки законным - постановление афинского собрания, и, вероятно, именно таким образом Перикл, сын Аспасии, стал полноправным афинским гражданином. Существовал и третий способ, не признанный законом, с помощью которого многие такие дети должны были попасть в ряды граждан. Обычный процесс, посредством которого законный ребенок получал все права, заключался в том, что отец представлял его на *φρατρίας* и признавал *φράτερς* как подлинного члена своего сословия или братства. Отец должен был поклясться, что ребенок является его законным ребенком. Во многих случаях отцы без труда клялись, что дети, рожденные ими от любимой незнакомки, были законными, и *φράτερς*, несомненно, подмигивал на этот обман. Это было особенно характерно для аристократической партии. В прежние времена не существовало такого строгого закона, как впоследствии, в демократический период. Действительно, по всей видимости, придерживались теории, что кровь матери не может повлиять на чистоту рождения ребенка, потому что в ребенке на самом деле нет ничего от матери. Она не имела никакого отношения к рождению ребенка. Она была лишь его приемницей и кормилицей. Эсхил очень сильно выразил эту идею в "Эвменидах", и у нас есть все основания думать, что этого мнения до конца придерживались многие представители аристократической партии. Именно Перикл установил закон, согласно которому законный ребенок должен быть сыном или дочерью полноправного афинского гражданина мужского пола и полноправной афинской гражданки, законно обрученных друг с другом. Именно тогда, когда происходит раздача кукурузы или извлекаются подобные выгоды, демократическая партия настойчиво применяет этот закон и лишает всех детей чужестранцев права голоса. Но всегда, когда проводится расследование, обнаруживается, что многие беспрепятственно пользуются привилегиями граждан, чьи матери не были настоящими афинскими гражданами. Фемистокл был сыном фракийской чужестранки, как и полководец Тимофей, согласно одному из рассказов. Возможно, именно через *φρατρία* Софокл добился признания своего любимого внука Теориса Сикиона афинским гражданином.^[61] Но хотя женщины могли добиться признания для своих детей, их собственное дело не интересовало, и человечеству пришлось дорого заплатить за эту исключительность.

Вероятно, состояние женщин в Афинах во многом способствовало упадку этого города. Усилия, которые Аспасия прилагала, чтобы побудить афинских жен к более высоким умственным нагрузкам, должно быть, утратили свою силу после ее смерти. Имена этих жен не сохранились в истории. Но влияние сподвижниц становилось все более заметным. Почти у каждого знаменитого человека после этой даты есть спутница, с которой он обсуждает занятия и успокаивает пороки своей жизни. У Платона была Археанасса, у Аристотеля - Герпилис, у Эпикура - Леонтий, у Исократы - Метанейра, у Менандра - Гликера и другие в том же духе. И некоторые из них достигли самых высоких постов. Князья могут делать все, что им заблагорассудится. В прежние времена, когда в Афинах правили тираны, принцы часто женились на иностранках. А теперь принцы снова женились на своих спутницах, и некоторые из них таким образом восседали на тронах. Красота некоторых из них, особенно Фрины, самой красивой женщины из когда-либо живших, привлекала взоры всей Греции; Апеллес нарисовал ее, а Пракситель сделал ее моделью для цнидской Афродиты, самого прекрасного изображения женщины, которое когда-либо сходило с резца скульптора.

Некоторые из них славились своими музыкальными способностями, а некоторые умели рисовать. Они культивировали все прелести жизни, одевались с изысканным вкусом, принимали пищу, как замечает комический поэт, с утонченностью, а не как горожанки, которые надувают щеки и отрывают мясо. И они были остроумны. Они также занимали внимание историков. Один писатель описал сто тридцать три из них. Их остроумные высказывания записывались в хроники и превращались в стихи. Их подвиги прославлялись, а их красота и привлекательность стали темой многих эпиграмм. Но нельзя забывать, что сотни и тысячи этих незащищенных женщин стали орудием самых низменных страстей; что, считая истинную любовь лишь прелюдией к горькому разочарованию, они превратились в хищных, мстительных, лицемерных служительниц любви, стремящихся лишь под видом привязанности губить мужчин и отправлять их в несчастье в раннюю могилу. Ничто не может быть страшнее тех образов, которые дают комические поэты некоторым из этих женщин. Но чего еще можно было ожидать в сложившихся обстоятельствах? В природе самих женщин не было причин, почему бы им не быть добродетельными, бескорыстными, благородными существами; но судьба была сурова к ним; они должны были сражаться с ужасающими шансами против них. Они уступили, но кто из нас смог бы устоять?

Я уже отмечал, что никто не требовал политических прав ни для женщин-гражданок, ни для чужестранцев. Я должен сделать небольшое исключение, и я не уверен, что это исключение может быть связано с влиянием Аспазии. Мы видели, что она, как говорят, была учительницей Сократа. Действительно, Сократ обращается к ней как к своему учителю в "Воспоминаниях"[62]. Она была одним из главных персонажей сократических диалогов. Она несколько раз появлялась в диалогах Эسخина; а в "Менексене", сократовском, если не платоновском, диалоге, она готовит образцовую погребальную орацию. Разве не вероятно, что она повлияла на мнения Платона; а в "Республике" Платона мы имеем самое сильное утверждение равенства женщины с мужчиной. Платон, как и многие другие, жившие после разрушения Афин в Эгоспотаме, был недоволен афинской формой правления и, вероятно, отношением к женщинам.

Поэтому в своем идеальном государстве, которое, однако, все еще оставалось городом-государством, он взял за основу спартанскую систему воспитания. Государство должно было стать всем во всем. Он пошел настолько далеко, что устранил моногамию, которая в спартанской системе была препятствием для коммунистических принципов, и рекомендовал одинаковый режим гимнастических упражнений для обоих полов. Но он пошел дальше. Он утверждал, что между мужчиной и женщиной нет существенной разницы.

"И поэтому, - говорит он, - в управлении государством ни женщина как женщина, ни мужчина как мужчина не имеют никакой особой функции, но природные дары одинаково распространены среди обоих полов; все занятия мужчин являются занятиями и женщин, и во всех этих занятиях женщина - лишь меньший мужчина". 'Очень верно.' "Так неужели мы должны навязывать все наши предписания мужчинам и ни одного - женщинам?" "Так не пойдет". "Одна женщина обладает даром исцеления, другая - нет; одна - музыкант, другая - нет?" "Очень верно". "Одна женщина склонна к гимнастике и военным упражнениям, а другая не любит войны и ненавидит гимнастику?" "Бесспорно". "И одна женщина - философ, а другая - враг философии; у одной есть дух, а другая без духа?" "Это тоже верно"[63].

Из этих предпосылок он делает вывод, что женщины, наделенные высшими дарами, должны иметь такое же образование, как и одаренные мужчины, и что у них должны быть те же

обязанности, вплоть до сражения при защите своей страны, только при распределении труда самые легкие задачи должны быть возложены на женщин, как на более слабых по природе. Некоторые считают, что платоновское сообщество жен было высмеяно в том же году, когда оно было предложено, Аристофаном в его комедии "Экклезиас или парламент женщин"; но гораздо более вероятно, что комедия была показана до написания "Республики" Платона.[64] На самом деле есть вероятность, что положение женщины было предметом долгих споров. Клеменс Александрин цитирует строку из "Протесилая" Еврипида, в которой, по-видимому, указывается на общность женщин .[65] Ксенофонт, безусловно, вкладывает в уста Сократа решительное утверждение равенства женщины с мужчиной. "Природа женщины", - говорит он,[66] - "ни в чем не уступает мужской, но ей нужны проницательность и сила". И вполне вероятно, что многие другие придерживались того же мнения и предлагали методы улучшения положения женщин.

Аристофан нападал на какую-то коммунистическую теорию того времени, но он не был горьким в своих насмешках. Не стоит забывать, что дело жрецов дионисийского культа, как мы называем комических поэтов, - показать смешную сторону даже самых торжественных вещей, и часто эти веселые выпады не несли в себе особого вреда. Кроме того, Аристофан сильно изменился по сравнению с тем, каким он был в те времена, когда в "Ахарнях" он ожесточенно нападал на Аспизию. Он стал мягче к незнакомцам. Он не испытывал неприязни к спартамцам и их укладу. Хотя он говорил много грубых слов в адрес женщин, он также говорил много хорошего для них. Именно через них в "Лисистрате" он призывал афинян к примирению и миру. А теперь, в "Экклезиасе", он дает доброжелательную картину того, что сделали бы женщины, получив в свои руки бразды правления. Это была единственная форма правления, которую афиняне еще не испробовали, а поскольку все остальные были заведомо неудачными, то не могло быть большого вреда в том, чтобы доверить женщинам управление делами. Нежный женский дух может возобладать. И, несомненно, при таком правлении мужчины будут счастливы. Женщины позаботятся о том, чтобы в городе не было бедных, прекратились бы воровство и клевета, и все были бы довольны. Однако рассуждения Платона и забавы Аристофана оказались бесполезными. Город-государство было слишком маленькой организацией для прогресса человека. Ему суждено было уступить место более человеколюбивому правительству. И вот мелкие государства должны были уступить империи Александра, а вместе с этим начались большие перемены в положении женщин. Но эти перемены должны были произойти под властью другого, более великого правителя. Римляне захватили Грецию и создали более прочную и всеобъемлющую империю, чем империя Александра.

КНИГА II. ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕМ РИМЕ.

ГЛАВА I. ХОРОШАЯ СТОРОНА.

В раннем Риме мы видим то же положение вещей, что и в Греции. Город - это единое целое. Город-государство состоит из граждан, обладающих всеми равными правами и привилегиями. Все, кто находится за пределами города, сначала не имеют никаких прав на

его территории, а если они приходят в город, то не имеют права на справедливость или внимание, кроме того, что они могут получить через гражданина. Во всех древних городах всегда было большое количество рабов - мужчин или женщин, которые либо сами, либо их предки были захвачены в плен на войне или украдены из дома. Таким образом, существовало три класса населения - граждане, обладавшие всеми правами и привилегиями, пришельцы, не имевшие собственных прав, и рабы, которые рассматривались как простая собственность. Но развитие города Рима пошло по иному пути, чем развитие греческих городов. римляне постепенно расширяли привилегии гражданства, пока единица не стала уже не городом, а нацией, и в конце концов превратилась в цивилизованный мир. Иностранцы не занимают в Риме такого заметного места, как в Афинах, если только не считать плебеев пришельцами, а с течением времени плебеи становятся гражданами, и всякое гражданское различие между ними и первоначальными гражданами исчезает. Кроме того, цензор имел право внести имя иностранца в список граждан, и, несомненно, многие иностранцы стали римскими гражданами именно таким образом. Рабы также занимали более выгодное положение в Риме. Дорога к гражданству была открыта для них уже в ранний период. Их хозяева отдавали многих из них на воспитание, и они становились вольноотпущенниками. Эти вольноотпущенники стали многочисленными и влиятельными, и цензор Аппий Клавдий в 312 году до н. э. [67] признал за ними все права гражданства. Правда, им не позволялось пользоваться государственными почестями, но тот же Аппий Клавдий разрешил сыновьям вольноотпущенников входить в сенат, а его правая рука, Кн. Флавий, курульный эдил 304 года, был сыном вольноотпущенника. Таким образом, со временем раб стал вольноотпущенником, сын вольноотпущенника - *ingenuus*, или свободнорожденным гражданином, со всеми правами и привилегиями римского гражданства.

В римском обществе существовали те же три класса женщин - полноправные гражданки, чужеземки и рабыни. Римский гражданин мог жениться только на женщине, которая была дочерью римского гражданина. Брак с любой другой был невозможен. Сама цель брака - произвести на свет расу граждан, а значит, и отец, и мать должны принадлежать к сословию граждан. Именно по этой причине так заботились о чистоте римских женщин и проводили такое широкое различие между поведением мужчины и женщины. В отношении римского гражданина не должно быть никаких подозрений в ростовщичестве. Но потомство мужчины от иностранки или рабыни не становилось гражданином, и, следовательно, государству было совершенно безразлично, какие отношения могут существовать между мужчиной-гражданином и иностранкой или рабыней, и обществу было так же безразлично.

Мы уже видели, к чему привело такое положение дел в Греции. В Риме результат был иным. Женщины-иностранки достигли меньшей известности, чем мужчины-иностранцы, и в этом рассказе о положении женщин в римском обществе мы можем обойти их вниманием. Несколько иностранок появляются в ранней истории Рима и играют заметную роль; но эти рассказы заимствованы из греческих историй о временах тиранов и не соответствуют строго римским представлениям. В лучший период римской истории чужеземные женщины не упоминаются ни разу, разве что в пьесах, заимствованных из греческих, и только поздних временах Республики мы снова слышим имена некоторых из них. Но их присутствие объясняется преобладанием греческих идей и греческих обычаев, и даже те немногие, которые упоминаются, остаются на втором плане.

Женщины-рабыни также не требуют нашего внимания. К женщине-рабыне относились просто как к корове или овце. Если она приносила здоровое потомство, это была большая выгода для ее хозяина, и ему было все равно, кто будет отцом. Конечно, она не могла выйти

замуж, и все ее дети были собственностью хозяина. Иногда рабу-мужчине и рабыне-женщине разрешали или заставляли жить вместе, и тогда возникало нечто похожее на брак. Но они не имели права на собственных детей и не несли никаких обязательств по отношению к ним, кроме тех, которые налагали на них их владельцы. В то же время, поскольку их плодovitость приносила доход их хозяевам, к ним часто относились очень доброжелательно. В старые времена женщина-рабыня, родившая троих детей, получала освобождение от тяжелой работы, а если у нее было больше, то она иногда получала свободу. Римляне с большой любовью относились к рабам, которые рождались в их семьях, и часто воспитывали их вместе с младшими членами семьи, с которыми они таким образом становились близкими людьми. Такая тесная связь во многих случаях ослабляла чувство абсолютной собственности, и к рабыне относились с уважением. Несомненно, именно благодаря такому влиянию участь рабыни была улучшена, и когда мы переходим к временам Империи, мы видим, что были приняты законы для их защиты, и им часто предоставлялась свобода[68].

Таким образом, в римской истории выделяются только матроны. Каждая горожанка выходила замуж и становилась матроной, и мы будем обсуждать исключительно этот класс.

Итак, первое замечание, которое необходимо сделать, заключается в том, что Рим предоставил браку такое же распространение, как и гражданству, и тем самым произвел революцию в положении женщины: революцию, правда, постепенную по своему распространению и постепенную по своим последствиям, но имеющую огромное значение для всего мира, поскольку она полностью разрушила старую конституцию городов-государств, по которой привилегии давались мужчинам как членам семей, и установила новую, всемирную конституцию, по которой мужчины получали свои привилегии как мужчины. На самых ранних этапах возможно существование права на брак между римскими гражданами и гражданами различных городов Лациума. Конечно, в легендах римские принцы вступают в брак с латинскими семьями. Но после установления республики право на брак существовало только между патрициями города. Мужчина-патриций не мог жениться на плебейке, а плебейка - на патрицианке. Дети от обоих браков не могли быть патрициями; они могли быть только плебеями и не подчинялись отцу. Но после различных противостояний эта стена разделения между патрицием и плебеем была разрушена, и в 442 году до н. э. Lex Canuleia предоставил плебеям *conubium*, или право на межбрачные отношения. Ливий вкладывает речи в уста сторонников и противников этой меры. Они не претендуют на историческую достоверность, но показывают, что Ливий считал возражения против расширения *conubium* в равной степени религиозными и гражданскими[69].

В середине четвертого века до Рождества Христова Рим принял в свое гражданство некоторые италийские, особенно латинские, города, которые он покорил. Дарование гражданства *libertini*, или вольноотпущенникам, еще больше расширило конубиум. В 89 году до н. э. италийцы получили конубиум по Lex Julia и Plautia. В поздние времена Республики и во времена Империи гражданство присваивалось мужчинам в разных частях света, и особенно в различных городах провинций. Солдаты, прослужившие определенное время и заключившие союз с иностранками, получали право на законный брак. На самом деле право на междоусобные браки стало иметь гораздо меньшее значение. В ранние времена привилегии патрициев были велики, и стоило позаботиться о том, чтобы они доставались только истинным патрицианским отпрыскам, тем более что только истинные патрицианские отпрыски могли совершать должные жертвоприношения и поклонения богам семьи и государства. Даже в период от Пунических войн до конца Республики римское гражданство было одновременно ценным и почетным; ведь римский гражданин не платил налогов и мог

косвенно участвовать в грабеже мира, а также пользовался особыми преимуществами в глазах закона. Но эти преимущества исчезли с развитием империи, которая низвела всех до мертвого уровня подчинения, и в конце концов, в 212 году нашей эры, один из самых ненавистных тиранов, Каракалла, даровал гражданство всем жителям Римской империи, а вместе с ним и конубиум. После этого любой мужчина мог жениться на любой женщине, а надуманные различия, управлявшие древним миром, исчезли навсегда. Мир не обязан Каракалле за это грандиозное завершение; ведь единственным мотивом, побудившим его предоставить всем гражданство, было то, что все должны были платить налоги, а иностранцы не могли сбежать, как это делали некоторые из них до сих пор.

Приведенный нами очерк истории того, что мы можем назвать внешней эмансипацией женщины, несомненно, в значительной степени верен и основан на достоверных источниках; но когда мы переходим к рассмотрению нравственного прогресса женщин и их положения в римском обществе, перед нами встают большие трудности, которые сопутствуют всей ранней римской истории.

Рим, согласно общепринятому мнению, был основан в 753 году до н. э. Не существует никаких следов регулярной литературы между этой датой и 390 годом до н. э., когда город был сожжен дотла. Римляне, несомненно, рано овладели искусством письма, но все записи, которые они вели, были самыми скудными, и почти все они, должно быть, погибли во время пожара 390 года. Прошло сто семьдесят лет, прежде чем начали писать регулярные истории Рима, и почти вся литература и памятники за эти 170 лет исчезли. Таким образом, мы не имеем достоверных документов по минутной истории римского народа за 500 лет его существования. За это время положение женщин претерпело значительные изменения, но из-за отсутствия документов мы не можем объяснить эти изменения. Однако у нас есть вполне определенная традиция, с которой мы можем начать. Эта традиция встречается повсюду в произведениях римских поэтов и историков, пронизывает идеи даже поздних юристов, и мы можем быть уверены, что она в значительной степени верна. Согласно этой традиции, положение римской матроны значительно отличалось от положения греческой матроны во времена Перикла. Римская матрона была хозяйкой в своем собственном доме. Как муж отвечал за все внешние сделки, так и жена верховодила в домашних делах. Брак был общинным во всех делах, и в доме царили максимальное усердие, почтение и гармония. Жена сидела в атриуме, или главном зале, раздавала шерсть служанкам и сама шила одежду для мужа и семьи. Она не готовила и не занималась тем, что считалось рутинной работой. Она обедала вместе с мужем, сидела, пока он откидывался, когда они оставались наедине. Она принимала друзей своего мужа и обедала с ними. Она свободно входила и выходила, кормила и воспитывала собственных детей.

Это яркая и красивая картина, и некоторые ее черты сохранились до конца римской истории. Много историй рассказывают о привязанности мужа к жене, жены к мужу, детей к родителям, а родителей к детям. Так, об отце Гракхов рассказывают, что он поймал в своей постели пару змей, и, обратившись к гаруспикам, или прорицателям, ему сказали, что он не должен убивать или отпускать обеих: если он убьет самца, то умрет сам (Тиберий); если он убьет самку, то умрет его жена Корнелия. Тиберий не колебался в своем выборе. Он любил Корнелию. Он был стар, она - молода. Поэтому он убил самца змеи и через некоторое время после этого умер. Эта история, несомненно, правдива, поскольку авторитетом для нее был его знаменитый сын Кайус[70].

Ничто не может быть более поразительным, чем привязанность Цицерона к своей дочери. Он пишет ей в самых ласковых выражениях, заботится обо всех ее нуждах и безутешно сожалеет о ее потере, когда смерть уносит ее. Известны многочисленные случаи, когда жены решались разделить несчастье своих мужей, перенести беду вместе с ними, скорее умереть, чем пережить ее.

Этот идеал сохранился у римлян до конца империи. Именно по нему Ювенал критиковал женщин своего времени, и многие недоброжелательные суждения, высказанные в адрес этого пола, основаны на старомодном представлении об обязанностях римской матроны.

ГЛАВА II. ДРУГАЯ СТОРОНА.

Но есть и другая сторона этой картины. На ранних этапах римской истории есть основания полагать, что римская жена была полностью подчинена своему мужу. Римское представление о семье делало отца деспотом, имеющим власть жизни и смерти над своими детьми, которые ничего не могли сделать без его согласия. Так было и с детьми мужского пола, даже после достижения ими солидного возраста. Женщины, по мнению первых римлян, всегда были детьми. Они нуждались в защите и руководстве на протяжении всей своей жизни и никогда не могли быть освобождены от деспотического контроля. Поэтому, когда римская девушка выходила замуж, ей приходилось выбирать, останется ли она под властью отца или перейдет под контроль или, как это называлось, в руки мужа. Вероятно, в ранние века существования города она всегда переходила из-под власти отца в руки мужа, и положение, которое она занимала, было положением дочери своего мужа. Таким образом, она полностью подчинялась ему и находилась в его власти. Римская история дает множество примеров деспотизма, который мужья проявляли по отношению к своим женам. Малейшая неосторожность иногда каралась смертью, в то время как мужчины могли делать все, что им заблагорассудится, без каких-либо препятствий. "Если бы ты застал свою жену, - гласил закон Катона Цензора, - за неверностью, ты бы безнаказанно убил ее без суда; но если бы она тебя застала, она не осмелилась бы и пальцем тебя тронуть, да и не имеет права". Женам запрещалось пробовать вино под угрозой самых суровых наказаний. Похвально поведение Эгнатия, который, застав свою жену в тот момент, когда она потягивала запретную жидкость, избил ее до смерти. ^{71]} Та же суровость проявляется в причинах, побудивших некоторых римлян уволить своих жен. Сульпиций Галл уволил свою за то, что она появилась на улице без вуали; Антистий Вет - за то, что увидел, как она тайно разговаривает с вольноотпущенницей на публике; а П. Семпроний Соф прогнал свою за то, что она решилась пойти на публичные игры, не сообщив ему о своих передвижениях^[72].

Думаю, мы видим, что римским матронам не нравилось такое произвольное обращение, и они протестовали против предположения, что они - существа, совершенно отличные от своих мужей, и не имеют никаких прав и привилегий в отличие от них. И интересным моментом в истории римской матроны является постепенное освобождение, которое она осуществила для себя от этих оков римских традиций и обычаев. К сожалению, мы не можем, как я уже объяснял, полностью проследить процессы этой эмансипации, но мы можем указать на некоторые влияния, которые действовали в этом направлении.

Во-первых, римские записи свидетельствуют о том, что с чувствами римских женщин было небезопасно шутить. Они, как и римские мужчины, обладали решительностью характера и, будучи спровоцированными, могли совершать самые смелые поступки, не задумываясь о последствиях. Если с ними обращались ласково и на равных, они были лучшими женами; и я убежден, что их доброта и твердость были самыми действенными причинами той свободы, которой они добились. Но если мужа вводили в действие свою традиционную власть и претендовали на верховное господство над ними, они были именно теми женщинами, которые должны были сопротивляться. И история Рима бросает яркий свет на эту сторону их характера; ведь иногда они сурово и дико мстили, когда мужа заходили слишком далеко в своих деспотических действиях. Я приведу один или два примера.

В 331 году до н. э. многие римские граждане, и особенно многие римские вельможи, были поражены неизвестной болезнью, которая проявляла одинаковые симптомы у всех, и почти все погибли. Причина болезни была покрыта мраком, но в конце концов одна служанка обратилась к курулу эдилу и сказала, что может объяснить происхождение болезни, но не делать этого, если ей не дадут гарантии, что она не пострадает в результате. Курул передал дело на рассмотрение консулов, те посоветовались с сенатом, и было принято постановление, гарантирующее безопасность служанке. После этого она заявила, что смерть наступила от яда, что матроны имеют привычку готовить лекарства, и она может отвести чиновников в дом, где они застанут матрону за этим занятием. Чиновники приняли ее предложение, последовали за ней и обнаружили, что, по ее словам, матроны занимаются приготовлением наркотиков. Около двадцати из них были доставлены на Форум и подвергнуты допросу о том, чем они занимаются. Две из них, знатного рода и с патрицианскими именами, Корнелия и Сергия, утверждали, что снадобья совершенно полезны. Это можно было легко проверить, и двум матронам предложили доказать свою правоту, выпив смесь. Обе матроны попросили несколько минут поговорить наедине с остальными своими помощницами, но в пределах видимости людей. Разрешение было получено, они обменялись несколькими словами, а затем все двадцать матрон вернулись, смело выпили спиртное и в результате умерли. Затем был произведен обыск у всех матрон, участвовавших в этом заговоре, и 170 из них были признаны виновными. Мужчины объяснили это происшествие тем, что женщины были влюблены; но, вероятно, они хорошо знали, почему прибегли к таким жестоким мерам, и что римские матроны вряд ли подверглись бы тирании, не предприняв попытку тем или иным способом положить ей конец[73].

Аналогичный случай произошел в 180 году до н. э. В этом случае вряд ли можно сомневаться в том, что свирепствовала настоящая чума, ведь она продолжалась три года и опустошила Италию. Но женщины были разгневаны на мужчин за суровые меры, которые были приняты против них в связи с вакхическими мистериями, и, похоже, они рассматривали чуму как благоприятную возможность для использования яда. В 180 году до н. э. умерли претор, консул и многие другие известные люди.[74] Был назначен судья для расследования этих смертей, особенно для того, чтобы выяснить, не был ли использован яд. Историки не сообщают о результатах этого расследования, но нам говорят, что жену консула судили и приговорили к смерти. Через тридцать шесть лет после этого двое мужчин консульского ранга были отравлены своими женами. В последующие времена использование яда стало частым явлением; особенно в первые годы империи придворных матрон обвиняли в том, что они постоянно прибегали к нему, чтобы убрать с дороги неугодных им мужчин, мужей, сыновей и других людей, связанных с ними, а также посторонних. А один писатель заметил, что везде, где были нарушения, были и отравления. Некоторые историки отвергают эти рассказы об отравлениях как выдумки легковверных летописцев, я думаю, без веских

оснований. Но независимо от того, правдивы эти истории или ложны, римляне верили в них, и они воплощают римскую веру в то, что могли делать женщины. И мне кажется, что мы должны рассматривать их как указание на то, что римские матроны иногда чувствовали, что с ними плохо обращаются, что они не должны терпеть плохого обращения и что они должны использовать единственное средство, которым они владели, чтобы выразить свои чувства и отомстить, используя яд.

ГЛАВА III. РЕЛИГИЯ.

В истории цивилизации религия часто выступает в роли освободителя женщин. Иногда, правда, она действует в противоположном направлении, когда, руководствуясь ложными представлениями о гуманности, ограничивает обязанности и привилегии женщин. Но, с другой стороны, религия обычно возбуждает разум до состояния дикого энтузиазма, и в этом энтузиазме идеи и предписания условностей откладываются в сторону, ощущаются удовольствия свободы, и постепенно свобода закрепляется надолго. Мы видим, что так было в Греции, где почти единственными случаями, когда женщины контактировали с внешним миром, было соблюдение религиозных праздников. Римская религия во многом не была похожа на греческую. В ней не было гениальных фантазий, она не давала возможности для эмоциональных излияний, молитвы сводились к фиксированным формулам, а ритуал был строго предписан. Она, как и сами римляне, была торжественной и спокойной. Поэтому римская религия не содержала тех элементов, которые могли бы способствовать расширению свободы женщин. Были, правда, различные праздники, которые отмечались только матронами, куда мужчине было смертельно опасно вторгаться, и они давали женщинам возможность посоветоваться друг с другом. Но можно усомниться в том, что римские женщины когда-либо использовали эти собрания для каких-либо иных, кроме чисто религиозных целей, и что эти собрания когда-либо отличались пылкостью и неистовством. Именно привнесение чужеземных богов и культов удовлетворяло тягу римских женщин к религиозному возбуждению, и в праздновании этих культов мы видим, что женщины иногда были столь же смелы, как и в своих отравлениях. Естественно, они обращались к иноземным богам, поклонение которым сопровождалось большим подъемом духа и внешними демонстрациями. Так, нам рассказывают, что поклонение Идейской матери, богине, чьи жрецы дико танцевали, разрезая свои тела до крови, было введено в 204 году до нашей эры, и что по этому случаю высшие матроны города вышли принять богиню и, среди молитв и благовоний, на глазах у всего населения, отнесли ее в ее храм.^[75] В этом случае не было никаких нарушений во введении нового культа, поскольку этот акт был предписан сенатом по инициативе коллегии децемвиров, хранителей сивиллиных книг.^[76]

Но женщины не всегда ждали санкции государства, а действовали по собственному побуждению. Самым ярким примером такого рода было введение вакханалий, или поклонения Вакху, в 186 году до н. э. Историк Ливий сообщает нам подробности этого события, и его рассказ подтверждается современной латунной табличкой, содержащей указ или, скорее, письмо сената, найденной в Южной Италии в 1640 году. Это повествование проливает свет на последствия введения нового культа, и поэтому я расскажу об обстоятельствах с некоторой подробностью. В Этрурию прибыл грек низкого

происхождения, предложивший посвятить народ в мистерии Вакха. Обряды этого бога часто совершались в Греции ночью и сопровождались пиршествами, танцами и песнями. Для италийцев это было в какой-то степени новым поклонением, и жители Этрурии были охвачены яростью, как чумой. Оно распространилось из Этрурии в Рим. Сначала поклонение совершалось тайно, но в конце концов дело дошло до консула. Женщина, прошедшая инициацию, рассказала, что поначалу к обрядам допускались только женщины, что они собирались в дневное время трижды в год в установленные дни и что жрицами избирались матроны[77].

Однако в конце концов одна из жриц, действуя как бы по совету бога, посвятила своих сыновей, перенесла праздник с дневного времени на ночное и назначила празднования пять раз в месяц. Во время обрядов мужчины прыгали и разбрасывали руки самым неистовым образом, под звон цимбал и удары барабанов, и произносили пророчества; А женщины, одетые как поклонницы Вакха, с воплями и криками бросились с растрепанными волосами и горящими факелами к реке Тибр, погрузили свои факелы в реку, вытащили их, все еще пылающие, словно чудо, и вернулись, все еще вопя и крича, к своим празднествам. Женщина также заявила, что безумие охватило большую часть населения, включая многих дворян, но что по какой-то причине совсем недавно было принято постановление, согласно которому никто не должен быть посвящен, если ему больше двадцати лет. Консулы, получив эту информацию от женщины, передали дело в Сенат, было проведено расследование, и выяснилось, что более 7000 мужчин и женщин участвовали в этих тайных празднествах. Интересующая нас особенность этого дела, на которую в то время обратил внимание сенат, заключалась в том, что люди обоих полов и разных возрастов собирались вместе по ночам и устраивали оргии, во время которых свободно пили вино. Римскому гражданину запрещалось совершать любые культы, не санкционированные государством, но здесь женщины бросили вызов закону своей страны и нарушили старые римские представления о приличиях. Вскоре, как это всегда бывает в таких случаях, распространились слухи о том, что эти ночные собрания проводились не только для поклонения богу; что на самом деле эти собрания были сценами пиршеств, и что на них придумывались отравления и подделки завещаний. Таким образом, богослужение превратилось, согласно этим сообщениям, в безнравственный заговор, и все, кто принимал в нем хоть какое-то участие, были разысканы и наказаны. Многих бросили в тюрьму, некоторых предали смерти. Женщин отдавали родственникам, чтобы те наказали их наедине, а если родственников найти не удавалось, то их наказывали публично.

Можно усомниться, что аморальный характер этой религиозной вспышки не был сильно преувеличен, а скандалы, которые ей приписывали, не были вызваны лишь тем, что это дело рук женщин. "Прежде всего, - сказал консул в своей публичной речи по этому поводу, - большая часть посвященных была женщинами, и это было источником зла". Такие женские излияния суровые старомодные римляне считали в высшей степени недостойными, и их необходимо было пресекать даже самыми суровыми мерами.

На какое-то время религиозная мания, кажется, утихла; но в поздние времена Республики и в начале Империи римские матроны проявляли все ту же ярость к чужеземным культам. Храмы египетской богини Исиды были переполнены, а ее жрецов ласкали и почитали. Многие женщины стали приверженцами иудейской веры, а у восточных божеств было множество почитателей.

В этих случаях женщины требовали для себя права поклоняться любому богу, который им угоден. Часто, осуществляя это поклонение, им приходилось нарушать правила условностей, и таким образом они утверждали для себя свободу, на которую не мог бы претендовать никто, кроме религиозного порыва, как многие из более чувствительных.

ГЛАВА IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И БРАЧНЫЕ ЗАКОНЫ.

Женщин Рима также побуждало к самоутверждению вмешательство законов в их особые дела, и они, не колеблясь, выходили из привычной колеи, чтобы противостоять таким законам. Так, например, в 215 году до н. э. народный трибун Оппий предложил закон, согласно которому ни одной женщине не разрешалось иметь более полуунции золота, носить одежду разных цветов и ездить на колеснице в пределах Рима или города, населенного римскими гражданами, или в радиусе одной мили от этих мест, за исключением религиозных целей. Точная цель, которую преследовал этот закон, нам не ясна. Задолго до этого, во время галльского нашествия 392 года, право ездить на колеснице было предоставлено римским матронам в качестве особой привилегии, поскольку, когда у римского государства не хватало денег для выплаты выкупа, который требовали галлы, римские матроны выступали вперед и приносили в казну свои золотые и другие украшения. Возможно, Оппий считал, что римские матроны в 215 году до н. э. слишком медленно подражали щедрости своих предков, и закон, таким образом, мог подразумевать оскорбительный упрек. Но не может быть сомнений в том, что закон был специально разработан, чтобы ограничить экстравагантные расходы женщин в то время, когда все ресурсы общества были необходимы для решения ужасных чрезвычайных ситуаций, постигших государство. Таким образом, это был один из тех законов о роскоши, которые появляются на ранних этапах правления и примеры которых можно встретить в шотландском законодательстве, как, например, когда в 1567 году эстафета приняла закон о том, что "ни одна женщина не должна украшать себя одеждой выше той, что соответствует ее рангу". Но какой бы ни была цель, закон стал особенно неприятен для матрон. Они могли бы терпеливо подчиняться, пока царил бед, но теперь ужасная Пуническая война славно закончилась, успех увенчал все военные экспедиции римлян, богатство хлынуло с Востока, мужчины воспользовались процветанием, и казалось необычайно тяжелым, что только женщины не должны разделять поблажки, которые несло с собой богатство[78].

Вероятно, многие жалобы высказывались в частном порядке, но полный поток чувств не проявлялся до тех пор, пока два народных трибуна не предложили отменить Оппиев закон. Тогда эта тема захватила общественное мнение. Она стала темой разговоров в банях и цирюльнях, на общественных и частных собраниях людей. Кто-то был за отмену закона, кто-то против, и с обеих сторон царил ожесточение. Вряд ли матроны стали бы молчать по такому случаю. Они, несомненно, приводили своим мужьям, сыновьям и другим родственникам все возможные аргументы и всевозможные уговоры. Но их пыл не мог быть ограничен рамками дома. Оставив домашние заботы, они вышли на улицы и в общественные места, чтобы избить каждого, кто имел право голоса. Они не стали дожидаться, пока не познакомятся с людьми. Они нападали как на незнакомцев, так и на друзей. Они также проводили собрания между собой и тайные совещания. С каждым днем их число росло.

Римские граждане из дальних городов и деревень стекались сюда, чтобы помочь своим городским сестрам. Ни один камень не оставался без внимания. Они обращались к вельможам, беседовали с преторами и консулами. Наконец настал день, когда голосование должно было состояться в общественном собрании. Накануне вечером состоялось большое собрание. Один из консулов, упрямый рыжеволосый Катон, произнес жестокую речь против матрон. Другие присоединились к его сопротивлению. Трибуны, предложившие отмену, выступили в их пользу, и их хорошо поддерживали. Но матроны, должно быть, провели эту ночь в большой тревоге. Они знали, что двое из трибунов готовы выступить против отмены, и что их вето было достаточным для того, чтобы отмена не прошла. А значит, их сопротивление должно быть преодолено. Женщины были полны решимости. Они встали рано, собрались огромной толпой, окружили дома упрямых трибунов, уговаривали, угрожали, использовали все женские методы убеждения, и наконец трибуны уступили. Вопрос об отмене закона был официально вынесен на собрание; возражений не последовало, и женщины добились своего. Один историк (Зонарас) утверждает, что, услышав эту новость, они ворвались в собрание, снова надели свои украшения, а затем вышли, радостно танцуя, из здания законодательного собрания на улицу.

Историк Ливий, которому мы обязаны наиболее ярким рассказом об этом выступлении матрон, предоставляет нам отчет о публичном собрании, состоявшемся за день до голосования. В особенности он снабжает нас речами главного противника, консула Катона, и трибуна Л. Валерия, который предлагал отмену. Мы можем без колебаний считать, что эти речи принадлежат самому историку. Катон, мы можем быть уверены, действительно выступал по этому случаю, и речь, которую Ливий вкладывает в его уста, соответствует его характеру. Этот суровый любитель старины с презрением относился к правам женщины и к самой женщине, к чему, несомненно, примешивался подлый страх перед ее властью. Одно из его изречений, дошедших до нас, гласит: "Если бы в мире не было женщин, боги все еще жили бы с нами"[79]. Но ему приписывают и другое - модификацию изречения Фемистокла: "Все мужчины управляют своими женами, мы управляем всеми мужчинами, а *нами* управляют наши жены". Речь, приведенная Ливием, не показывает его свирепости. Она содержит аргументы, которые были бы использованы во времена Ливия, и для его времени она очень ценна: - "Если люди, - говорит он, - будут править женами, то они будут править ими".

"Если бы мужчины, - говорит он, - сохранили свои права и достоинство в семье, женщины никогда не стали бы так публично возмущаться. Если бы у женщин было хоть немного чувства стыда, они бы знали, что им не подобает принимать участие в принятии или отмене законов. Но теперь мы позволяем им участвовать в политике. Если им это удастся, кто знает, чем это закончится? Как только они начнут равняться с нами, они получают преимущество над нами. А для чего они сейчас агитируют? Только для того, чтобы удовлетворить свою неумеренную тягу к роскоши и показухе, которая будет становиться тем сильнее, чем больше ее будут удовлетворять".

Ответ Л. Валерия, как и многие другие ответы мужчин в защиту женщин, боюсь, далеко не удовлетворил их самих: - "Катон ошибается, утверждая, что Катон не прав.

"Катон ошибается, утверждая, что женщины впервые появились на публике по этому случаю. Жены первых римлян публично вставали между свекрами и зятьями. Римские матроны отправились с депутацией к Кориолану, они вмешались во время галльского вторжения, они исполняли общественные обязанности в религиозных вопросах. Процветание, наступившее после Пунических войн, принесло преимущества всем слоям общества; почему же только матроны должны быть исключены из этой удачи? И почему мужчины должны отказывать им в

украшениях и одежде? Женщины не могут занимать государственные должности, жречество или добиваться триумфов; у них нет общественных занятий. Что же им остается делать, кроме как посвящать свое время украшениям и нарядам? Конечно, мужчины должны позволить им иметь свой собственный путь в этих вопросах".

В другой раз женщины Рима собрались в большом количестве и выступили с публичным призывом. Обстоятельства были таковы. Триумвиры, Октавиан, Антоний и Лепид, проскрибировали большое количество граждан, конфисковали и продали их имения, чтобы покрыть расходы на идущую в то время войну. Но земля была наркотиком на рынке, и, кроме того, люди не желали приобретать имущество, выставленное на продажу в результате насильственных действий. Поэтому сумма, вырученная от продажи, значительно уступала требуемой, и триумвирам пришлось искать другие источники дохода. Они издали указ, согласно которому 1400 самых богатых женщин города должны были представить им точный отчет о своих средствах, со строгими наказаниями за их сокрытие или занижение; при этом они требовали права использовать любую часть богатства, о котором им сообщат, для оплаты расходов на войну. Женщины были повергнуты в крайнее недоумение и бедствие, но они не могли найти ни одного человека, достаточно смелого, чтобы выступить в защиту их интересов перед триумвирами. Предоставленные самим себе, они обратились прежде всего к сестре Октавиана, матери и жене Антония. Сестра Октавиана и мать Антония оказали им любезный прием, но Фульвия, жена Антония, прогнала их от своих дверей. Оскорбленные таким образом, они обратились в трибунал триумвиров. От их имени выступила Гортензия, дочь знаменитого оратора Гортензия. Она произнесла мощную речь, которую высоко оценил великий латинский критик Квинтилиан, и добилась того, что требования триумвиров были снижены до сравнительно небольшой суммы[80].

Эти публичные выступления женщин, конечно, были лишь эпизодическими, но они были достаточно частыми, чтобы показать, что у женщин были свои интересы и достаточно решимости, чтобы отстаивать их, когда это было необходимо.

Возможно, причиной, изменившей положение женщин больше всего, помимо их собственной доброты, стало изменение обстоятельств жизни римлян, вызванное расширением их империи и ростом богатства. Я уже говорил, что считалось максимой, что женщина ничего не может делать сама; что она должна находиться под опекой отца, мужа или какого-нибудь воспитателя; и что в самые ранние времена девушка, выходя замуж, переходила из-под власти отца в руки мужа. Из одной из форм римского брачного обряда некоторые сделали вывод, что было время, когда римлянин покупал свою жену у ее отца или опекуна и таким образом получал полную власть над ней. Он не обращался с ней как с рабыней. Его собственное уважение к римскому гражданству и матери римских граждан не допускало этого; но его власть над рабами едва ли могла быть большей, чем власть над женой, за которую он заплатил. Было время, когда религия требовала, чтобы жена перешла в руки мужа. У каждой семьи в Риме были свои боги, которые должны были защищать ее, и этим богам можно было поклоняться должным образом только тогда, когда жертвы приносили члены семьи. Попытка совершить это служение другим считалась профанацией. Таким образом, если жена не была принята в семью мужа, она не могла участвовать в его поклонении, не могла присутствовать на семейных праздниках и была обязана ходить на поклонение богам и праздновать праздники своего отца, к семье которого она по-прежнему принадлежала. Таким образом, материальные и религиозные соображения приводили к переходу жены в семью мужа. Но когда мы приходим к историческим временам, мы видим, что оба эти влияния угасли или умерли. Денежное влияние исчезло. Жену больше не покупали. А религиозное влияние существовало лишь в нескольких семьях, члены которых

могли достичь высших государственных жреческих должностей. Фактически римляне в значительной степени отказались от своих особых семейных богов, и поэтому передача жены в семью мужа стала ненужной.

Что же заняло место этого перехода в семью? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны посмотреть на состояние римлян в отношении богатства. На самом раннем этапе римляне жили в скромных домиках. Консул мог командовать армией, но жил в доме с несколькими комнатами, и его часто можно было увидеть пахущим свою землю. Семья жила за счет продуктов собственного хозяйства. В таких условиях жена могла быть только экономной домохозяйкой, работающей руками и полностью зависящей от мужа в вопросах содержания. Вероятно, отец не захотел бы, чтобы она вернулась к нему, так как у него было достаточно дел для остальной семьи, и ему очень не хотелось возвращать сумму, которую он получил за нее, поэтому жене пришлось смириться. Но ее положение изменилось, когда в Рим хлынуло богатство. Тогда мужчины обзавелись достаточными средствами, и деньги для них не имели никакого значения. В таких обстоятельствах отцы не решались продавать своих дочерей, а, напротив, считали своим долгом обеспечивать их на всю жизнь. Таким образом, дочери больше не хотели находиться во власти своих мужей, а только во власти своих отцов.

Дальнейшее развитие событий произошло, когда женщины сами стали обладать богатством. Отцы оставляли крупные суммы своим дочерям, мужья - вдовам, и так возник класс богатых женщин. Это показалось некоторым римлянам настолько ненормальным, что они попытались это пресечь. В 169 году до н. э. был принят закон [81] (Lex Voconia), по которому было запрещено делать женщину наследницей состояния, превышающего 100 000 ассов, и она никогда не должна была получать больше, чем наследник, назначенный в завещании. Но необходимость закона могла бы доказать его бесполезность. На протяжении всей римской истории заметна сильная привязанность отцов к дочерям и мужей к женам, и ни один закон не мог удержать их от того, чтобы они не пытались отдать большую часть своего имущества тем, кого они любили. Поэтому отцы и мужья изобрели приспособления, с помощью которых можно было обойти все подобные законы. Например, отец назначал наследником человека, который торжественно обещал, что передаст все состояние дочери. Таким образом, наследник становился простым доверенным лицом, и римское право в конце концов санкционировало такую опеку. Таким образом, хотя женщина номинально находилась под властью опекуна, она все же имела полную свободу распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, а также приобретала значение и влияние, присущие богатству. Эти изменения привели к революции в природе брака. Брак теперь стал договором. По неизменному обычаю отец должен был дать за дочь приданое. Процент этого приданого был достаточно, чтобы содержать ее, и она не была обузой для своего мужа. На самом деле муж не нес ответственности за ее содержание, разве что отдаленно; обязанность ложилась сначала на отца, затем на различных родственников, и лишь на поздней стадии переходила к мужу. Муж имел право пользоваться приданым, пока длился брак, но если он был расторгнут без вины жены, он должен был вернуть все приданое. Конечно, помимо приданого у жены могли быть и собственные деньги. Это полностью зависело от нее самой или от ее отца или опекуна; муж не мог вмешиваться в это. Он мог убедить ее передать часть денег ему, но не имел над ними никакой юридической власти.

Таким образом, брак был договором, который вступал в полную силу, когда женщину приводили в дом мужчины. Он заключался в присутствии свидетелей, и его можно было расторгнуть, но, опять же, расторжение должно было происходить на законных основаниях, то есть в присутствии компетентных свидетелей. Брак сопровождался религиозными церемониями, но они не имели никакого отношения к договору, а значит, не были

существенными для брака. В этом договоре необходимо было согласие мужа и жены, а если они находились под контролем, то и их родителей или опекунов. Как правило, в каждой семье существовал семейный совет, состоящий из друзей и родственников, который созывался для принятия решения об условиях договора, и считалось неблагоприятным, если мужчина расторгал свой брак, не обратившись к этому совету. Муж или жена могли расторгнуть брак по любой причине, но от этого предохраняла необходимость юридических форм и практика обращения за советом к этому совету, во главе которого стоял отец мужа или жены.

Таково, таким образом, было положение женщины в отношении брака в последние века Римской республики, и мы увидим, что она была практически равна мужчине. Такое положение вещей иногда приводило к любопытным комбинациям в жизни. Самым необычным случаем, проливающим свет на представления о браке, распространенные среди римской знати, является случай Гортензия, о котором рассказывает Плутарх. Гортензий, великий римский оратор, очень хотел породниться с Катонем, поборником римской свободы, умершим в Утике, и жениться на дочери Катона. На пути к этому стояла одна трудность. Дочь Катона, по имени Порция, уже была замужем за Бибулом. Но Гортензий не посчитал это серьезным препятствием. Он отправился к Бибулу, рассказал ему о своем желании и умолял расторгнуть брак с Порцией и таким образом дать ему возможность жениться на ней. Он заявил, что после того, как она родит ему двоих детей, он откажется от своих брачных притязаний, и она сможет снова выйти замуж за Бибула. С отцом Катона посоветовались, и он отказался от своего согласия. Но Катон предложил выход из затруднительного положения. Он сам отдаст свою жену Марцию за Гортензия при условии, что ее отец не будет возражать. Отец согласился, но с одной оговоркой: на свадьбе должен присутствовать ее бывший муж. Катон принял это условие, и Марция была выдана замуж за Гортензия. Гортензий умер, и Марция стала вдовой. Но она недолго оставалась вдовой, так как вскоре вышла замуж за своего бывшего мужа, принеся с собой состояние Гортензия. В этом случае нет ни чьего-либо стеснения, ни незаконности. Катон и Марция расторгают свой брак добровольно и законно; Гортензия и Марция вступают в добровольный и законный брак; Катон и Марция вступают в новый добровольный и законный брак. Брак существовал до тех пор, пока обе стороны были полностью согласны, и единственным препятствием для расторжения брака была необходимость провести его в строго законном порядке и обязанность посоветоваться с близкими родственниками[82].

В следующей главе мы обсудим, какое влияние оказал этот порядок на счастье и характер женщин.

ГЛАВА V. ПОСЛЕДСТВИЯ БРАКА И ДРУГИХ СОГЛАШЕНИЙ.

В этой главе мы рассмотрим влияние брачных порядков Рима на счастье, характер и влияние римских женщин. Нет нужды говорить, что невозможно прийти к неоспоримым выводам по такому вопросу. Наши свидетельства не могут не быть фрагментарными и односторонними, какой бы народ или эпоху, чье счастье или нравы мы избрали предметом нашего исследования. Даже в наше время из отчетов судов по бракоразводным процессам и полицейских судов, а также газетных публикаций можно легко собрать такие материалы,

которые позволили бы утверждать, что с женщинами обращались с особой жестокостью, а эпоха была одной из самых развратных. Но в случае с римлянами свидетельства особенно фрагментарны. О них можно сказать только то, что они не отобраны, что факты, имеющие отношение к теме, были записаны по другим причинам, и поэтому можно ожидать, что они дадут среднее представление о состоянии дел, которые мы изучаем.

С самого начала необходимо разобраться с предрассудком, который повлиял на взгляды многих современных писателей. Предполагается, что христианство должно было появиться в то время, когда древний мир разваливался на куски; когда, следовательно, нравы были особенно низкими, общество находилось в совершенно развращенном состоянии, и повсеместно царила разнузданность. У этого мнения нет никаких надежных оснований. Нет ни одной картины последних дней Республики или первых лет Империи, которая была бы столь же черной, как та, что нарисована Аммианом Марцеллином^[83] о его собственных временах. А разнузданность языческого Рима не идет ни в какое сравнение с разнузданностью христианских Африки, Рима и Галлии,^[84] если мы можем хоть в какой-то мере полагаться на описание Сальвиана. Я могу привести один пример последствий этого предрассудка. Друманн в своем кропотливом труде, состоящем из шести томов, собрал все биографические факты, которые дошли до нас в связи с последним периодом Республики. В своем указателе к этой книге он приводит очень короткий список отрывков, в которых говорится о достоинствах женщин, и очень длинный, в котором говорится об их вырождении. Обратимся к первому из этих последних отрывков, и что же мы обнаружим? Друманн^[85] описывает проскрипции, проводимые триумвирами, Октавианом, Антонием и Лепидом, и рассказывает, как римлянин трепещет перед собственной женой, детьми, рабами и вольноотпущенниками, и приводит примеры, когда римлян предавали их родственники или рабы. Он упоминает три случая предательства жен, и мы можем быть уверены, что это все случаи, которыми его снабдили записи того времени, поскольку вряд ли хоть один из них ускользнул от его самых тщательных поисков. Но он допускает, что на свет появилась и другая сторона человеческой натуры, и, демонстрируя ее читателям, приводит восемь случаев, когда жены спасали своих мужей, рискуя жизнью, или следовали за ними в изгнание. Было бы опрометчиво делать вывод из этих фактов; но если вывод и следует сделать, то он заключается в том, что даже в разгар диких беспорядков в государстве и всеобщего террора, когда каждый боялся за свою жизнь, жены гораздо чаще были верны своим мужьям и готовы были разделить с ними любую опасность, и что, таким образом, мы имеем не доказательство вырождения, а, напротив, сильную привязанность между мужем и женой.

Рассматривая влияние брачных обычаев римлян, мы, естественно, в первую очередь думаем о том, что согласие было сутью римского брака. Ни одна женщина не могла быть принуждена к браку. Правда, женщины очень часто выходили замуж в очень юном возрасте, часто всего в четырнадцать или пятнадцать лет, и мы должны предположить, что в этих случаях преобладало влияние отцов. Но даже в этих случаях девушка должна была дать свое согласие, а согласие оставалось сутью обязательства для замужней жизни. Если возникало ощущение рабства, женщина, так же как и мужчина, могла договориться о расторжении связи. При этом у женщины не было никаких материальных трудностей. Каждый отец обеспечивал содержание своих дочерей на всю жизнь за счет приданого, которое он им давал; и поэтому ни одна женщина не была вынуждена терпеть неверного и жестокого мужа, потому что полностью зависела от него в плане своего существования. Жалобы, которые мы слышим о римских браках, исходят не от женщин, а от мужчин. Женщины были слишком независимы. Римлянин женится на римлянке, у которой достаточно собственных средств. Он обнаруживает, что старые времена прошли, и теперь он не может завладеть ее деньгами или

имуществом без ее согласия. Теперь он должен унижать ее, если хочет пользоваться ее богатством, и попытка добиться ее расположения таким образом считается унижительной для мужчины, и представляется, что для мужчины лучше остаться без жены, чем подчиняться всем властным прихотям богатой женщины.

В то же время расторжение брака не было постыдным. Брак был договором. С ним были связаны религиозные церемонии, но они не составляли брак и не были его неотъемлемой частью. В идею брака не вкладывалось никакой сакральности. Это было соглашение между двумя сторонами, и, когда бы это соглашение ни начинало раздражать одну или другую сторону, не было причин, почему бы ему не прийти к концу. О силе римского чувства в этом вопросе можно судить по отношению к нарушению обещания. В Лациуме иски за нарушение обещания были обычным делом, как нам говорит Сервий Сульпиций в своей книге "De Dotibus", цитируемой Геллием (iv. 4), и они продолжались до тех пор, пока латиняне не получили гражданство Рима по Lex Julia. Но римляне, похоже, никогда не разрешали их. Иногда спонсалия или обручение, хотя и являлись частным актом, праздновались с большой пышностью; но римляне считали, что "бесчестно скреплять брак узами наказания, будь то будущий или уже заключенный"[86], и "если, - говорит Ювенал, - ты не собираешься любить женщину, которая была обручена и соединена с тобой законным соглашением, то, кажется, нет причин, почему ты должен на ней жениться"[87].

В связи с этим часто апеллируют к частоте разводов. В ранние времена римляне не разводились со своими женами, и этот факт выставляется как доказательство добродетели ранних времен и вырождения более позднего периода. Считается, что первый римский развод произошел около 231 года до н. э., когда Спурий Карвилиус бросил свою жену, потому что она не родила ему детей. Один из авторов представляет Спурия как любящего свою жену, но каждый гражданин должен был ответить на вопрос цензора: "Имеешь ли ты жену для того, чтобы иметь детей?". Жена Спурия от природы была неспособна иметь детей, поэтому он по соображениям совести ответить на вопрос цензора утвердительно, как он должен был поступить, и, согласно совету семейного совета, отстранил жену от себя. Маловероятно, что это был первый развод. По крайней мере, записано, что цензоры 307 года до н. э. удалили Л. Анния из сената за то, что он развелся со своей женой, не посоветовавшись с семейным советом, и нет причин сомневаться в правдивости этого утверждения. Но вполне вероятно, что разводы вошли в моду примерно в середине третьего века до христианской эры. Римско-католическая дама, мадемуазель Бадер,[88] которая превозносила добродетель римлян за то, что до этого времени разводов не было, предложила свое объяснение этому факту. "Римские мужья, - говорит она, - не разводились со своими женами, они их убивали". Пока римские жены находились под контролем или в руках мужа, муж, несомненно, мог убить свою жену при определенных ограничениях; но когда такое положение вещей прекратилось, то, если только жена не совершала больших преступлений и тем самым не подвергалась суровому наказанию, очевидным курсом было расторгнуть брак без лишнего шума. И нам кажется, что женщины предпочли бы развод смерти, и что вместо вырождения изменившееся положение вещей подразумевает смягчение нравов и прогресс цивилизации[89].

Нельзя отрицать, что разводы стали частыми после обретения женщинами свободы, но в этом вопросе преувеличено многое. Мы получаем информацию только о тех мужчинах и женщинах, которые занимали видное положение в обществе, а их политические интересы часто приводили к бракам и разводам. Формировать на их основе оценку общества в целом было бы так же ошибочно, как формировать оценку английского и французского общества на

основе Генриха VIII и семьи Наполеона. Марквардт[90] отмечает случаи частых браков. "Овидий, - говорит он, - и младший Плиний женились трижды, Цезарь и Антоний - четыре раза, Сулла и Помпей - пять раз, дочь Цицерона Туллия - три раза". Нет нужды говорить, что в этом нет ничего удивительного. Многие мужчины и женщины в наше время женятся по три раза, есть и такие, кто женился по четыре и пять раз, а у одного модератора Генеральной ассамблеи Шотландской церкви было семь жен.[91] Однако эти случаи не считаются свидетельством исключительного состояния низкой морали. Сатирики и моралисты любят использовать преувеличенные выражения в отношении женщин в этой связи. Ювенал говорит о женщине, у которой за пять лет было восемь мужей, а Марциал - о женщине, которая была замужем за десятым мужем. Сенека описывает некоторых знатных женщин, считающих свои годы не по именам консулов, а по именам их мужей. Не исключено, что некоторые женщины могли стать таким образом печально известными. Августовские законы о браке создавали сильное искушение заключить брак, не имея реального союза, и таким образом избежать наказаний, положенных за неженатое состояние. Но явных примеров не зафиксировано. Некоторые полагают, что в надписи на могиле женщины утверждается, что у нее было семь мужей; но это толкование неверно, как убедительно показал Уилманс. Достоверный случай наибольшего числа мужей - это случай самарянки, у которой было пять мужей, и она жила с одним, который не был ее мужем. Но, возможно, ее случай был весьма своеобразным; и, как ни странно, именно этой печально известной женщине было дано величайшее откровение о всеобщем поклонении, которое когда-либо было дано смертным. Нет никаких оснований полагать, что разводы были очень частым явлением в обычном обществе. Здесь не действовали те же причины, которые преобладали в кругах, где политическая власть была доминирующим мотивом действий. С самых ранних времен подчинения до нас дошла идея о том, что, хотя мужчина может часто жениться, женщина должна выходить замуж только один раз, и эта идея имела влияние вплоть до последнего периода язычества. В более поздний период женщину не принуждали к браку, и если ее первый брак, обусловленный ее ранним возрастом, мог быть результатом родительской договоренности, то второй почти наверняка был заключен по ее собственной воле и с открытыми глазами на все последствия этого акта, а потому, скорее всего, это был брак постоянной привязанности.

Исследуя историю, я думаю, мы должны прийти к выводу, что римские представления о браке не оказали плохого влияния ни на счастье, ни на мораль женщин. Если мы возьмем период римской истории с 150 года до н. э. по 150 год н. э., то удивимся количеству женщин, о которых говорится, что они горячо любили своих мужей, оказывали на них благотворное влияние и помогали им в политической или литературной деятельности. Многие из этих женщин получили прекрасное образование, они были способными и вдумчивыми и проявляли активный интерес к благополучию государства. Известно, что именно Корнелия, мать Гракхов, вдохновила своих сыновей на борьбу с бедствиями, которые обрушились на государство, и ее цель не изменилась, когда она узнала, что они должны были встретить смерть за дело своей страны. Юлия, дочь Юлия Цезаря и жена Помпея, поддерживала хорошие отношения с обоими лидерами, пока была жива, и действовала с большой добротой и благоразумием. Корнелия, вторая жена Помпея, была очень культурной женщиной, верной и преданной супругой. Плутарх так описывает ее[92]: "Молодая женщина обладала многими прелестями, помимо юной красоты, ибо она была хорошо обучена письму, игре на лире и геометрии и привыкла с пользой слушать философские беседы. Кроме того, она обладала нравом, свободным от всякого жеманства и педантичной показухи, которые подобные приобретения обычно порождают в женщинах". Вмешательство Октавии, жены Антония, в государственные дела было полностью благотворным и разумным. Первая Агриппина проявила мужество и энергию, сама подавила мятеж среди солдат и всячески

помогала своему мужу. Тацит восхваляет свою тещу, жену Агриппины, как образец добродетели, и описывает ее как живущую в полнейшем согласии с мужем, каждый из которых предпочитал другого в любви. А Плиний Младший дает прекрасную характеристику своей жене Кальпурнии, рассказывая другу, как она проявляла величайшие способности, бережливость и знание литературы. В особенности "у нее есть мои книги, - говорит он, - она читает их снова и снова, она даже запоминает их. Какую тревогу она испытывает, когда я собираюсь произнести речь перед судьями, и какую радость, когда я ее закончил. Она расставляет в зале то тут, то там людей, чтобы они доносили до нее, какие аплодисменты были вызваны моей речью, что стало предметом судебного разбирательства. Если я где-нибудь читаю свои произведения, она садится рядом, отделенная ширмой, и жадно внимает моим похвалам. Мои стихи она также поет, и накладывает их на музыку лиры, и никакой художник не руководит ею, а только любовь, которая является лучшим мастером"[93].

Это лишь несколько из многочисленных примеров, которые можно привести, когда жены вели себя с нежностью, мужеством или самоотречением, достойными всяческой похвалы. Правда, они принимали активное участие в управлении делами, но в целом следует признать, что они действовали с большим здравым смыслом. И есть любопытное доказательство этому во времена империи. Жены отправлялись вместе с мужьями в свои провинции и часто принимали участие в управлении ими. Некоторые из старых суровых моралистов выступали за то, чтобы положить конец такому положению вещей, и предлагали запретить им сопровождать своих мужей в их служебные сферы; но после дебатов в сенате эта мера была отвергнута значительным большинством, которое тем самым подтвердило, что их помощь полезна[94].

Несомненно, именно их здравый смысл, доброта и готовность сотрудничать с мужчинами привели к тому, что они получили свободу и власть в политических делах. И эта власть иногда была очень велика. Цицерон в письме к Аттику[95] рассказывает о беседе, которую он имел в Антиуме в 44 году до н. э. с Брутом и Кассием. Присутствовали также Фаворин и, кроме него, три женщины - Сервилия, мать Брута; Тертулла, жена Кассия и сестра Брута; и Порция, жена Брута и дочь Катона. Сервилия дважды вступает в дискуссию, и очевидно, что ее слова имеют вес. В одном из случаев она обещает добиться исключения какого-то пункта из постановления сената. Подобных обсуждений, на которых присутствовали женщины, наверняка было немало. Даже в более ранние времена влияние женщин представлялось огромным. Ливий[96] утверждает, что Лициния побудили предложить свои законы, чтобы удовлетворить честолюбие дочери Фабия Амбуста, на которой он женился.

Правда, некоторые женщины, занимавшиеся политическими делами, были безрассудны и неприятны. Женщина сыграла самую важную и дерзкую роль в заговоре катилинов, и именно благодаря ей заговор был раскрыт. Жена Цицерона, по его собственному рассказу, разбиралась в политических делах больше, чем он в домашних, и когда его любовь к ней охладела, отчасти, возможно, из-за ее нрава, а отчасти потому, что он увлекся богатой девушкой, которая могла помочь ему выйти из затруднительного материального положения, произошел развод, и Теренция вышла замуж за политического врага своего бывшего мужа. Ливия, жена Августа и мать Тиберия, была, по мнению некоторых, инициатором большинства государственных дел во время правления обоих; но до сих пор остается сомнение, следует ли относить ее к хорошим или плохим. Но даже эти женщины получали огромное удовольствие от своей карьеры и общения с избранниками. В любом случае, женщины пользовались большой свободой и широким полем для реализации своих возможностей. И многие из них, безусловно, хорошо использовали свои возможности и богатство. Некоторые из них

занимались благотворительностью. Они дарили общественные здания и портики общинам, среди которых жили; они получали общественные почести, а одна женщина[97] в Африке так впечатлила своих сограждан своим превосходством, что ее избрали одной из двух главных магистратов этого места. Особенно активно женщины проявляли себя в Малой Азии. Их щедрость принимала самые разнообразные формы, вплоть до одаривания значительными суммами каждого гражданина в их собственных городах. Они возводили бани и гимназии, украшали храмы, ставили статуи и всячески способствовали удовольствию своих соотечественников. Они часто председательствовали на общественных играх или великих религиозных церемониях, будучи регулярно назначенными на эту должность, и оплачивали расходы, связанные с этими представлениями. Вследствие этого они получали самые заметные отличия и избирались в высшие органы власти. Они также занимали должности священников, а некоторые из них получили высшее священство Азии - возможно, это самая большая честь, которая может быть оказана кому-либо. Их принимали в аристократические клубы, каковыми, как принято считать, были "герусии".

Нельзя сказать, что все профессии были открыты для них, потому что многие из них не были открыты для мужчин. Медициной, преподаванием и другими подобными искусстваами в значительной степени по-прежнему занимались рабы или вольноотпущенники, и они считались недостойными занятиями для свободнорожденных граждан. Юриспруденция не была профессией, и женщины имели широкий диапазон действий в юридических вопросах.

Валерий Максим[98] упоминает, что Амезия - или Маэста (имя неточно) - из Сентинума, будучи обвиненной, выступила в свою защиту при огромном скоплении народа и провела процесс с точным знанием процессуальных форм, а также с храбростью. Ее оправдали почти единогласно. За ее мужественный ум ее прозвали Андрогинум, или Мужчиной-женщиной. Он также упоминает Афранию, жену сенатора Лициния Букко, которую он клеймит как любительницу затевать судебные тяжбы и выступать перед претором, не потому что она не могла найти себе защитников, а потому что у нее был избыток наглости. Он говорит, что ее имя стало нарицательным для обозначения женщины беспримерной бесцеремонности и безнравственности. Он утверждает, что она умерла во время первого консульства К. Сезара и второго консульства П. Сервилия, то есть в 48 году до н. э., отмечая, что ее смерть была единственным событием в жизни такого чудовища, заслуживающим упоминания. В "Дигестах" приводится цитата из Ульпиана[99] о том, что женщинам не разрешалось вести судебные дела от имени других, потому что это не соответствовало скромности пола - вмешиваться в чужие дела и брать на себя функции, подобающие мужчинам. Происхождение этого ограничения связывают с поведением одной дерзкой женщины, Карфании, которая, донимая претора своими бесстыдными обвинениями, вынудила его издать запрет. Некоторые отождествляют эту Карфанию с Афранией, но вполне вероятно, что запрет был издан позднее 48 года до н.э.

Как мы уже видели, в ранние времена женщины Рима иногда проводили собрания между собой, и Ливий упоминает о случаях, на которые я не ссылался. В период империи мы слышим о регулярном собрании или корпорации женщин (*Conventus matronarum*). В первый раз, когда этот конвент появляется в истории, мы получаем представление об оживленных сценах, которые, должно быть, время от времени происходили в нем. Агриппина, мать Нерона, пыталась совратить Гальбу, ставшего впоследствии императором, с верности своей жене. Его свекровь была очень зла на нее за это, и когда Агриппина пришла на собрание Конвента, она отчитала ее по полной программе, дополнив свои слова энергичными ударами рук. После этого Конвент снова появляется в правление Элагабала, который выделил своей матери место среди сенаторов. Он построил на Квиринале место для собраний Конвентуса,

которое его биограф называет Сенатом, и матроны решали там различные вопросы придворного этикета, такие как старшинство и платья, которые должны носить дамы разных рангов. Вероятно, этот женский сенат прекратил свое существование из-за своей нелепости, и мы больше не слышим о нем до правления Аврелиана, который, как говорят, вернул женщинам их сенат и заставил жриц занять в нем первое место[100].

Многие римские женщины посвящали себя философии и литературе и проявляли немалые способности в этих предметах. Но нет никаких доказательств того, что хоть одна из них добилась большой известности. До нас дошло только одно литературное произведение римской женщины - "Сатира" Сульпиция. Оно достойно ее здравого смысла и способностей, но не занимает высокого места среди сатир.

Что же мы можем сказать о нравственности римских женщин? Несомненно, некоторые римские писатели изображают их нравы в самых черных красках, но факты, которые я привел, как мне кажется, доказывают, что эти сведения сильно преувеличены. Было бы нелепо отрицать, что в римском обществе было много плохих женщин, как и во всех обществах были плохие мужчины и женщины, но мы склонны составлять слишком мрачную картину поведения женщин, потому что писатели, желающие продемонстрировать превосходство христианства над язычеством, с удовольствием выставляют на первый план предполагаемые пороки и унижения языческих женщин. Но в этом вопросе очень важно, чтобы мы смотрели на факты с правильной точки зрения.

Прежде всего мы должны быть начеку, чтобы не спутать языческие и христианские представления о морали. Римляне высоко ценили чистоту в женщине, но они ограничивали эти представления чистотой гражданок, и их представления основывались на необходимости иметь чистую и неоскверненную породу граждан. Их представления о чистоте не распространялись на граждан мужского пола, и поэтому, когда женщина еще находилась под властью мужа, она не могла развестись с мужем, хотя муж мог развестись с ней без объяснения причин. Действительно, среди римлян существовал институт, который, как считается, возвышал идею чистоты и девственности. Но легкое знакомство с римской мыслью показывает ошибочность такого мнения. Каждая жертва, приносимая богу, должна была быть чистой. Бык, которого приносили в жертву, не должен был тащить плуг или подвергаться какому-либо труду. Он должен быть выращен и содержаться исключительно для почитания бога, которое воздавалось ему. Так и девственницы, посвященные богине Весте, должны быть чистыми и не оскверненными ничьей подчиненностью, пока они находятся на службе у богини. Но это было не моральное, а ритуальное очищение. Брак не был препятствием для служения богу, если бог председательствовал функциях, которые соответствовали ему, и, действительно, во всех великих жреческих домах Рима было необходимо, чтобы жрец был женат, поскольку его жена выполняла функции жрицы, и было выгодно, чтобы жрец имел семью, поскольку ожидалось, что его дети будут помогать ему в выполнении различных жреческих функций. Даже весталкам разрешалось выходить замуж, если они служили богине в течение положенных тридцати лет. Поэтому римских женщин не сдерживало чувство моральной ущербности в этом вопросе. Вырвавшись из-под власти мужа, они не могли понять, почему то, что позволено мужчине, не должно быть позволено женщине; почему, если он удовлетворяет свои страсти без ограничений и осуждения общества, то же самое не должно быть позволено и ей. И, соответственно, некоторые из них погрузились в самую дикую карьеру разнузданности и бесстыдства. Они приняли распространенную в то время философию эпикурейства вместе со своими отцами, братьями и мужьями; они отреклись от веры в будущее состояние и моральные различия и действовали так, как люди, придерживавшиеся того же вероучения. Другие из них приняли

платонизм,^[101] и особенно любили "Республику", потому что она пропагандировала общность жен. Но эти женщины были не хуже мужчин своего времени, и плохих женщин было гораздо меньше, чем плохих мужчин.

Поэтому наши представления о безнравственности римских женщин часто черпаются из того, что говорится о женщинах, связанных с двором ранней империи. Но наши рассказы об этих женщинах получены от горького сатирика, пессимистичного историка и скандального биографа. И нет никаких сомнений в том, что самые известные из развратных женщин двора имели, как и мужчины, сильный оттенок безумия. Если мы примем во внимание то, что я уже сказал о языческих представлениях о чистоте, и вместе с этим будем иметь в виду положение дел в конце Республики и начале Империи, я думаю, что нам представится более мягкий взгляд на дело. Римская республика пришла к концу из-за соперничества великих домов, чьи матроны являются предметом истории. Эти дома враждовали друг с другом, хотя иногда были тесно связаны кровным родством и браком. Иногда даже сын выступал против отца, а племянник против дяди. Жизнь главных людей постоянно находилась под угрозой. Очень многие из них погибли насильственной смертью. Таким образом, их дома часто разрушались, а эгоистичные чувства вступали в игру. В этих обстоятельствах женщинам приходилось играть сложную роль, и их мотивы часто истолковывались неправильно.

Таким образом, возникает подозрение, что Ливия, жена Августа, часто прибегала к яду; но, конечно, обстоятельства дела делают это подозрение сомнительным. Ливия, несомненно, была смелой, решительной женщиной и принимала активное участие в управлении империей. Она уже была замужем, и от прежнего мужа у нее было два сына, одним из которых был Тиберий. Август также был женат ранее, и у него была одна дочь Юлия. Естественно, что Август стремился основать свою династию через собственную дочь Юлию, а не через пасынка. Поэтому он выдал ее замуж за своего племянника Марцелла, которого намеревался сделать своим преемником, но Марцелл умер в раннем возрасте, не оставив потомства. Тогда Август отдал овдовевшую Юлию в жены Агриппе, которому он очень доверял, но Агриппа тоже умер. Агриппа оставил семью, двое из которых были многообещающими юношами, и Август, естественно, рассматривал этих внуков как возможных преемников, но и они умерли. Тем временем Август отдал свою дочь в жены пасынку Тиберию, который отнюдь не оценил этот дар; ведь ему пришлось расстаться с любимой женой, чтобы соединиться с женой, которую он ненавидел и о которой весь мир знал, что она беспутная. И в итоге Тиберий вступил на престол. Высказывалось предположение, что Ливия с самого начала решила сделать Тиберия преемником Августа и, этой цели, использовала яд, отравив Марцелла, отравив Агриппу и двух его сыновей, и, возможно, отравив самого Августа. Но мы должны предположить, что акты отравления были очень непостоянными; ведь Марцелл умер в 23 году до н. э., Агриппа - в 12 году до н. э., сыновья Агриппы - во 2 и 4 годах н. э., а сам Август - в 14 году н. э., каждый со значительным интервалом в несколько лет; и мне кажется невозможным, чтобы, если женщина решила, что ее сын должен стать наследником, она осуществляла свой план только в разные периоды времени.

Некоторые из других женщин, печально известных своим плохим поведением, несомненно, были плохими. Но в случае с Мессалиной, чье имя стало нарицательным, следует помнить, что ей было всего двадцать шесть лет, когда она умерла. Вторая Агриппина, столь же печально известная своими злодеяниями, возможно, расплачивается за то, что написала мемуары, в которых очернила характеры своих современников. И почти все женщины, которых приговаривают к казни как чудовищ беззакония, принадлежали к императорской семье. Император обладал такой властью и славой, какие не выпадали на долю ни одного

смертного до него. Богатство и почести, которыми его осыпали, могли вскружить голову любому человеку. Они не могли не оказать пагубного влияния на женщин семьи. Потомки этой семьи вступали в браки между двоюродными братьями и сестрами, а то и в более тесные связи, и, если учесть уникальное возвышение их жребия и частые браки, стоит ли удивляться, что их заразило безумие? Я думаю, что таким образом можно объяснить значительное число диких эксцессов, которые вменяются им в вину.

Я не отрицаю, что за пределами императорского круга было много развратных женщин; я не отрицаю, что, возможно, были какие-то основания для гневных обвинений, которые Ювенал выдвигает против этого пола; но я уверен, что эти обвинения в значительной степени преувеличены.

И если были женщины, которые погружались в порок, видя, что их мужья и братья требуют и используют для себя самые дикие свободы, то были и другие женщины, которые придерживались противоположного мнения. Они утверждали, что равенство справедливо, но что мужчины и женщины в равной степени обязаны воздерживаться от разврата, что для мужчины действует тот же закон, что и для женщины. Это мнение было догматом стоической философии, и именно к этой секте философов принадлежали многие из самых благородных римских женщин. Я упомяну лишь двух из них. Порция, дочь Катона и жена Брута, была стоиком - "философом", как говорит Плутарх,^[102] "полным духа и хорошего смысла". Выйдя замуж за Брута, она заметила, что муж не сообщает ей о своих политических движениях и секретах. Тогда она удалила всех своих слуг, взяла нож и нанесла себе глубокую рану в бедро, так что кровь обильно потекла, а затем началась лихорадка. Ее муж в тревоге пришел к ней, и она обратилась к нему: "Я, Брут, дочь Катона, была отдана в твой дом не для того, чтобы, подобно женщинам, служащим наложницами, делить с тобой только ложе и пищу, но чтобы быть соучастницей твоего счастья и соучастницей твоих горестей. Но что касается твоего брака, то с твоей стороны все безупречно; что же касается меня, то какие доказательства или какая привязанность, если я не должна разделять с тобой ни тайной печали, ни заботы, требующей доверия? Я знаю, что женская природа считается слишком слабой, чтобы хранить тайну, но, Брут, в хорошем воспитании и честной жизни есть определенная сила для формирования нравственного характера: я дочь Катона и одновременно жена Брута, на которую до сих пор я меньше полагалась, но теперь я знаю, что я также неуязвима для боли"^[103]. Тот восхитился и, протянув руки, стал молить богов, "чтобы они сделали его достойным столь благородной жены".

Другая стоическая женщина, о которой я упомяну, - это известная Аррия, жена Пета. Плиний приводит следующий рассказ, полученный от ее внучки: "Муж ее, Цецина Пэтус, был болен; сын тоже был болен, и оба, судя по всему, смертельным приступом. Сын умер; юноша изысканной красоты, такой же скромный и дорогой родителям не только потому, что он был их сыном, но и по другим причинам. Она сделала все приготовления к похоронам и совершила над ним последние обряды так, что ее муж остался в неведении о происходящем. Всякий раз, входя в его покои, она делала вид, что ее сын по-прежнему жив и даже поправляется. А когда он часто спрашивал: "Как мой мальчик?", она отвечала: "Он хорошо провел ночь, охотно принял немного еды". Но когда слезы, долго сдерживаемые, одолевали ее и начинали литься потоком, она выходила на улицу и предавалась потоку горя, а затем возвращалась с сухими глазами и спокойным лицом"^[104] Именно эта женщина научила своего мужа, как умереть. Он получил от императора Клавдия приказ предать себя смерти. Он колебался. Тогда его жена взяла кинжал, вонзила его себе в грудь, вытащила и протянула мужу со словами: "Пэтус, это не больно". Таких стоических женщин было много. Какие

мнения они высказывали по поводу воспитания и положения своего пола? Мы хорошо осведомлены на этот счет.

Стоический философ К. Мусоний Руф, процветавший во времена Нерона, говорил или писал трактаты о воспитании женщин и о браке, и до нас дошли значительные фрагменты его высказываний или сочинений. Он утверждает, что одно и то же обучение и воспитание должно подходить для обоих полов. Он утверждает, что так должно быть при обучении всем умственным качествам, но, возможно, определенные задачи в некоторых случаях могут быть более подходящими для мужчины или для женщины. Сумма его изложения, пожалуй, содержится в следующих словах:^[105] "Я говорю, что, поскольку в человеческой расе мужчины обладают более сильной, а женщины - более слабой природой, каждой из этих природ следует поручать те задачи, которые наиболее подходят для нее, причем более тяжелые должны быть поручены более сильным, а более легкие - более слабым. Таким образом, прядение, как и ведение домашнего хозяйства, больше подходит женщинам, чем мужчинам; гимнастика, как и работа за дверью, больше подходит мужчинам, чем женщинам; хотя иногда некоторые мужчины могли бы должным образом выполнять некоторые из легких задач и таких, которые кажутся принадлежащими женщинам; а женщины, опять же, могли бы заниматься более трудными задачами и теми, которые кажутся более подходящими для мужчин, в случаях, когда либо телесные качества, либо необходимость, либо особые случаи могут побудить к такому действию. Ибо, возможно, все человеческие дела открыты для всех и являются общими как для мужчин, так и для женщин, и ничто не предназначено исключительно для тех и других; не то чтобы одни вещи не были более подходящими для одной, а другие - для другой природы, так что одни называются мужскими, а другие - женскими занятиями. Но что бы ни относилось к добродетели, эти вещи можно с полным правом утверждать, что они одинаково подходят для обеих натур, поскольку мы говорим, что добродетели не принадлежат больше одной, чем другой". Мусоний применяет свой принцип равенства к сексуальным отношениям и браку. Он считал, что то, что неправильно в женщине, так же неправильно и в мужчине, или, скорее, более позорно для мужчины, поскольку он утверждал, что является более сильным существом и, следовательно, более способен контролировать свои страсти. Поэтому он осуждал все незаконные связи как несправедливые и незаконные. Он также высказал мнение, которое впоследствии было принято христианскими писателями, что все поблажки плоти, не необходимые для продолжения рода, недостойны философа. Но он отличался от основной массы христианских писателей и считал брак самым счастливым состоянием жизни. Он описывает его как общность жизни и взаимную заботу друг о друге в здоровье и болезни, а также во всех случаях жизни, и называет брак, в котором нет общности чувств, хуже пустыни. Он утверждал, что человек, который не женится, должен уступать в опыте и пользе человеку, который женится, и что поэтому одинокая жизнь не выгодна даже философам. И он утверждает, что вся цивилизация держится на институте брака. "Ибо, - говорит он, - тот, кто отнимает брака у человеческого рода, отнимает у него хозяйство, отнимает у него государство, отнимает у него человеческий род".

Мнения Мусония и стоиков оказали большое влияние на последующее законодательство в отношении брака. Но это неясная и спорная тема, и здесь мы можем коснуться только начала законодательства о браке. Именно император Август впервые разработал законы, касающиеся этого вопроса. До его правления брак считался по сути частной сделкой, и в отношении него не принималось никаких законов, кроме тех, что касались распоряжения приданым. Семейные советы контролировали его, и, как и все другие частные действия, он подлежал суду цензоров, которые в этом вопросе следовали распространенному мнению. Преобладало мнение, что все римляне обязаны жениться. Цензоры задавали каждому

римлянину вопрос: "Под честное слово, есть ли у тебя жена?". Если ответ был отрицательным, цензор взвешивал все обстоятельства дела и, если считал, что человек пренебрег своим долгом, налагал на него штраф, называемый *ixorium*. С древнейших времен римлянин считал своим неперменным долгом жениться. Дионисий воплотил эту практику в утверждении, что "древний закон обязывал всех взрослых вступать в брак". Историки упоминают несколько случаев, когда наказание за пренебрежение этим обычаем назначалось цензорами[106].

Нам рассказывают[107], что цензоры Фурий Камилл и Постумий Альбин в 403 году до н. э. обязали всех, кто достиг преклонного возраста, не женившись, выплатить денежную сумму в общественную казну, а Валерий Максим, констатируя этот факт, вкладывает в их уста следующие слова: "Как природа налагает на человека необходимость родиться, так она налагает на него обязанность производить на свет детей, и твои родители связывают тебя обязанностью содержать своих внуков. Кроме того, судьба дала тебе долгий срок, чтобы ты выслушал ее призывы исполнить этот долг, а тем временем годы твои ушли, и ты остался без имени ни мужа, ни отца. Так идите же и заплатите узловой монетой, которая пригодится многочисленному потомству". Мы не должны безоговорочно верить в точные детали этого рассказа, и Плутарх, возможно, ближе к истине, когда рассказывает, что цензоры побуждали неженатых римлян своего времени жениться на женщинах, ставших вдовами в результате разрушительных войн Вейи, либо уговорами, либо наказаниями. Но какими бы ни были конкретные случаи, не приходится сомневаться, что настроения, вложенные Максимом в уста цензоров, были подлинными настроениями римского народа, и они оставались такими же до последних дней Республики. Нам рассказывают [108], что Квинт Метелл в своей цензуре, дата которой точно не известна, но это был либо 131 год до н.э., либо 101 год до н.э. - в зависимости от того, как мы принимаем утверждение Ливия, что это был Квинт Метелл Македонский, или утверждение Геллия, что это был Квинт Метелл Нумидикус, - призывал всех принуждать к браку *liberorum creandorum causa* и произнес речь о браке, которую Август[109] считал настолько убедительной, что прочел ее вслух в сенате и обратил на нее внимание народа своим эдиктом. А Цицерон в своем трактате "De Legibus"[110] вменяет в обязанность цензорам не допускать, чтобы люди были холостяками.

На женщин не возлагалась такая же обязанность выходить замуж, но, вероятно, каждая римская гражданка была замужем. Вероятно, число женщин было не столь велико, как число мужчин. Каждый отец имел право выставлять своих детей, и, хотя у него не было причин избавляться от детей мужского пола, необходимость обеспечивать приданое для женщин побуждала его серьезно подумать, прежде чем брать на воспитание рожденных им детей женского пола.

Так обстояли дела в лучшие времена Республики; но это положение изменили жестокие гражданские войны, предшествовавшие установлению Империи. Тогда великие семьи содружества были уничтожены, а семейные узы разрушены. Ощущение полной неопределенности жизни и безразличия к ее продолжению охватило все классы. Кроме того, стали распространены роскошные привычки. Раньше сыновья со своими женами жили в доме отца и составляли, как фактически, так и юридически, одну семью. Примеры такой совместной семейной жизни зафиксированы уже во втором веке до н. э. Но теперь расходы на воспитание семьи стали ощущаться многими как бремя, а семейные заботы рассматривались как посягательство на удовольствия жизни. Отсюда возникло нежелание жениться. Люди не видели ничего хорошего и не испытывали гордости от того, что у них есть семья. Их дети могли стать для них проклятием, или они могли подвергнуться жизни в

бедности, обвинениям, преследованиям и запретам - в общем, жизни, которая была страданием, а не благословением. Но Август считал, что распространенность таких настроений и практики губительна для благополучия государства, а особые обстоятельства того времени делали их особенно опасными для Рима. Ведь государство понесло огромные потери в результате гражданских войн. Аппиан[111] утверждает, что во время переписи населения при Юлии Цезаре было сказано, что население составляло лишь половину от того, что было до этих войн. Дио Кассий[112] описывает скудость населения как ужасную, а количество женщин уменьшилось. Фридлендер[113] оценивает свободное население Рима в 5 году до н. э., исключая сенаторов, рыцарей и солдат, как состоящее из 320 000 мужчин и 265 600 женщин.

Требовалось срочно найти средство для исправления такого положения дел, и Август считал, что это средство может быть найдено только в законодательстве. Соответственно, именно законодательство и стало тем средством, которое он принял. Сведения об этом законодательстве очень путаны. Упоминаются три законопроекта - один, *Julia de adulteriis coercendis*, второй, *Julia de maritandis ordinibus*, и третий, *Lex Papia Poppæa*. Он начал свою законодательную деятельность в самом начале своего правления, в 28 году до н. э.; но поскольку, приняв верховную власть, он отменил декреты триумvirата и заявил, что восстанавливает Республику, его законопроекты должны были пройти через обычные процедуры обсуждения в сенате и предложения собранию. Это давало возможность для любых препятствий, и, помимо трудностей с принятием законопроектов, законы встречали ожесточенное сопротивление со стороны частных лиц. *Lex Papia Poppæa*, вероятно, воплотил в себе все постановления, которые Август сделал в отношении брака, с теми дополнениями и изменениями, которые, как показал опыт, были необходимы. Его главной целью было поощрение и вознаграждение брака, а также наказание и предотвращение безбрачия. Перед принятием последнего закона, *Lex Papia Poppæa*, в 9 г. н. э. Дио Кассий[114] рассказывает, что Август, зная, что эквиты жаждут отмены его предыдущих законов, созвал их всех на собрание. Он разделил их на два класса - тех, кто женился, и тех, кто не женился. Он выразил сожаление по поводу того, что последний класс был более многочисленным, и обратился к ним с резкими словами упрека, одновременно излагая причины, по которым брак следует поощрять и награждать, а холостяков порицать и штрафовать. Основные положения этой речи содержатся в первых двух главах Dio Cassius, 56. "Тот первый и величайший бог, - говорит он, - который создал нас, разделил смертный род на два, мужской и женский, чтобы, благодаря инстинктивной любви одного к другому, сделать смертное вечным по образцу постоянных новых рождений. И тот, кто рождается от отца, обязан стать отцом, если хочет продолжить род. Любое чувство патриотизма делает это священным долгом. И что может быть лучше, чем целомудренная жена, хранительница и управляющая домом, воспитательница детей, для того чтобы подбадривать мужчину, когда он в добром здравии, и заботиться о нем, когда он болен, разделять с ним удачу и утешать его в несчастье, сдерживать безумные порывы молодых и усмирять несвоевременную строгость стариков? Что может быть восхитительнее, чем взять на воспитание ребенка, отпрыска обоих, вырастить и воспитать его, образ тела и образ души, чтобы сам мужчина вновь появился в этом ребенке, когда тот достигнет зрелости".

Юлий Цезарь, болезненно воспринимавший влияние гражданских войн на судьбу империи, уже предлагал вознаграждение за многочисленное потомство, и мы находим, что в своем аграрном законе о распределении земель в Кампании он предоставил жребий отцам трех и более детей, которых в то время насчитывалось двадцать тысяч. Август решил проводить эту

идею в жизнь систематически. Любая замужняя женщина, имевшая троих детей, получала особые привилегии, а *jus trium liberorum* стало почетным званием, которое также присваивалось сначала сенатом, а затем императорами знатым женщинам, которых природа не одарила необходимым количеством детей. Четверо детей освобождали вольноотпущенницу от опеки покровителя, а трое детей ставили свободную патронессу в равное положение с покровителем[115].

Аналогичные привилегии предоставлялись и мужчинам. Консул, имевший большее число детей, имел преимущество перед тем, у кого их было меньше, а женатый консул имел преимущество перед неженатым. Кандидатам на должность, имевшим детей, разрешалось занимать некоторые государственные посты в более раннем возрасте, чем неженатым, а женатым даровались другие привилегии. На холостяков налагались штрафы и лишения. Возраст для мужчин был установлен в двадцать и шестьдесят лет, а для женщин - в двадцать и пятьдесят, и тот, кто не состоял в браке в течение этих лет, облагался налогом, не мог стать наследником, кроме ближайших родственников, и не мог получать наследства.

Таковы были некоторые положения этого *Lex Papia Poppæa*, направленные на поощрение брака. Наши сведения о нем во многих отношениях неполны и неудовлетворительны. Закон много обсуждался последующими юристами, и вполне вероятно, что некоторые из пунктов, которые представляются как работа Августа, были вставлены более поздними законодателями.

Август сделал в отношении прелюбодеяния то же, что и в отношении брака. Он перевел обычную частную практику в публичный закон и в целом сделал поведение римлян более мягким, чем оно было раньше, хотя разнузданность его дочери сильно искушала его предписать суровое наказание за преступление. Его закон требовал, чтобы развод происходил в обычной форме. Вольноотпущенник того, кто желал развестись, должен был вручить *heredium*, то есть заявление о разводе, в присутствии семи совершеннолетних римлян, и то же самое должна была сделать жена, пожелавшая развода. Закон предписывал, что женщина, уличенная в прелюбодеянии, должна быть изгнана на остров, потерять половину приданого и треть имущества; аналогичное наказание полагалось и неверному мужу. В случае с женой наказание по-прежнему возлагалось на мужа, и он сам подлежал наказанию, если не приводил приговор в исполнение. Муж по-прежнему мог убить жену, если заставлял ее за этим занятием; но исполнить месть он мог только в том случае, если предавал смерти обоих виновных.

Lex de maritandis ordinibus, который, несомненно, был воплощен в *Lex Papia Poppæa*, открывает новую фазу римской жизни. Среди римских граждан возникли различия, и большее беспокойство вызывало сохранение чести и чистоты высших сословий, чем ограждение рядового римского гражданина от внешнего мира. Сенаторам запрещалось жениться на вольноотпущенницах, но всем остальным гражданам, ввиду нехватки свободных женщин, разрешалось на них жениться, но запрещалось жениться на проститутках, проститутках, осужденных преступниках и актрисах.

Законодательство Августа в отношении брака обычно считается неудачным. Гораций отмечал успех *Lex Julia de adulterio cohibendo* в оде iv. 5:-

"Nullis polluitur casta domus stupris,

Mos et lex maculosum edomuit nefas" -

слова, которые, как мне кажется, доказывают, что рассказы о вырождении женщин были сильно преувеличены, ибо никакое законодательство не могло произвести эффекта, хоть сколько-нибудь приближающегося к описанному Горацием, если зло было глубоко укоренившимся. Из слов Горация можно сделать вывод, что закон имел определенный положительный эффект; а то, что Lex Papia Poppæa занимал видное место в дискуссиях юристов, делает вероятным, что он продолжал действовать в течение некоторого времени со значительной силой. Общий эффект законодательства, основанного на нем, и ход событий привели к изменению основы римского государства и превращению индивида, а не семьи, в единое целое. Муж и жена стали более тесно связаны друг с другом, жена стала в какой-то степени наследницей мужа, а ее дети получили право наследовать ее имущество. Но в сочетании с неприятием брака действовали причины, которые сделали Lex Papia Poppæa недействительным. В христианской церкви возникла неумеренная оценка добродетели безбрачия. Большая семья стала рассматриваться почти как позор, как доказательство распутства. Поэтому, когда на престол взошел Константин, христианский император, он отменил большинство наказаний за безбрачие и бездетность, а Юстиниан упразднил все пункты, касающиеся наследования.

КНИГА III. ПОЛОЖЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ.

ГЛАВА I.

ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН И ИХ ПОСЛЕДУЮЩАЯ ДЕГРАДАЦИЯ.

Постоянно высказывается мнение, что своим нынешним высоким положением женщина обязана христианству и влиянию тевтонского разума. Но изучение фактов, как мне кажется, показывает, что в первые три века христианской эры не было никаких признаков этой революции, и что положение женщин среди христиан было ниже, а представления о них - более деградирующими, чем в первые. Несомненно, в Евангелиях женщины занимают видное место. Многие из них следовали за Христом и служили Ему. С женщиной, у которой было пять мужей и которая жила с мужчиной, не являющимся ее мужем, Он ведет самую глубокую беседу, и ей Он провозглашает величайшие истины Своего откровения. А женщины Его времени и страны, похоже, обладали большой свободой передвижения и действий. Одна из них, описанная святым Лукой как "городская грешница", проникает в дом фарисея, с которым Он обедал, выливает на Его ноги коробку с миром, омывает Его ноги слезами и отирает их волосами своей головы. Христос свободно участвует в брачных торжествах, на которых присутствовали Его Мать и, несомненно, другие женщины. Его общение с семьей из Вифании носит самый необузданный характер, и Он беседует с обеими сестрами на самые высокие темы. И, согласно святому Иоанну, Его первое явление после воскресения происходит женщине, Марии из Магдалы, из которой Он изгнал семь бесов. Но в Евангелиях нет никакой особой доктрины в отношении женщин, а если и есть какое-то

приближение к ней, то оно проявляет большую мягкость, если мы принимаем историю о женщине, пойманной в прелюбодеянии, за подлинную. Только когда мы переходим к трудам святого Павла, высказываются мнения о браке и поведении женщин, и нет сомнений, что эти мнения носят суровый и ограничительный характер. Эбиониты[116] объясняли обращение апостола тем, что он, по его собственному признанию, был родом из Тарса, что он был не иудеем, а греком с греческим отцом и греческой матерью; что он отправился в Иерусалим и пробыл там некоторое время; что он влюбился в дочь первосвященника, стал в результате этого прозелитом и предложил ей жениться, но, получив отказ, разгневался и написал против обрезания, субботы и закона. Некоторые считают, что в писаниях святого Павла есть ожесточение против женщин, которое можно объяснить только каким-то отвержением, подобным тому, о котором рассказывают эбиониты. Возможно, на него также повлиял характер женщин Тарса, его родного города. В ранние годы они были особенно чопорны и скромны. Они имели привычку закрывать все тело одеждой, чтобы никто не видел ни части их лица, ни остального тела, а сами они не могли видеть ничего, кроме дороги, по которой шли. Эта привычка сохранялась до времен Дио Хризостома,[117] который рассказывает об этом факте. Но он рассматривает эту привычку как остаток целомудрия, которого больше не существовало. Нечистота врывалась в женщин не только через уши, но и через глаза, и большинство из них стали совершенно развратными и развращенными. "Они ходят, - говорит он, - с закрытыми лицами, но с душой непокрытой, и притом открытой". Слова святого Павла оказали большое влияние на формирование мнения о женщинах в древней Церкви. Они соответствовали веяниям времени и стали основой и опорой для обесценивания брака, которое стало преобладать в третьем и четвертом веках нашей эры.

Христианство также вскоре принесло с собой новое состояние чувств в отношении вопросов, связанных с сексом. Поступки, которые раньше были безразличны, теперь стали морально неправильными, и христианские писатели подробно разбирают моменты, которые раньше не обсуждались. Христианские писатели особенно откровенны в своем отношении к этим вопросам. Их представление о приличиях сильно отличается от современного, и вследствие этого современному писателю невозможно дать полное изложение их идей и рассуждений.

Есть две христианские книги, относящиеся к началу третьего века, а другая - к началу четвертого, в которых много говорится об обязанностях и положении женщин. Первая - это "Пæдагог", или Наставление, Климента Александрийского. В этой работе александрийский отец наставляет христиан во всех делах обычной жизни. Он показывает, как христианин должен вести себя во время трапезы, какую пищу и напитки ему следует принимать, как долго спать, какую одежду носить, как вести себя в церкви и тому подобные вопросы. Теперь, когда речь идет об обязанностях женщин, он отказывается использовать какие-либо эвфемизмы. Лопата для него должна быть лопатой, иначе это ложь. Бог создал мужчину и женщину, каждую их часть, и "никто, - говорит он, - не должен стыдиться называть то, что Бог не постеснялся создать", а идти на поводу у кустика - значит проявлять неуважение к Нему. Кроме того, он считал очень важным, чтобы каждая деталь христианской жизни была направлена в соответствии с указаниями Божественного Разума, и поэтому он счел бы неисполнением долга, если бы не обсудил все, что касается функций женщин. Но современная эпоха предпочитает эвфемизм и утаивание, и поэтому, когда нам пришлось переводить труд Климента на английский язык, в Антиникийской библиотеке нашли фрагменты, настолько противоречащие современным представлениям о приличиях, что мы сочли за лучшее представить их в латинском, а не в английском варианте. Та же особенность характерна и для другого произведения, о котором я упоминал, - "Пир десяти дев" Мефодия. В этой книге десять девственниц восхваляют девственность; при этом девственницы

демонстрируют удивительно близкое знакомство с физиологией и отклонениями женщин. В случае с Климентом никто не может сомневаться в чистоте и простоте его ума, а его изложения, хотя они и осуждаются некоторыми богами, абсолютно лишены всякого благочестия. Возможно, в стиле "Банкета" есть немного меркантильности, поскольку писатель несколько неудачно подражает "Банкету" Платона; но язык полностью соответствует совершенной чистоте, и отличие от наших дней следует отнести на счет настроений эпохи, а не на счет деградации характера.

Есть еще одно замечание, которое необходимо сделать, прежде чем мы продолжим нашу тему. Возможно, нам придется часто использовать термин "христианство", но будет большой ошибкой, если предположить, что этот термин всегда имеет одно и то же значение.

Существует христианство Христа, христианство первого века, христианство Гильдебранда, Лютера и Кальвина. Христианство отличается тем, как оно проявляется в разные эпохи и у разных людей. В первые века христианство Рима отличалось от христианства Греции и Африки, и не следует полагать, что если один христианский писатель упоминает о какой-то практике, то эта практика была универсальной в Церкви. Поэтому, когда мы цитируем какого-либо писателя, этот писатель имеет хороший авторитет для своего собственного мнения или практики, довольно хороший авторитет для доктрины и практики христианства своей страны и эпохи, но более слабый для христианства других стран и эпох.

К тому времени, когда христианство осенило мир, женщины, как мы видели в наших главах о римских женщинах, достигли большой свободы, власти и влияния в Римской империи.

Традиция была в пользу ограничений, но в силу стечения обстоятельств женщины были освобождены от порабащающих оков старых правовых форм и пользовались свободой общения в обществе; они ходили и ездили по общественным улицам с вуалью, не скрывавшей их лица, обедали в обществе мужчин, изучали литературу и философию, участвовали в политических движениях, им разрешалось защищать свои собственные судебные дела, если они хотели, и они помогали своим мужьям в управлении провинциями и написании книг. Можно было бы предположить, что христианство выступало за расширение свободы женщины. Ведь само христианство было одной из самых смелых революций, которые когда-либо видел мир. Оно бросало вызов всем прошлым обычаям, стремилось к ниспровержению мировых религий, преодолевало барьеры национальности и желало объединить все человечество в одну семью и одну веру. Такое движение неизбежно сопровождалось большим волнением и возбуждением; но когда энтузиазм овладевает любой ассоциацией людей, и они живут в состоянии брожения, они разрывают на части узы обычаев - те самые узы, которые наиболее прочно приковывают женщин к рабскому положению рутины. Поэтому на самом первом этапе женщины принимают самое активное участие в распространении христианства и во всех видах деятельности христиан.^[118] Но через некоторое время такое положение вещей в Церкви прекращается, и женщин можно увидеть только в двух качествах - мучениц и диаконисс.

Как мученицы они являли собой великолепное зрелище того, на что может отважиться и что может сделать бедная слабая женщина под импульсом вдохновляющей веры. Есть два подлинных антиникейских сочинения, в которых рассказывается о мужестве женщин в муках испытаний. Первое - это письмо Лионской и Вьеннской церквей, написанное в царствование Марка Аврелия, а второе повествует о мученической смерти Перпетуи и Фелицита в начале третьего века. В письме Лионской церкви наиболее заметной женщиной является нежная молодая рабыня по имени Бландина, к которой применялись все возможные пытки, пока ее тело не превратилось в массу уродств, но из нее не удалось вырвать ни слова в отречении от своего Господа. "Я христианка, - сказала она, - и среди нас нет зла". Мучители, видя

непоколебимость ее решения, дали ей небольшую передышку. После перерыва в день или два ее отвели в амфитеатр, где она предстала перед дикими зверями. Ее подвесили, привязав к колу, среди этих зверей, но они не тронули ее, и она была возвращена в шумные и темные подземелья своей тюрьмы. Ни дикие звери, ни тюрьма не изменили ее решимости. Судьи очень хотели, чтобы она отреклась, и день за днем водили ее по местам пыток, надеясь, что она испугается ужасных страданий, которым подвергались ее товарищи, и каждый раз убеждали ее поклясться богами. Бландина осталась непоколебима, и в последний день гладиаторских представлений ее отвели в амфитеатр. Там ее бичевали и поджаривали на раскаленном железном стуле, затем заключили в сеть и бросили быку, и наконец закололи, торжествуя в вере в славное воскресение и блаженное единение с Господом.

Мученичество Перпетуи и Фелицитаса произошло при схожих обстоятельствах. Фелицита была рабыней. Вивия Перпетуя принадлежала к высшему сословию. Она получила хорошее образование, на момент задержания была замужем и имела грудного ребенка. Ей было всего двадцать два года. Ее отец все еще оставался язычником и всеми возможными способами убеждал ее отказаться от веры, но она была непоколебима. Тогда ее бросили в темницу, и она мучительно страдала от темноты и разлуки с ребенком. Но ее друзья оказались достаточно влиятельными, чтобы добиться облегчения ее страданий, и ей было разрешено иметь своего младенца и получать визиты от своих христианских братьев. Через несколько дней заключенных отвели в ратушу и судили. Отец Перпетуи снова стал умолять ее поклясться богами, то же самое сделал и римский прокуратор. "Пощади седину отца, пощади младенчество мальчика, принеси жертву ради благополучия императоров", - говорил тот. Но Перпетуя была непоколебима, и на роковой вопрос "Христианка ли ты?" ответила: "Я христианка", и была осуждена на растерзание диким зверям. Она вернулась в свою темницу, чтобы там дожидаться дня игр. В этот день различных узников повели в амфитеатр, и когда подошла очередь молодых женщин, Фелицита и Перпетуя были помещены в сети и подвергнуты нападению бешеной коровы. Перпетуя сначала была подброшена в воздух и упала на поясницу, но не пострадала настолько, чтобы не помочь Фелицитате, когда та рухнула на землю: она протянула руку своей спутнице и подняла ее. Дикая ярость жителей была на время успокоена, и потребовались другие бойцы. Ближе к вечеру все оставшиеся в живых христиане были созваны для последнего удара мечом; они поцеловали друг друга, а затем покорились своей участи. Тогда автор повествования восклицает: "О храбрейшие и блаженнейшие мученики, о истинно призванные и избранные во славу Господа нашего Иисуса Христа!" После смерти женщинам, пострадавшим за Христа, воздавались всевозможные почести, а их прах и другие мощи должны были оказывать освящающее и чудодейственное влияние; но при жизни они должны были оставаться дома, вести домашние дела и не вмешиваться в обучение или какую-либо духовную функцию.

Теперь давайте посмотрим на организацию церкви. По этому поводу существуют различные мнения. Я придерживаюсь той точки зрения, что организация была результатом необходимости, обусловленной институтами эпохи и места. Идея, которая регулировала формы организации, заключалась в том, что каждый член Церкви должен вносить в нее, упорядоченным образом, любой дар, которым наделил его Бог. И в первом энтузиазме христианского движения женщинам было позволено делать все, к чему они были способны. Так, в ранней Церкви мы встречаем пророчиц. Особо упоминаются четыре дочери Филиппа.^[119] Женщины вместе с мужчинами распространяют Евангелие. Святой Павел называет нескольких из них своими соработницами, а одну - служительницей или диакониссой (как переводят некоторые) церкви в Кенхре. Но прошло не так много

поколений, когда все это закончилось, и мы слышим только о двух классах женщин, связанных с управлением церковными делами. Первый - это вдовы. Церковь сама содержала своих бедных, а содержание вдов и сирот брала на себя. Для вдов была найдена работа. Требовались люди для посещения больных женщин, оказания помощи бедным женщинам и воспитания детей-сирот. Для этого служения отбирались вдовы, но не все. Определенная квалификация считалась необходимой. Вдова должна быть не моложе шестидесяти лет; она должна принять решение больше не выходить замуж; у нее должен быть опыт ухода за детьми, чтобы давать подходящие советы матерям в их бедах и трудностях. И, конечно же, должна обладать хорошим характером, отличаться трезвостью, благоразумием и благочестием. Со временем вдовы перестают занимать видное место, и, в конце концов, институт исчезает из поля зрения. Возникло новое сословие. Этот новый класс получил название диаконисс. Некоторые считают, что диакониссы существовали в апостольские времена, а другие предполагают, что эта должность была раннего происхождения, но существовала только в особых местностях.

Мне кажется, что отрывки, на которых основываются эти мнения, не подтверждают наличие фиксированной и определенной должности, а лишь случайные и спорадические служения. По всей вероятности, именно к середине третьего века новый порядок стал общим для всех Церквей Востока, поскольку тогда обстоятельства сложились так, что требовали его существования. Прежде всего, на духовном рынке упало вдовство и поднялось девство. Вдове не пристало выходить замуж, но этот акт подразумевал определенную слабость, и она тем самым приобретала пятно, которое делало ее менее пригодной для служения Церкви. Поэтому даже во времена Тертуллиана^[120] девственниц избирали для исполнения обязанностей и называли вдовами. "Мне достоверно известно, - говорит он, - что в одном месте девственница, не достигшая двадцатилетнего возраста, была поставлена в орден вдов". Сам он самым решительным образом возражает против этого нововведения и говорит об этой девственнице как о чудовище - девственнице-вдове, непригодной для этой работы, поскольку она не имела опыта супружеской жизни и воспитания детей. Но уважение к девственности в то время росло, и другие обстоятельства в совокупности вызвали новый порядок. До конца второго века не существовало общественных зданий для христианского богослужения. Христиане собирались в частных домах, и жильцы этих домов делали все необходимое для проведения собраний. Но когда стали строиться церкви, за ними должны были присматривать должностные лица, и эта обязанность была возложена на диаконов. В развитие аскетических идей женщины сидели или стояли отдельно от мужчин и входили через отдельную дверь. А у этой двери стояла диаконисса, которая направляла молящихся к своим местам и следила за тем, чтобы все вели себя тихо и благоговейно. Это была великая работа женщин в Церкви, и в конце концов она стала почти единственной их работой. Но они также должны были помогать дьяконам в любом служении, которое считалось более подходящим для женщин. Так, при крещении женщины погружались в воду, но было неприлично, чтобы все приготовления к обряду совершали мужчины, и одевание и раздевание было поручено диакониссе. В этом же обряде дьякон помазывал елеем только лоб христианки; затем дьяконица помазывала все ее тело. Диаконисса также брала на себя ту работу, которую выполняли вдовы, разнося послания и удовлетворяя временные нужды бедных женщин. "Ты должен посылать женщину диакониссой, по причине воображения дурного", - таково предписание, данное в Апостольских конституциях^[121].

У вдов не было никакой духовной функции. Они не должны были учить. Насколько ревностно Церковь относилась к этому вопросу, видно из данных им наставлений: "Пусть вдова, - говорится в Конституциях, - не думает ни о чем, кроме молитвы за дающих и за всю Церковь, и когда ее кто-либо спрашивает о чем-либо, пусть не отвечает легко, за исключением

вопросов о вере и праведности и надежде на Бога. А на остальные догматы пусть не отвечает необдуманно, чтобы не сказать чего-нибудь неученого и не сделать слово хульным". А о занятиях вдовы сказано так: "Она должна сидеть дома, петь, молиться, читать, бодрствовать и поститься, непрестанно беседовать с Богом в песнях и гимнах". Если же она захочет пойти к кому-либо, чтобы есть или пить с ним, или получить что-либо от кого-либо, она должна сначала спросить согласия дьякона, и если она поступит без предварительного совета с ним, то будет наказана постом или отлучением за свою опрометчивость"[122].

Диакониссам также запрещалось учить. Они превосходили вдов свободой передвижения, которой обладали, и вдовам предписывалось быть им послушными; но у них не было духовной функции, и хотя нет сомнений, что они были рукоположены для служения, как и вдовы, они не имели священного характера и не могли исполнять священнические обязанности. Приведем один пример из Тертуллиана. Обсуждая вопрос о крещении, он говорит, что епископ имеет право совершать его в первую очередь, затем пресвитеры и диаконы, а потом, если никого из них нет под рукой, может совершать крещение мирянин, но женщина - никогда. Тертуллиан апеллирует к апостолу Павлу. "Ибо как правдоподобно выглядит, что тот, кто не позволил женщине даже *учиться* с чрезмерной смелостью, должен дать женщине власть учить и крестить. "Пусть они молчат, - говорит он, - и дома советуются со своими мужьями"[123].

На Западе, вероятно, Церковь никогда не возлагала на женщин никаких церковных функций, поскольку они считались во всех отношениях ниже мужчин, и для мужчины считалось бесчестным получать от женщины какие-либо наставления, указания или церковное благословение. Однако не исключено, что даже в некоторых ортодоксальных церквях Востока, возможно, в отдаленных регионах, женщинам поручалась обязанность преподавания. В "Testamentum of our Lord", недавно опубликованном Рахмани и переведенном на английский язык каноником Маклином, "вдовам, занимавшим первые места", предписывалось наставлять женщин, быть диакониссами и осуществлять общее руководство поведением всех женщин в Церкви.[124] Похоже, что они также были включены в состав духовенства. Но эту честь, оказываемую женщинам, некоторые ученые считают свидетельством ереси. Епископ Вордсворт[125] считает это доказательством полумонтанизма. Нет уверенности в том, что Завет когда-либо использовался какой-либо частью Церкви, называемой ортодоксальной, или что он представляет реальные институты, хотя более вероятно, что он представляет церковный порядок какого-то небольшого подразделения, считавшего себя одним из ортодоксов.

Полное исключение женщин из всех священных функций составляет разительный контраст с языческой и еретической практикой. Этот контраст был очевиден для умов первых христиан. "Но если, - говорится в "Конституциях"[126], - мы не позволили им [женщинам] учить, то как кто-либо позволит им, вопреки природе, исполнять обязанности священника? Ибо это одна из невежественных практик атеизма греков (язычников) - назначать жриц женским божествам". Жрицы занимали высокое и почетное положение среди греков. В ранние времена аргивяне отсчитывали события своей истории от жриц Геры и воздвигали им статуи. Такие же почести оказывались жрицам Геры в других дорийских государствах, а также Афине Полиас, Деметре, Коре и многим другим божествам. Эти жрицы принимали участие в праздновании праздников, и к ним относились со всем почтением.[127] В Риме жена понтифика Максима играла ведущую роль в поклонении Бона Деа и в религиозных обрядах, которые особенно касались женщин. Самый почетный жрец, прикрепленный к определенному богу в Риме, Фламен Диалис, должен был быть женат и должен был сложить свои полномочия, когда его жена умирала, поскольку его жена также была жрицей, а его

семья была посвящена служению богу. А весталки пользовались всеми возможными знаками уважения, которые только можно было им оказать, и самой большой свободой. Высшие чиновники уступали им дорогу, когда они проходили по улицам, они пировали с Коллегией понтификов, смотрели на игры в компании императрицы, а в их честь воздвигались статуи. Такое же уважение оказывают женщинам многие еретики-христиане. Почти у каждого основателя секты есть женщина, которая помогает ему. У Симона Мага есть своя Элен, у Монтана - Максимилла, у Апеллеса - Филумена, и так же в случае с другими сектами. Одна секта^[128], принадлежавшая к монтанистам, заслуживает особого внимания за ту энергию, с которой она поддерживала притязания женщин. Она носила различные имена, например Квинтилиани, Пепузиани, Присцилиани и Хлебосолы, потому что они праздновали свои мистерии с хлебом и сыром. Они воздавали особую благодарность Еве за то, что она первой съела с древа познания. Они прославляли сестру Моисея и четырех дочерей Филиппа, потому что те утверждали право женщин на пророчество, то есть на публичное произнесение Божьей вести. Часто в их церкви семь дев, одетых в белое и несущих факелы, вставали и обращались к народу, и говорили так красноречиво, что слезы покаяния текли по щекам собравшихся. В этой секте женщины занимали места епископов, пресвитеров и диаконов наравне с мужчинами,^[129] и они апеллировали к святому Павлу, ибо он говорит: "Во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского". Именно против этой секты Тертуллиан или тот, кто носит его имя, обрушивает свои громовые раскаты. "Сами женщины, - говорит он, - этих еретиков, как они распутны! Ведь они дерзают учить, спорить, совершать обряды экзорцизма, проводить исцеления, может быть, даже крестить".

Описывая другую секту, Епифаний приводит причины, по которым женщины не должны иметь священнических функций. Это была секта Коллиридианов. Епифаний^[130] утверждает, что есть и такие, кто делает Деву Богом. "Ибо рассказывают, - говорит он, - что некоторые женщины в Аравии [ἐκείσῃ, неразборчиво]^[131], из частей Фракии ввели этот новый догмат, чтобы приносить в жертву пирог (κολλυρίδα) во имя Приснодевы, и собираются вместе и пытаются - выходя за все границы - увековечить незаконное и богохульное деяние во имя Пресвятой Девы, и во имя Ее совершать жертвоприношения через женщин, что является действием совершенно нечестивым и незаконным, чуждым проповеди Святого Духа; Так что все это - энергия дьявола и учение нечистого духа." Затем он упоминает^[132], что в некоторых местах поклонялись дочери Иефти и дочери фараона, а также Термутис, дочери Аменофа, фараона, потому что она воспитала Моисея. В "Нагг. 79, с. i., он говорит, что те, кто превозносит Марию над человечеством, - не кто иные, как женщины: "Ибо род женщин склонен к скольжению, непостоянен и низок в своих помыслах". Эта мысль исходит от дьявола, как раньше дьявол внушал ее Квинтилле, Максимилле и Присцилле. И далее: "Ибо некоторые женщины, украшая курум или сиденье с четырьмя углами и покрывая его тканью в особые дни года, в некоторые дни кладут хлеб и предлагают его во имя Марии; и все они принимают хлеб, как мы уже частично объяснили в письме, которое мы написали Аравии". Затем он опровергает ересь, главным пунктом нападок является то, что еретики сделали женщин жрицами. Ни одна женщина ни в какие времена не была жрицей для Бога: Ева сама не была; ни в Ветхом Завете, ни в Новом. Ни одна женщина никогда не становилась епископом или пресвитером, а диаконисса - это не священник, а служительница Церкви, назначенная для особых целей. Христос не сделал ни одну из служивших Ему женщин священницами - ни Саломею, ни даже Свою мать, ни Марфу, ни Марию и т. д.

Таково было положение, которое женщина занимала в Церкви на протяжении первых трех веков христианства. Высшим постом, на который она поднималась, было быть привратницей и посыльной, и даже эти функции были отняты у нее в Средние века. Была ли на то причина?

Возможно, мы можем найти разгадку этого феномена в представлениях, которые сложились у Отцов Церкви о природе женщины.

Одна из любопытных особенностей раннего христианства заключается в том, что оно не обсуждало некоторые из тех социальных проблем, которые, естественно, должны были возникнуть. Так, не было высказано возражений против рабства, хотя терапевты уже осуждали его как незаконное и бесчеловечное. Христианство провозглашало Евангелие любви, которое не имело границ, кроме человеческой расы. И оно применяло это Евангелие ко всем классам. Христианский раб, таким образом, становился братом всех членов общины, получал от всех доброту и пользовался равными правами и привилегиями. Но христианство также предписывало ему подчиняться воле своего владельца, убеждая, что человек обязан довольствоваться тем положением, в котором он находится, терпеливо сносить все невзгоды этой жизни в надежде на славное будущее. Брачные законы и обычаи, распространенные во всем римском мире в первые века христианства, должны были создать трудности, но об этих трудностях ничего не говорится. Так, христианская женщина-рабыня была собственностью своего хозяина, ее дети были для него источником прибыли, и он полностью контролировал этот вопрос, как и разведение скота. Однако мы не слышим ни о каком обсуждении этого положения, ни о какой попытке спасти рабыню от обращения, которому она должна была подвергаться. Опять же, римский закон признавал браки только между гражданином и гражданкой; но очень многие ранние христиане не имели прав гражданства до начала третьего века, и если они вступали в брачные союзы, их дети считались незаконнорожденными по гражданскому закону. Вероятно, Церковь бросила вызов гражданскому законодательству. Христиане не должны были вступать в правовые отношения друг с другом, и Церковь установила собственные законы и юрисдикцию. В случае с браком это было особенно необходимо, так как брак верующего с неверующим причинял первому большие неудобства в исполнении его веры и, более того, создавал сильное искушение к отступничеству. Поэтому такие браки с самого начала были запрещены под страхом изгнания. Вероятно, поэтому любой христианский мужчина и женщина считались законными супругами, несмотря на гражданский закон, если они получили согласие епископа; а тайные связи, то есть связи, не исповеданные в присутствии Церкви, считались сродни пороку.

Вопросы, занимавшие христианский ум, касались скорее нравственного характера брака. Эти вопросы были подняты прежде всего еретическими сектами, которые применяли философию к догматам и практике Церкви. И одним из самых интересных фактов ранней христианской истории является то, что Церковь, борясь с этими сектами, преуспела в их победе, но всегда уносила значительную часть их еретических мнений для своего постоянного использования. Секты можно разделить на два класса. Одни[133] утверждали, что брак не нужен, что им предоставлена полная свобода потакания страстям и что, действительно, путь к совершенству лежит через практическое знакомство со всеми формами действия, возможными для человека. Другие[134] утверждали, что брак безнравственен, что плоть порочна, что те, кто сеет плоть, должны пожинать плоть, и что в Царстве Божьем на земле, как и на небе, не будет ни брака, ни супружеских отношений. Трудно доверять всему, что говорится об этих еретических сектах, ведь наши сведения получены только от ортодоксов, а в том, что касается брака, ортодоксы неизменно обвиняют гетеродоксов в разнузданности. Но не было такого класса людей, которые должны были бы быть более осторожными в своих утверждениях, чем ортодоксы, поскольку их самих обвиняли в самых мерзких преступлениях.

Одним из самых поразительных фактов во всей истории является то, что во втором веке язычники повсеместно считали христиан тайными заговорщиками, объединившимися для безнравственных целей, и на их судах достаточно было признаться в том, что он христианин, чтобы быть осужденным как развратный злодей. Они утверждали, что встречались тайно, что, зарезав младенца, наливали его кровь в чашу и, передавая чашу по кругу, пили из нее; затем гасили свет, и мужчины и женщины предавались разврату без разбора. Как могли возникнуть такие идеи? Объяснение этого открывает нам характерные особенности ранней Церкви в обращении с женщинами и, возможно, поможет понять, как возникли более поздние мнения. Сначала христианство пришло в пылу всепоглощающей любви - любви к Богу и любви к человеку, независимо от его расы, положения или убеждений. Но этот пыл любви с особой силой был направлен на тех, кто принимал одну и ту же веру. Они называли друг друга отцами и сыновьями, матерями и дочерьми, братьями и сестрами. Они имели привычку собираться перед рассветом или ночью, мужчины и женщины вместе, в частных домах, чтобы проводить свои богослужения. Собрание состояло из странного набора характеров и сословий. Апостол Павел, [135] обращаясь к коринфской церкви, говорит им: "Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни женоподобные, ни содомляне, ни воры, ни обманщики, ни пьяницы, ни губители, ни расхитители не наследуют Царствия Божия; а таковы были некоторые из вас". В собрании были рабы и свободные, богатые и бедные, высокие и низкие, но с большим перевесом низких. Для язычника было естественно предположить, что собрание, состоящее, по его мнению, из отбросов общества и собирающееся в темное время суток, не преследует никаких благих целей. И рассказ о своем поклонении, который они сами давали, звучал для язычника не менее презрительно. Христиане утверждали, что поклоняются бедному плотнику, сыну презренной Галилеи, ребенку безмужней матери. Затем они говорили о том, что едят тело и пьют кровь. Но, пожалуй, больше всего красок обвинениям придали два института, которые сегодня канули в Лету, за исключением одной или двух небольших сект.

Во времена первого пыла христианские братья разработали план добровольного социализма, желая иметь все общее; но план не сработал, и они прибегли к систематической помощи бедным. Одной из особенностей этой помощи было то, что на сайте называлось Праздниками любви. В древние времена не было ничего необычного в том, что большие компании мужчин обедали вместе, и часто устраивались большие званые обеды, на которых каждый человек приносил свой вклад в пир. С подобной идеей христиане собирались вместе, мужчины и женщины, богатые приносили продукты, и все вместе обедали. Вероятно, с самого раннего периода они делали это каждый день, и некоторые считают, что эти трапезы представляли собой празднование того, что называется Вечерей Господней. Пирь любви, несомненно, были связаны с этим учреждением; но со временем они стали менее частыми и обычно проходили после совершения Евхаристии. Они продолжались, по крайней мере, до пятого века, и часто проводились в церквях после возведения храмов. Как видно из Первого послания святого Павла к Коринфянам, эти обеды не всегда были сценами идеального приличия, и в некоторых случаях на них царили опьянение и разгул. Эти пиры назывались "любовными", или "праздниками любви", как мы сейчас переводим это слово. Мы не должны удивляться, что язычники подозревали, что эти праздники любви были не самыми чистыми.

Была и другая практика, еще более чуждая нашим христианским представлениям. В Новом Завете нет повеления соблюдать воскресенье, стоять или сидеть во время пения, повторять Символ веры, соблюдать Страстную пятницу или Рождество, или делать сотню других вещей, о которых христиане спорят со всей серьезностью; но есть заповедь, пять раз повторяемая в апостольских посланиях и свидетельствующая о крепких узах братства, связывающих

христианских братьев и сестер друг с другом, которая гласит следующее: "Приветствуйте братьев святым целованием", или, в другой форме, "Приветствуйте братьев целованием любви". Вероятно, сначала этот поцелуй передавался при каждой встрече, но постепенно он стал ограничиваться великими таинствами, такими как крещение и Евхаристия. Поначалу и в течение значительного времени братья и сестры-христиане целовали друг друга. Легко понять, что такая практика могла бы вызвать скандальные сообщения, и у церковных писателей есть свидетельства того, что первые христиане не всегда делали поцелуй священным, как это должно было быть. Афинагор[136] приводит высказывание, которое он приписывает нашему Господу и которое, очевидно, относится к злоупотреблению этой практикой. Оно гласит: "Кто целует во второй раз, потому что нашел в этом удовольствие, совершает грех". А Климент[137] Александрийский так говорит об этом: "Любовь проверяется не поцелуем, а добрым чувством. Но есть и такие, которые только и делают, что заставляют церкви звучать поцелуями. Именно за это бесстыдное использование поцелуя, который должен быть мистическим, вызывает нечестные подозрения и дурные слухи".

Эти обычаи доказывают, что среди первых христиан царила значительная свобода, и, несомненно, иногда этой свободой злоупотребляли. В самую первую эпоху некоторые коринфские христиане встали на сторону человека, совершившего кровосмешение и продолжавшего это делать после упреков, и апостолу пришлось приложить максимум усилий, чтобы подавить симпатию и грех, но обвинения, если говорить в целом, были чудовищно ложными и необоснованными. Они имеют некоторое значение для нашей цели, так как должны были сильно действовать на умы христиан, побуждая их избегать всего, что могло бы послужить хотя бы подобием оправдания для них.

ГЛАВА II. ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕГРАДАЦИИ.

С самого раннего времени в Церкви можно проследить два течения: одно - в сторону поддержки брака, другое - в сторону его презрения и отвержения. Никто, руководствуясь Новым Заветом, не мог осмелиться утверждать, что брак - это неправильно, и в антиникийский период в Церкви сохранялось твердое предание, что запрещать брак - это незаконно и еретично. Апостольские отцы[138] увещевают жен любить своих мужей истинно, и всех других любить без пристрастия к кому-либо и во всяком целомудрии, и воспитывать своих детей в познании и страхе Божиим. С течением времени такие увещевания становятся все реже, но все же брак рассматривается как измененное благословение. У Тертуллиана,[139] чьи слова в противоположном направлении очень сильны и многочисленны, есть такой отрывок: "Где нам найти язык, достаточный для описания счастья того брака, который Церковь скрепляет, обет подтверждает, а благословение знаменует и запечатлевает, о котором ангелы сообщают, а Отец держит как ратифицированный?" А затем он описывает радости супругов: "Вместе они молятся, вместе простерлись себя, вместе совершают посты, взаимно учат, взаимно увещевают, взаимно поддерживают". Но Тертуллиан, надо заметить, настаивает здесь не на благословенности брака, а на благословенности брака между двумя верующими, заключенного перед лицом Церкви, в отличие от брака между верующим и неверующим, не санкционированного Церковью. Обязанности жены были просты: Она должна была повиноваться мужу, ибо он был ее главой,

господином и начальником; она должна была бояться его, почитать его и угождать только ему; она должна была культивировать молчание; она должна была прясть и заботиться о доме, а также оставаться дома и заниматься своими детьми. Единственным поводом для ее выхода было посещение церкви или поездка с мужем к больному брату[140].

Другое течение мысли, о котором я уже упоминал, выступало против брака и носило аскетический характер. Его истоки лежат в "Республике" Платона, и оно примыкает к паулиновской концепции плоти. Лучше всего я могу объяснить это на примере еды. Мы принимаем пищу, чтобы поддерживать тело. Но различные лакомства радуют вкус, и мы можем принимать пищу не только ради здоровья, но и ради удовольствия, которое она доставляет. В первом случае мы поступаем правильно, руководствуясь непреодолимой необходимостью. Во втором случае мы грешим, потому что поддаемся низменному аппетиту, порожденному плотью. Плоть, ее аппетиты и страсти - это источники человеческого разврата, а удовлетворение плоти - это грех. Точно так же единственной целью брака является рождение детей, а если стремиться к какой-либо другой цели, то это будет удовлетворение похоти; и поэтому, хотя брак допустим, человек может быть почти столь же развратным в браке, как и вне его. Эти выводы с предельной точностью сделаны христианскими писателями второго и третьего веков, и упомянутые мною мнения можно найти выраженными в многочисленных отрывках. Но легко понять, что разум не мог остановиться на такой позиции. Брак, даже ради детей, был плотской индульгенцией, и такие мыслители не могли не чувствовать, что устройство Творца не совсем удовлетворительно. Они не осмеливались говорить об этом. Они не осмеливались осуждать брак. Но они считали, что гораздо лучше вообще не вступать в брак, что мужчина или женщина, которые никогда не вступали в брак, - более благородное и возвышенное существо, чем мужчина или женщина, которые вступили в брак. Конечно, эти идеи вошли в моду не сразу, а постепенно. Им способствовало все более строгое разграничение между клириками и мирянами. Клерикал должен обладать особой святостью. Человек, стремящийся к церковной должности, должен был, прежде всего, контролировать земные похоти и страсти, а значит, воздерживаться от брака. Брат-мирянин мог быть не в состоянии освободиться от земных пут; клирик мог вознестись к небесному престолу только на крыльях девственности. Таким образом, возникла градация заслуг, которая имела свой аналог в развитии мировой истории. "Ибо мир, - говорит Мефодий, - [141] когда он еще не был наполнен людьми, был подобен ребенку, и было необходимо, чтобы он сначала наполнился ими и вырос до мужского состояния. Но когда впоследствии она была колонизирована из конца в конец, и род человеческий распространился до безграничных пределов, Бог уже не позволил людям оставаться на прежних путях, обдумывая, как им теперь переходить от одного пункта к другому и приближаться к небу, пока, достигнув величайшего и возвышеннейшего урока девства, они не достигнут совершенства, чтобы сначала отказаться от браков между братьями и сестрами и жениться на женах из других семей, затем, чтобы не иметь больше многих жен, подобно грубым зверям, рожденным лишь для продолжения рода, и чтобы не прелюбодействовать, и чтобы перейти к целомудрию, а от целомудрия к девству, когда, приучив себя презирать плоть, они бесстрашно вплывут в мирное пристанище бессмертия." Брак, по мнению этого автора, не был отменен Христом, но он стал неполноценным состоянием. "Ибо я думаю, - заставляет он говорить девственницу, - я ясно понял из Писания, что после того, как Слово ввело девство, Он не совсем отменил рождение детей; ибо хотя луна может быть больше звезд, свет других звезд не уничтожается лунным светом". Так возникла градация на девственниц, вдов и жен. Тертуллиан[142] говорит о женах как о женщинах второй степени скромности, вступивших в брак.

Течение мысли, которое я продемонстрировал, проявляется, прежде всего, в осуждении вторых браков. Апостол Павел разрешал их, и Церковь не могла их запретить. В "Пастыре Ерма" они не осуждаются, но Афинагор[143] возвышает свой голос против них. "Тот, кто лишает себя, - говорит он, - первой жены, даже если она умерла, является замаскированным прелюбодеем". Против них использовался такой аргумент: Бог сделал мужа и жену одной плотью, и одной плотью они остаются даже после смерти одного из них. Если они были одной плотью, то как к ним могла добавиться вторая женщина? Она не могла стать *одной* плотью. Тертуллиан, [144] отклонившийся от католической веры к монтанистской, утверждал, что второй брак приравнивается к браку с двумя женами одновременно, а потому запрещен. Но какими бы ни были их аргументы, в основе мнения лежала аскетическая тенденция мышления. Это видно на примере Тертуллиана [145], который написал трактат, адресованный своей жене и призывающий ее не выходить замуж снова, если он умрет первым. Говоря о воскресении, он говорит ей: "В тот день между нами не возобновится сладострастный позор"; а в другом трактате он замечает: "Давайте задумаемся над самим нашим сознанием, чтобы увидеть, насколько иначе чувствует себя человек, когда ему случается лишиться жены. Он духовно смакует"[146].

Тертуллиан для своей эпохи является исключительным по силе своих обличений, а Церковь до сих пор придерживалась апостольского разрешения, позволяя мирянам жениться дважды.

Этот антагонизм к браку оказал большое влияние на семейную жизнь. Странно, как редко упоминаются дети в христианских сочинениях второго и третьего веков. Почти ничего не говорится об их воспитании; не упоминается, что прилагаются усилия для их обучения. Христиане пришли к убеждению, что в мире достаточно детей, и он полностью насыщен, а каждое рождение - это повод для печали, а не для радости. Один из авторов [147] так интерпретирует плач младенца при появлении на свет: "Зачем, о мать, ты произвела меня на свет в этой жизни, в которой продление жизни - это прогресс к смерти? Зачем ты привела меня в этот беспокойный мир, в котором, когда я родился, пеленки стали моим первым опытом? Зачем ты отдала меня в эту жизнь, в которой жалкая юность угасает перед старостью, а старость избегается как смертный приговор? Ужасен, о мать, тот жизненный путь, где смерть - цель бегущего. Горька дорога жизни, по которой мы идем, а могила - приют для путника". Тертуллиан [148] говорит: "Другие причины для брака, о которых люди говорят сами, проистекают из беспокойства о потомстве и горького, горького удовольствия от детей. Для нас это пустые рассуждения. Ибо зачем нам стремиться к рождению детей, которых, когда они у нас появятся, мы желаем послать впереди себя к славе (в отношении бедствий, которые сейчас неизбежны); желая, как и мы сами, быть выведенными из этого злейшего мира и принятыми в присутствие Господа". Он описывает детей как "бремя, которое больше всего нам не подходит, так как является гибельным для веры". И снова: "Пусть общеизвестная обременительность детей, особенно в нашем случае, будет достаточным основанием для совета вдовства - детей, которых люди вынуждены иметь по законам, потому что ни один мудрый человек никогда бы не пожелал иметь сыновей". И он восклицает: [149] "Христианин, лишенный наследства, как и весь мир, будет искать наследников".

Такие идеи неизбежно оказали очень сильное влияние на место и положение женщины и на представление о ее природе. В чем же заключалось это влияние? Я попытаюсь описать его в нескольких словах. Я могу определить мужчину как человеческое существо мужского пола, а женщину - как человеческое существо женского пола. Оба они - люди, оба одарены разумом и совестью, оба ответственны за свои поступки, оба имеют право на свободу, необходимую для этой ответственности, и оба способны на самые благородные мысли и поступки. Как

люди они равны по своим способностям, различия между ними обусловлены окружением и обстоятельствами духовного роста. Но мужчина - это мужчина, а женщина - женщина, и это различие существует в природе для продолжения рода. Ранние христиане вычеркнули мужское начало из определения мужчины, а человеческое - из определения женщины. Мужчина - это человеческое существо, созданное для самых высоких и благородных целей; женщина - это женщина, созданная для служения только одному. Она была на земле, чтобы разжигать в сердце мужчины все злые страсти. Она была огненным кораблем, постоянно стремящимся оказаться рядом с военным мужчиной, чтобы разнести его в клочья. Тертуллиан[150] так обращается к женщинам: "Разве вы не знаете, что каждая из вас - Ева? Приговор, вынесенный Богом этому вашему полу, живет в этом веке: вина тоже должна жить. Вы - врата дьявола; вы - откупщик от запретного древа; вы - первая нарушительница божественного закона; вы - та, кто уговорил того, на кого дьявол не смог напасть. Ты так легко разрушил образ Божий, человек. Из-за твоего дезертирства, то есть смерти, даже Сын Бога должен был умереть". А мягкий Климент Александрийский[151] сильно бьет ее, когда говорит: "Нет ничего постыдного для мужчины, наделенного разумом; тем более для женщины, которой стыдно даже размышлять о том, какова ее природа". Григорий Тауматург[152] утверждает: "Более того, среди всех женщин я искал целомудрие, подобающее им, и не нашел его ни в одной. И поистине, человек может найти одного целомудренного мужчину среди тысячи, но женщину - никогда". В "Завещании двенадцати патриархов"[153] приводится аналогичное утверждение и добавляется: "Своим украшением они сначала обманывают умы людей, внушают яд взглядом своим, а затем берут их в плен своими поступками", и поэтому "мужчины должны оберегать свои чувства от всякой женщины". "Ангел Божий показал мне, - говорится в другом отрывке, - что женщины вечно властвуют над королем и нищим; у короля они отнимают славу, у доблестного - силу, а у нищего - даже то небольшое, что остается от его бедности"[154].

Как же должны были люди относиться к этому легкомысленному, любящему наряды, возбуждающему похоть созданию? Конечно, лучше всего было бы закрыть ее на замок. Ее прямой долг - сидеть дома и нигде не показываться. И эту обязанность христианские авторы внушают ей снова и снова. Она не должна посещать банкеты, где ее внешний вид непременно вызовет дурные мысли в умах мужчин, которые пьют много вина. Она не должна посещать брачные пиры, где разговоры и песни могут граничить с развратом. Конечно, ей не стоит бродить по улицам в поисках достопримечательностей, посещать театр, общественные бани и зрелища. Нужны ли ей физические упражнения? Климент Александрийский предписывает ей:[155] "Она должна упражнять себя в прядении и ткачестве, а также следить за приготовлением пищи, если это необходимо". Он добавляет: "Женщины должны своими руками приносить из магазина то, что нам требуется; и для них не позорно прикладывать себя к мельнице. Не является упреком и то, что жена - экономка и помощница - должна заниматься приготовлением пищи, чтобы она была вкусной для мужа. И если она встряхивает диван, протягивает мужу питье, когда хочет пить, ставит еду на стол как можно аккуратнее и таким образом дает себе упражнения, способствующие крепкому здоровью, Инструктор одобрит такую женщину". В тех единственных случаях, когда она может покинуть свой дом, а именно при посещении больного или в церкви, она должна быть покрыта; ни одна часть ее лица не должна быть видна, а когда она находится в церкви, она должна оставаться покрытой. Эти предписания неоднократно встречаются у христианских писателей. Против этого аскетического обращения раздавались голоса, в том числе одного епископа Рима,[156] но они тонули в потоке ругательств, направленных против женской любви к одежде, нарядам и показухе. Эти инвективы и дискуссии о женской одежде и покрытии девственниц многочисленны. Тертуллиан, Киприан, Климент Александрийский, Коммодиан и Апостольские конституции подробно рассматривают эту тему - и все они

исходят из того, что женщина - самое воспаленное существо. Красива ли женщина? "Природное изящество", - говорит Тертуллиан,[157] - "должно быть уничтожено сокрытием и небрежностью, как опасное для взглядов созерцателей". Затем она должна одеться с головы до ног. Говоря о посещении церкви, Климент Александрийский говорит: "Пусть она будет полностью покрыта, если только ей не случится быть дома. Ибо такой стиль одежды серьезен и защищает от посторонних взглядов. И никогда не упадет та, кто поставит перед лицом своим скромность и платок; и не побудит другого впасть в грех, открыв лицо свое. Ибо таково желание Слова, поскольку ей подобает молиться с покрывалом"[158].

Затем она не должна украшать себя каким-либо образом. "Не по Богу, - говорит Коммодиан, - чтобы верная христианка украшалась"[159]. Цель одежды - защищать тело от избытка холода и жары, и для этого достаточно самых простых материалов. Поэтому христианка должна распрощаться с золотой вышивкой и индийскими шелками; ей строго запрещено носить золотые украшения любого рода, и она должна избегать всякой крашеной одежды, так как краска не нужна для здоровья, поражает жадные глаза, и, кроме того, она ложна; ведь Бог сделал бы овец пурпурными, если бы хотел, чтобы шерстяная одежда была пурпурной. Строго осуждается любая попытка обмануть человека. "Головные уборы, - говорит Климент Александрийский, - и их разновидности, и сложные плетения, и бесконечные способы укладки волос, и дорогие зеркала, в которых они раскладывают свой наряд, характерны для женщин, потерявших всякий стыд". И если украшение естественного тела осуждается, то бесконечное разнообразие искусственных приспособлений, используемых римскими и греческими дамами, неизбежно считается отвратительным. Что касается волос, Киприан[161] обращается к девственницам следующим образом: "Сохраняется ли искренность и истина, когда искреннее загрязняется прелюбодейными красками, а истинное превращается в ложь обманчивыми красителями лекарств? Твой Господь говорит: "Ты не можешь сделать ни одного волоса черным или белым", а ты, чтобы преодолеть слово твоего Господа, будешь могущественнее Его и запятнаешь свои волосы дерзким стремлением и нечестивым презрением; с дурным предчувствием будущего положишь себе начало уже из волос цвета пламени". И не менее сильные выражения он использует в отношении окрашивания глаз: "Ты не можешь видеть Бога, потому что твои глаза не те, которые создал Бог, а те, которые испортил дьявол. Вы последовали за ним, вы подражаете красным и накрашенным глазам змея. Так как вы украшены по образу врага вашего, то вместе с ним и сгорите". И таким образом он подводит итог увещаниям, обращенным к девам: "Пусть лик твой останется в тебе непорочным, шея - без украшений, фигура - простой; пусть не будет ран в ушах твоих, и пусть драгоценные цепи браслетов и ожерелий не обвивают рук твоих и шеи твоей; пусть ноги твои будут свободны от золотых поясов, волосы твои не будут окрашены, глаза твои будут достойны созерцания Бога". Несмотря на все увещания, которыми осыпали жен и девственниц, христианские писания доказывают, что человеческая природа часто поступала по-своему. Климент и Киприан рассказывают страшные истории о некоторых девах, а в трактате Киприана, из которого я привел цитату, есть такие сетования: "По этой причине Церковь часто оплакивает своих девственниц; поэтому она стонет от их скандальных и отвратительных историй; поэтому цветок ее девственниц угасает, честь и скромность непрерывности оскорблены, а вся ее слава и достоинство осквернены". В то же время мы должны отдать должное самообладанию и настойчивости, с которыми многие стремились к своему высокому идеалу - ведь идеал был высок, поскольку чистота, к которой стремились, была не только телесной, но и охватывала весь жизненный диапазон. "Ибо было бы нелепо, - говорит одна из дев Мефодия, - сохранять в чистоте похотливые члены, но не язык, или сохранять язык, но не зрение, не уши, не руки, или, наконец, сохранять в чистоте все это, но не разум, оскверняя его гордостью и гневом"[162].

Таково было положение женщин среди первых христиан. Мы ничего не сказали о христианском законодательстве, так как рассматривали период, когда оно полностью осуществлялось язычниками. Но мы должны упомянуть два факта или две фазы одного факта, которые оказали огромное влияние на судьбы человечества, но особенно женщины, и которые нашли свое отражение в современном законодательстве. В первобытные времена Рима отец обладал абсолютной властью жизни и смерти над своими детьми. Постепенно эта власть ослабела, но до конца язычества он сохранил право подвергать своих детей смертной казни, и языческие чувства поддерживали его в таком поведении. Младенцев при рождении могли утопить, выставить на холодный воздух, уморить голодом или бросить на съедение диким зверям. Таким образом, уродливые и слабые дети оставались на верную гибель. Среди детей, от которых избавлялись таким образом, было очень много девочек. Христианство с самого начала осудило эту практику как убийство. Оно пошло дальше. У древних был вопрос, в какой момент человеческий плод становится живым существом, и многие утверждали, что душа появляется в нем только при рождении. Тертуллиан подробно обсуждает этот вопрос в своем "Трактате о душе"[163]. Он говорит: "Этого мнения [что у плода нет души] придерживаются стоики вместе с Энесидемом, а иногда и сам Платон, когда он говорит нам, что душа, будучи совершенно отдельным образованием, зародившимся в другом месте и вне утробы матери, вдыхается, когда новорожденный впервые делает вдох". Таково было мнение, распространенное среди всех слоев языческого мира, и повсеместно существовала практика умерщвления плода с помощью наркотиков. Но христианство придерживалось другой точки зрения, согласно которой душа появляется на самой ранней стадии, и утверждало, что одинаково греховно "отнимать жизнь, которая рождается, или уничтожать ту, которая рождается"[164] Соответственно, языческая практика была запрещена церковью. Запрет появился в ранний период христианства, поскольку он встречается в Послании Варнавы,[165] написанном в начале второго века, и нам сообщают, что Петр говорит в Апокалипсисе (апокрифическом писании, вероятно, раннего времени), "что абортированные младенцы разделят лучшую участь: они преданы ангелу-хранителю, чтобы, получив знание, они могли получить лучшую обитель, имея тот же опыт, который они имели бы, если бы были в теле." [166] Такая точка зрения христиан на детоубийство в значительной степени способствовала бы увеличению числа женщин в мире, поскольку чаще всего жертвами этой практики становились младенцы-девочки.

Аскетическая тенденция, с другой стороны, подавляла рост населения. Кроме того, она оказывала пагубное влияние на потомство. Менее духовные слои населения, миряне, наученные тому, что брак может быть развратным и подразумевать низший уровень святости, были склонны пренебрегать браком ради более свободных связей, и только такие люди населяли тогда мир. Это было выживание самых неприспособленных. С другой стороны, благородные мужчины и женщины, которыми двигали самые высокие устремления и которые проявляли наибольшую сдержанность, самообладание и добродетель, не оставляли детей. В этот период в истории христиан наблюдается поразительное отсутствие домашней жизни. Ни один сын не становится преемником своего отца, ни одна жена не утешает уставшего студента, ни одна дочь не успокаивает печаль престарелого епископа. Возможно, отсутствие домашней привязанности, недостаток здорового и энергичного потомства, бездомность в какой-то степени объясняют поразительные черты следующего века, и особенно преобладающую черствость сердца. Тогда люди с величайшим ожесточением и свирепостью спорили о мельчайших пунктах доктрины, которые сегодня непонятны почти каждому и совершенно безразличны для нынешнего поколения, и без малейшего сожаления выносили приговор о вечном проклятии всем, кто расходился с ними

во мнениях. Затем были написаны трактаты, доказывающие, почему каждый еретик должен быть предан смерти в этой жизни и вечным мучениям в жизни грядущей. И едва ли найдется поборник веры, ортодоксальный или гетеродоксальный, который не был бы обвинен в страшных преступлениях. Если и можно извлечь какой-то урок, то он, несомненно, заключается в том, что как для отдельных людей нет места лучше дома, так и для государства нет учреждения лучше дома; что общество может быть великим только там, где есть счастливые, гармоничные и добродетельные дома, и что дома не могут быть счастливыми, гармоничными и добродетельными, если женщине не будет предоставлено достойное место в этих домах, свобода действий, сознание ответственности и право, не стесненное обстоятельствами или предрассудками, развивать все лучшее и благородное в ней до максимального совершенства.

КНИГА IV. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГЛАВА I. ЖЕНЩИНЫ В ГОМЕРОВСКИЙ ПЕРИОД.

(1) МЯГКОСТЬ ЭПОХИ.

Удивительная мягкость пронизывает все, что Гомер говорит о женщинах. Греки были моногамны, но не по закону, а из привязанности или принципа. Гомер, соответственно, не находит недостатков в полигамии, которая проявляется во дворце Приама, царя Трои. "У него было пятьдесят сыновей, девятнадцать из одного чрева, а остальных родили ему женщины из его залов"[167]. О некоторых из этих женщин говорится так, будто они считаются женами Приама - Лаотоя,[168] например, и прекрасная Кастианэйра,[169] хотя Гекаба представляется так, будто она была единственной женой. Но на самом деле в гомеровские времена не было четкой границы между браком и другими союзами мужчин с женщинами. Ахилл называет Брисею своей женой (ἄλοχος), хотя она была приобретена копьем.[170] А Улисс обещает, что даст жен своим рабам, козопасу Мелантию и свинопасу Эвмею.[171] Некоторые полагают, что эти слова подразумевают, что Улисс сделает их свободными, но в Гомере нет ни намека на это. Обычная жена, или то, что в более поздние времена можно было бы назвать законной женой, выделяется эпитетом κοῦριδίη; но нет никакой уверенности в точном значении этого слова.

Гомеровское общество не знает ничего о деградирующем классе женщин. Есть несколько случаев, когда встречается то, что можно назвать наложничеством, но только дважды в "Илиаде" встречается слово (παλλακίς), которое использовалось для обозначения этого в более поздние века, причем оба раза в одном и том же отрывке.[172] И оно встречается один раз в "Одиссее", [173] в отрывке, где Улисс придумывает о себе сказку, чтобы его не узнали. Очевидно, что в этом слове не было идеи обвинения или упрека.

Еще более очевидна эта мягкость в обращении с детьми этих женщин. Когда им присваивается имя, они называются nothoi (νόθοι), но это имя, какое бы значение оно ни имело, как отмечает Евстафий[174] и как показывают факты, не имело никакой обесценивающей ассоциации. Дети, чьи матери не были обычными женами, по-прежнему

считались детьми дома. Когда Елена уже не надеялась на сына, у Менелая родился сын от рабыни[175], и он с большим торжеством женил его на дочери Алектора. Медезикаста описывается как дочь Приама Нотена (νόθη). Она была замужем за Имбросом, великим воином, который жил с Приамом, и тот "почитал его наравне со своими сыновьями"[176]. Педайос был нотосом Антенора, "но божественная Феано воспитывала его с большой заботой, как своих дорогих детей, чтобы угодить своему мужу"[177]. Агамемнон обращается к Теламону Тевкросу следующим образом: "Теламонянин Тевкрос, дорогой глава, правитель народов, действуй так, если хочешь стать светом для греков и для своего отца Теламона, который воспитал тебя, когда ты был мал, и, хотя ты был нотосом (νόθος), заботился о тебе в своем доме"[178]. Медон, нотос (νόθος) Ойлея, был вождем среди греков и братом Аякса[179].

Все они занимают высокие посты воинов, а один из них - возница своего брата Гектора, должность, которую могли занимать только самые выдающиеся люди. В "Илиаде"[181] погибают два сына Приама, Нотос и Гнесий (сын признанной жены), оба в одной колеснице, причем Нотос был возницей, а Гнесий - бойцом.

В "Одиссее" о нотоях ничего не говорится. В уже упоминавшемся отрывке, где Улисс дает ложную информацию о себе,[182] этот герой говорит, что он был сыном богатого человека на Крите, у которого было много других сыновей, воспитанных в его доме, "гнесиев от жены; меня же родила купленная мать, паллакиса, но он почитал меня наравне с теми, кто был непосредственно рожден". Когда он умер, надменные сыновья разделили между собой средства к существованию, бросив жребий. "Мне же они дали очень мало, выделили мне дом, и я женился на жене из числа очень богатых людей, по причине моего превосходства". Из этого отрывка мы узнаем, что к детям, рожденным вне обычного брака, проявляли доброту и заботились о них.

Мягкость обращения с паллаками (παλλακίς) и нотоями (νόθοι) часто описывается с похвалой в книгах о Гомере. Один из последних, кто обсуждал эту тему, Хруза,[183] говорит: "Это относительно благоприятное положение нотоя и его матери, как в социальном, так и в юридическом отношении (juristisch), достаточно замечательно с римской и современной точки зрения; но эти обычаи эпохи эллинского рыцарства находят свое отражение в институтах средневекового рыцарства, в сфере которого внебрачное рождение не является пятном для матери или ребенка, как это происходит в наши дни"[184].

Ласаулькс[185] пытается показать, что доброе обращение нотхой и паллаки было азиатским, но его аргументы не работают, хотя вполне вероятно, что там, где преобладало многоженство, такое обращение было бы более распространенным. Морильо утверждает, что "согласно более позднему закону, содержащемуся в Талмуде, все младенцы, даже те, что родились от проститутки или изгоя, имели право на наследование от своего отца. Единственное исключение из этого правила касалось младенцев, рожденных от рабынь или чужестранцев". В Египте никто не считался νόθος, даже ребенок купленной матери. Незаконнорожденные дети не имели никаких гражданских недостатков, и египетские папирусы римского времени не признают никаких социальных различий между законнорожденными и незаконнорожденными[186].

Κοιριδίη ἄλοχος, по всей вероятности, означает жену, принадлежавшую по рождению к преобладающей и свободной расе, к которой принадлежал и муж. Она была κοιριδίη в противоположность чужестранке и рабыне, которые, однако, могли принадлежать к столь же свободной и преобладающей расе в своей стране[187] и которые могли, как говорит Агамемнон о Хрисее,[188] "не уступать обычной жене ни в форме, ни в росте, ни в уме и мастерстве в делах". Это слово не означает, как полагали многие схоласты, подверженные

влиянию более поздних обычаев, законную жену, поскольку в гомеровские времена не было закона, а только обычай. Точно так же слово *nothos* (νόθος) впоследствии стало означать, а в более позднем греческом и вовсе стало означать незаконнорожденного и поддельного. Но оно не могло означать незаконнорожденного в гомеровские времена, поскольку не существовало закона в отношении потомства. Да и сомнительно, чтобы оно могло быть поддельным, поскольку, как отмечает Хруза в упомянутом отрывке, гомеровские греки, как и некоторые более поздние греки, о которых речь пойдет далее, вероятно, считали, что сын берет субстанцию отца и не получает ничего существенного от матери, а ее функция при рождении, как считается, очень похожа на функцию современного инкубатора. Поэтому сыновья всегда были настоящими сыновьями своих отцов. Слово *υἱήσιος*, которое в позднем греческом означало подлинный, встречается только один раз в "Илиаде"[189] и один раз в "Одиссее"[190]. Оба отрывка могут быть позднейшими интерполяциями, а текст отрывка в "Одиссее" неясен, поскольку в Харлейской MS. схолии вместо "рожденный от жены" написано "рожденный от жен". В нем также содержится слово, которое больше нигде не встречается у Гомера, *ἰθαγενής*, "рожденный в прямой линии", что, вероятно, означает рождение от матери, принадлежащей к преобладающей расе или, как сказали бы современные люди, к хорошему обществу своего города или страны. О том, насколько возможны искажения текста в этом вопросе, свидетельствует отрывок из "Илиады"[191], где один переписчик, не сумев понять слова *καβησοῦθεν ἔνδον*, переделал их в *Ἐκάβης νόθον υἱόν*: "нотический сын Гекабы"!

(2) ТЕМНАЯ СТОРОНА ВОПРОСА.

Некоторые студенты, изучающие Гомера, могут подумать, что я нарисовал слишком мягкую картину жизни и характера гомеровских женщин. Они будут основывать свою критику на некоторых отрывках, на которые я не обратил внимания. К ним можно отнести следующие:.

В "Одиссее" многие женщины ведут себя плохо. Они принимают сторону женихов и ведут себя нагло по отношению к Улиссу после его возвращения. Особенно бесстыдна и бесцеремонна рабыня Меланфо, к которой Пенелопа была особенно добра, и Улисс применяет к ней эпитеты, выражающие сильное презрение. Но таких случаев крайне мало, и они вполне объяснимы особыми обстоятельствами.

Далее, в двадцать четвертой книге "Илиады"[192] есть отрывок, который вызвал много дискуссий. Богиня Фетида советует своему сыну найти утешение в объятиях женщины, и он следует ее совету и ищет Брисею. Возможно, критиков оскорбляет прямота высказывания (*ἀγαθὸν δὲ γυναικί περ ἐν φιλότῃτι μίσγεσθ'*), хотя следует заметить, что здесь, как и во всем Гомере, физическое наслаждение всегда сочетается с понятием дружбы. Этот отрывок является одним из элементов спора о том, была ли последняя книга "Илиады" написана автором большинства других книг. Некоторые осуждали ее, потому что она была недостойна Гомера. Среди них был Аристарх, великий александрийский критик, за которым последовали другие александрийские критики. Но этот отрывок, похоже, отличается простотой ранних мыслей и выражений. Мне кажется, что Кёчли прав, когда говорит по этому поводу: "Само собой разумеется, что мы не должны позволить лишиться себя стихов 130-132, которые являются характерными и требуются в строке 675 и последующих, из-за благоразумия александрийцев, которое иногда встречается и в других местах, хотя мой почтенный друг Фаеси, кажется, одобряет их вычеркивание, больше, я думаю, как директор гимназии, чем как критик Гомера." [193] Дюнцер говорит [194], "что подобное чувство есть в "Германе и

Доротея" Гете, и что оно полностью соответствует старым наивным временам, "der alten naiven Zeit".

Последние отрывки, которые необходимо привести в этой связи, касаются того, как женщины мыли мужчин. Все они похожи друг на друга, и поэтому нужно привести только один. В "Одиссее"[195] говорится, что "прекрасная Поликаста, младшая дочь Нестора, сына Нелея, омыла Телемаха; и после того как она его омыла и помазала оливковым маслом, накинула на него прекрасный плащ и тунику" и т. д. Подобное действие приписывается Калипсо.[196] Слуга Цирцеи купает Улисса "из большого котла, выливая воду на голову и плечи". Рабы, δρῶαί, купали Пейсистрата и Телемаха,[198] и точные слова, использованные в этом отрывке, повторяются в 8, 454; 17, 88, и похожие слова встречаются в "Одиссее".[199] Только один раз упоминается этот обычай в "Илиаде",[200] где говорится, что Геба искупала Ареса. Мистер Гладстон говорит, что естественный смысл этих слов, по-видимому, заключается в том, что женщины действительно обливали мужчин водой, действительно омывали их и помазывали маслом. Но его шокировала мысль о том, что юные девы должны совершать такие действия, и некоторые критики, как до, так и после него, говорили о нескромности этих действий.[201] Мистер Гладстон считает, что "почти само по себе невероятно, чтобы обычно, среди людей самого высокого ранга и характера, и вообще без всякой необходимости, происходили такие вещи,[202] и поскольку это неправдоподобно, то, я думаю, это тоже неправда". И он избавляется от всех трудностей, объясняя эти слова тем, что девы принесли воду и масло мужчинам и оставили их омываться и помазываться. Мистер Гладстон находит поддержку своему мнению в "Одиссее",[203] где Улисс говорит: "Наусикаа омыла меня в реке и дала мне эту одежду"; и Амик соглашается с ним. На самом деле эти слова должны означать, что Наусикаа снабдила его средствами для купания, поскольку Улисс явно ссылается на рассказ в "Одиссее"[204], где Наусикаа приказывает своим служанкам дать незнакомцу еду и питье и омыть его в реке, где есть укрытие от ветра. И далее рассказывается, как служанки привели Улисса в укромный уголок реки, положили рядом с ним одежду, дали ему влажное масло в золотой фляге и посоветовали искупаться в потоке. Но обстоятельства встречи Наусикаа и Улисса, описанные в этом эпизоде, совершенно уникальны. Улисс приходит к принцессе совершенно неожиданно. Поначалу она совершенно растеряна и проявляет необычайное самообладание, встречая странное приключение. Смущен и сам Улисс, который боится предстать перед прекрасной принцессой обнаженным, обезображенным морской рапой и долгой борьбой с волнами. Поэтому нельзя было ожидать, что Улисс, кратко рассказывая о происшедшем, будет точен в употреблении слов. И, следовательно, хотя λοῦσε (купался) может быть использовано в этом отрывке в свободной форме, чтобы подытожить то, что было подробно рассказано в предыдущей книге, это не является основанием для приписывания ему того же значения в обычных случаях, когда не делается никакого расширения темы или не дается объяснения. И есть один очень веский довод против представления мистера Гладстона. В "Одиссее"[205] Елена говорит: "Я сама омывала его и помазывала маслом". Акцент здесь, очевидно, сделан на ἐγώ. Улисс проник в город троянцев как нищий, и никто не узнал его, кроме Елены; но он ускользнул от всех испытаний, которые она предприняла, чтобы убедиться в этом. Поэтому она сама омыла его, и сделала это, вероятно, потому, что знала, что сможет найти абсолютное доказательство его личности, если только увидит шрам над коленом, по которому впоследствии, по возвращении домой из Трои, Эвриклея узнала его. По всей вероятности, естественное толкование верно, и справедливо замечание Шнейдевина по этому поводу[206]: "Die Entblössung scheint für den Zweck des Badens so sehr ihre Unstatthaftigkeit zu verlieren wie etwa in der modernen Gesellschaft die Umfassung einer Dame zum Tanz." И он мог бы добавить, что современные медсестры и врачи в наше время без колебаний делают то, что делали гомеровские девы, когда в этом есть необходимость, и

никто не думает, что в этом есть какая-то неуместность. Разумеется, каким бы ни был способ, в этом действии нет ни капли нескромности. Гомеровские девы, принцессы и рабыни, действовали с совершенной и неосознанной невинностью.

Поскольку я занимаюсь одеждой, я могу обратить внимание на другой случай, который произошел позже - на спартанских девушек. Есть очень убедительное свидетельство, что эти девушки боролись друг с другом в обнаженном виде. Само свидетельство, правда, не современное, хотя и хорошее, и поэтому возможно, что оно может быть ошибочным. Не исключено также, что слово, переведенное как "обнаженный", в некоторых источниках не означает отсутствие всякой одежды. Некоторые ученые с презрением отвергают эти утверждения.^[207] Один автор посвятил этому вопросу монографию, и его выводы относятся к умеренному типу. "Illud pro certo habendum esse puto non in omnibus exercitationibus virgines prorsus fuisse nudatas neque ulla vestimenta exceptis fortasse iis, quae ad pudenda tegenda opus essent, retinuisse. Quod quidem in una exercitatione luctandi factum esse verisimile est. Quoniam enim virgines luctantes more virorum, ut ait Theocritus poeta, corpora oleo unguere solebant, fieri non potuit, quin corpora nudarent atque etiam tunicam, vestimentum interius, exuerent."^[208] Но каковы бы ни были выводы, сделанные по этому поводу, свидетельства единодушны: спартанские девушки были скромны и прямо противоположны развратным. "В их раздевании, - говорит Плутарх, - не было ничего постыдного, ибо скромность присутствовала, а недержание отсутствовало"; и он порицает Геродота за то, что тот говорит, будто женщина, снимая тунику, теряет скромность, "ибо, напротив, целомудренная женщина вместо этого надевает скромность". И именно такого мнения придерживались консервативные греки времен Аристофана, считавшие добавление одежды мужчинам и женщинам, а также укутывание конечностей в ионическую одежду гнусным новшеством, ведущим к роскоши и распутству^[209].

Беккер указывает^[210], что обычай женщин мыть мужчин преобладал в средние века, и приводит отрывки, в которых женщины купают мужчин, а затем одевают их. Он также проводит параллель со спартанскими девушками, снимающими с себя одежду. В одном из отрывков описывается крещение девиц архиепископом, где говорится, что с девиц сняли всю одежду перед всеми баронами, и они были блее цветка эглантина.

До сих пор окончательно не решен вопрос, является ли стыд, связанный с обнажением частей тела, простой социальной конвенцией или нет. Это вопрос, который должны решить антропологи. Любопытный вклад в его решение содержится в недавней книге путешествий Г. Ф. Скотта Эллиота. "Эти люди, - говорит он о вакавирондо,^[211] - одеты в основном в воздушную одежду, и, как всегда бывает в скудно одетых туземных расах, отличаются особой нравственностью по сравнению с прилично одетыми ваганда и другими расами". На Мадагаскаре, в Западной Африке и на Капском полуострове я всегда обнаруживал одно и то же правило. Целомудрие варьируется в обратной зависимости от количества покрывал". Мистер Генри Т. Финк подробно рассматривает этот вопрос в своей главе о наготы и купании с многочисленными иллюстрациями из настроений и практики разных стран в книге "Время Лотоса в Японии"^[212]. Но каковы бы ни были результаты подобных исследований, они, как мне кажется, имеют лишь незначительное отношение к определению влияния, которое оказывали женщины в прошлые времена.

(3) ЗАНЯТИЯ ЛЮБОВЬЮ ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА.

В Гомере нет ни малейшего следа той страстной и обескураживающей любви мужчины к женщине, которая является излюбленной темой современных романов. Бухгольц, обсуждая чувства гомеровских греков в отношении сексуальной страсти, так описывает эту любовь:

"От Ueberschwänglichkeit der modernen Gefühlsschwärmerei, vermöge deren zwei Individuen verschiedenen Geschlechts mit himmelhochjauchzendem Entzücken im Gefühle des ewigen Füreinanderexistirens und Ineinanderaufgehens sich berauschen und selige Wonne schlürfen, haben die homerischen Menschen keine Idee"[213].

Было много споров о том, когда греческие писатели начали рассказывать об этой любви. Полностью эта тема рассматривается в книге Роде "Греческий роман" (стр. 14), где он ссылается на эссе Бульвера Литтона о влиянии любви и реальной жизни и приводит его мнение, что именно у Еврипида впервые появляется различие между любовью как страстью и любовью как чувством. Беннеке посвящает большую часть своей главы "Женщины в греческой поэзии" тому, чтобы показать, что "в литературе нет никаких следов того, что мы сейчас понимаем под словом "любовь", ранее конца четвертого века до нашей эры". "Всеобщее мнение, - говорит он, - согласилось приписать эту великую перемену, самую большую перемену, возможно, когда-либо происходившую в искусстве, влиянию двух людей, Еврипида и Менандра. Моя цель, которую я ставлю перед собой, - попытаться показать, во-первых, что это общее мнение ошибочно и проистекает из недостаточного понимания истинной природы перемен; и, во-вторых, что настоящим родоначальником нового чувства, с которым мы сталкиваемся в александрийской литературе, то есть первым человеком, который имел смелость сказать, что женщину стоит любить, был Анतिмах из Колофона." [214] Очевидно, что оценка Беннеке современной любви сильно отличается от оценки Бухгольца.

ГЛАВА II.

ЖЕНЩИНЫ В ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

(1) О ХАРАКТЕРЕ САПФО.

В 1816 году Велькер опубликовал памфлет под названием "Sappho von einem herrschenden Vorurtheil befreit", в котором он попытался показать, что главное обвинение против поэтессы было совершенно необоснованным. Она была переиздана в его "Клейне Шрифтен"[215]. Он привлек к сотрудничеству большинство ученых своего времени. Но полковник Мюре возобновил обвинения в своей "Истории греческой литературы"[216] и особенно в статье в "Рейнском музее"[217]. На Мюре сильно повлияло то, что он видел в обществе при дворах европейских столиц, где, по его словам, придворные дамы были запятнаны всеми пороками. Немецкий ученый Кок (1862) отстаивал те же взгляды, что и Мюре. Велькер ответил обоим критикам, но особенно Коку, в статье в "Рейнском музее" (1863), которая затем была переиздана в его "Клейне Шрифтен". [218] С тех пор суждение в целом было вынесено в пользу Сапфо, хотя в большинстве трудов о Сапфо и ее произведениях эта тема скорее отмечается, чем обсуждается. Среди тех, кто тщательно исследовал этот вопрос, особого внимания заслуживают Кублинский и Брандт. Кублинский подвергает тщательной критике упоминания в древних писателях о тех историках и критиках, которые первыми занялись Сафо. Некоторые из них процветали в очень ранний период и были уроженцами Митилены. Все они отзываются о ее поэзии и добродетели в самых высоких выражениях. Митиленцы почитали ее, хотя она была женщиной, [219] и говорили, что она соединяла в себе великолепие и изящество дикции со всем, что было почетным. [220] Брандт в своей очаровательной книге о Сапфо ярко представляет нам дух и жизнь поэтессы. Он

отказывается обсуждать детали обвинений против нее, которые он называет "болтовней более позднего, непоэтического и вырождающегося периода", "потому что благодаря прекрасному трактату Велькера честь поэтессы была подтверждена, и мы твердо убеждены в несостоятельности обвинений". Затем он показывает, как писатели более позднего времени были неспособны оценить теплоту ее дружеских отношений, ее страстную любовь к красоте и ее восторг перед всем, что справедливо и прекрасно в этом прекрасном мире.

Гнусные инсинуации поздних времен против Сапфо возникли из-за искажений, которые писатели новой комедии сделали о ней. Она была одним из их основных персонажей. Кок[221] приводит одну пьесу под названием "Сафо", написанную древним комиком, и пять пьес авторов новой комедии. К сожалению, эти фрагменты крайне скудны и не дают нам никакого представления о содержании пьес. Однако они показывают, что авторы не обращали внимания на хронологию, так как в одной из них поэты Архилох (700 г. до н. э.) и Гиппонакс (546 г. до н. э.) изображены влюбленными в Сапфо. В других пьесах, названных "Леукадиями", также фигурировала Сапфо, и в одной из них Менандр описывает поэтессу как безумно влюбленную в Фаона и, как следствие, бросившуюся с Леукадской скалы. Это, несомненно, чистая выдумка, и, скорее всего, все поздние истории о Сапфо обязаны своим происхождением необузданному и свободному воображению комических поэтов. Некоторые из этих историй воплощены в латинском письме Сапфо к Фаону. Это письмо было приписано Овидию и фигурирует в современных изданиях "Героиды". Но его подлинность отвергается многими учеными. Его нет в лучших списках "Героид". В ней Сапфо представляется неистово влюбленной в Фаона, и в своей страсти она отбрасывает всякое чувство самоуважения и приличия. Но это не подтверждает утверждения коллег Мюре и Кока. Два ученых, которые в последнее время отстаивают приписывание этого письма Овидию[222], настаивают на том, что стихи письма, которые придают окраску обвинениям, были неверно истолкованы, и что, напротив, они подразумевают, что она была совершенно невиновна.

(2) АСПАСИЯ.

Шмидт верит этим утверждениям и приписывает Аспазии создание Перикла и Сократа. Аналогичное мнение высказывает и Филлель, который не допускает, что она была куртизанкой. И Ллойд столь же категоричен в отношении ее достоинств. Только один голос, насколько я знаю, был поднят против нее, это голос Ульриха фон Виламовица в его "Аристотелесе и Афинах". В примечании в томе ii. с. 99 он использует необычные выражения в отношении Аспазии, называя ее проституткой и странно описывая идеи о ее салоне и о том, что она была в некотором роде женой Перикла, как изобретение немецкого романтического филэллинизма. Он одинаково презрительно относится и к Фидию, которого называет низким механиком, и к Периклу, у которого, по его утверждению, не было ни друзей, ни гостей, ни наложниц после разрыва с женой. В более позднем произведении[223] он использует менее грубый язык и пытается защитить историческую позицию, которую он занимает. Но мне кажется, что полный ответ на его предположение можно найти в книге Мюллера "Attisches Bürgerrecht"[224]. Мейер и Брунс отрицательно обсуждают его мнения по этому вопросу.

(3) ПОРТРЕТЫ САПФО И АСПАЗИИ.

Как обычно бывает в вопросах, связанных с искусством, разногласиям нет конца. Две основные монографии о портретах Сапфо - это монографии Яна и Компаретти. Компаретти замечает по поводу изображения Сапфо на вазе Гирдженти: "Сапфо здесь совсем не маленькая; она такая же высокая, как Алкей". Но оба автора склонны считать эти фигуры

идеальными. Однако даже если они и идеальны, они отражают представления о поэтессе, распространенные во время их изготовления. О монетах ходит много споров. Те из них, на которых отчеканено имя, относятся к периоду империи. Некоторые предполагают, что голова на раннем лесбийском электруме и другая на автономной бронзе из Митилены принадлежат Сафо, но Врот, который тщательно изучил этот вопрос, соглашается с Фуртвенглером, что голова, вероятно, принадлежит Афродите. Фуртвенглер считает, что бюст, приписываемый Аспазии, также действительно принадлежит богине[225].

(4) ПРАВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ-ἐπιγαμία.

Искажения в тексте Лисия, процитированном Дионисием, хорошо видны в недавнем издании второстепенных работ Дионисия, подготовленном Usener и Radermacher.[226] Эти слова также могут означать только "Мы были за предоставление права брака с эвбеями". Здесь использован несовершенный вид, и контекст предполагает именно такое значение несовершенного вида.

Нигде больше не упоминается о ἐπιγαμία с эвбейцами. Можно было бы ожидать упоминания об этом в каком-нибудь постановлении, но постановления, касающиеся эвбейцев, имеют такой характер, что существование эпигамного соглашения становится сомнительным.[227] Из отрывка из Лисия Филиппи[228] делает вывод, что ἐπιγαμία была дана эвбейцам без гражданства. Отто Мюллер, также опираясь на тот же отрывок, считает, что ἐπιγαμία была дарована афинянами эвбеям[229] не только до 404 года, но и до провала сицилийской экспедиции, но он не аргументирует этот вопрос.

(5) АФИНСКОЕ ГРАЖДАНСТВО.

Возникли сомнения[230] в том, был ли Перикл автором этого закона, поскольку предполагаемый солунский закон постановлял, что гражданином должен быть только тот, кто является ребенком гражданина и гражданки, и утверждается, что Перикл просто настаивал на соблюдении этого закона. Но Аристотель[231] ясно говорит, что именно по предложению Перикла афиняне постановили, что никто не должен принимать гражданство, если оба его родителя не являются гражданами. Далее он утверждает, что закон был принят из-за большого количества граждан (451 г. до н. э.). В с. 42, описывая конституцию Афин в том виде, в каком она существовала на момент написания книги, Аристотель говорит, что гражданство получают те, кто родился от родителей, оба из которых были гражданами. Аристотель нигде не упоминает о том, что с 451 года до н. э. и до его времени существовало какое-либо приостановление или изменение этого закона. Мюллер считает, что изменения были, и, несомненно, аристократическая партия была бы склонна отменить его. Но, вероятно, они сочли достаточным рассматривать закон как устаревший, когда это их устраивало, и затем он был возобновлен в 403 году Аристофоном или Никоменом[232].

Значение этого закона Перикла в истории женщин трудно переоценить. Он практически привел к тому различию, которое выражено в оратории против Неэры, приписываемой Демосфену. "Ибо мы, - говорится в ней, - имеем спутниц (хетайров) для удовольствия, наложниц - для ежедневного ухода за телом, а жен - для того, чтобы у нас рождались настоящие дети и чтобы у нас был надежный страж нашего домашнего имущества"[233] В то время ни на хетайров, ни на наложниц не ложилось никакого морального пятна. Их положение не могло не вытекать из их судьбы и закона Перикла. Но к этим двум классам не относились с тем же уважением, что и к женщинам-гражданкам. Римляне приняли тот же закон, что и Перикл. Они не поощряли наложниц, а компаньонки в большинстве своем были деградировавшими женщинами или рабынями. Церковь впоследствии последовала практике римлян, однако ограничения на брак привели к тому, что среди духовенства стали

часто встречаться наложницы. Но то, что раньше считалось результатом неизбежной судьбы, теперь считалось доказательством развращенного нрава.

Закон также привел к различиям в мужском населении. Они делились на два класса - граждан, которым полагались многочисленные привилегии, и изгоев, не имевших ни прав, ни привилегий. Это было большим изменением по сравнению с гомеровскими временами. Дальнейшая история этих двух классов мужчин любопытна и наводит на размышления, но здесь не место для ее рассмотрения. Морильо в своем трактате на эту тему восклицает: "Странное обстоятельство! Закон почти всегда наносит удары тем, кто нарушает его предписания, именно по лицам младенцев". Это верно для христианской эпохи; но вначале закон заботился исключительно об интересах граждан, которые его принимали, и не предполагал вины тех, кто не был гражданином.

(6) ДАТА СОЗДАНИЯ "ЭККЛЕЗИАЗУСА".

Дата создания комедии четко определена в пределах двух лет. Дата написания "Республики" не может быть определена столь точно. Соответственно, всегда находились авторы, которые утверждали, что Аристофан высмеивал коммунистические идеи Платона, выраженные в "Республике". В последнее время Кьяппелли[234] отстаивает это мнение, а Роджерс в своем издании "Экклезиаса"[235] поддерживает его, ссылаясь на точное сходство в словах, используемых обоими. Но ученые-платоники в целом твердо придерживаются мнения, что "Республика" значительно позже пьесы. Дата написания пьесы должна быть где-то между 390 и 393 годами. Но Сталлбаум в своих "Пролегоменах к Республике"[236] приводит, как мне кажется, убедительные аргументы в пользу того, что эта работа не могла быть опубликована ранее 385 г. до н. э. Лютославский в своей "Происхождении и развитии платоновской логики"[237] утверждает, что все части "Республики", кроме первой книги, были написаны после "Федота", который он помещает между 384 и 383 гг. до н. э., и что они занимали Платона около шести лет, почти до пятидесятого года его жизни. Он и другие отмечали, что совпадения между Аристофаном и Платоном незначительны и что комедия не имеет отношения к особым предложениям философа. Идеи комедии слишком общие.

Дата создания комедии подробно рассматривается в работе Келера "De Aristophanis Ecclesiazuson tempore et choro Quæstiones Epicriticæ". Jenæ, 1889, где приводится литература и история дискуссии. Он считает, что между пьесой и "Республикой" нет никакой связи. Профессор Ритчи[238] говорит о "Республике": "Вероятно, она была написана в разное время между 387 и 368 гг. до н. э." [239].

(7) ЖЕНЩИНЫ ПЛАУТА.

Возможно, лучше всего мы можем увидеть представления греческой новой комедии[240] в пьесах Плавта, поскольку до нас не дошло ни одной полной греческой комедии этого класса. Теренций, несомненно, более буквально переводил эти пьесы, но его подборки не так тесно соприкасаются с жизнью эпохи. Однако у Плавта трудно определить, относятся ли его картины к греческой или римской жизни, поскольку он, несомненно, ввел много аллюзий на привычки своей римской аудитории.

Большинство женщин, появляющихся на страницах Плавта, принадлежат к классу рабынь. Часто, захватив какой-нибудь город, греки разрушали его до основания, убивали почти всех мужчин, а женщин уводили в рабство в далекие от родных мест земли. Этим женщинам приходилось подвергаться величайшим жестокостям и унижениям. Плавт заимствует свои сцены из греческих пьес, и, соответственно, большинство его женщин становились рабынями именно таким образом. Однако нет никаких сомнений в том, что римляне

торговали женщинами-рабынями так же, как и греки, и поэтому картина женщин-рабов в одной стране будет соответствовать картине в другой. Когда высшие офицеры брали этих женщин в плен, они обычно держали их в своих домах; но поскольку такие рабыни приносили большие деньги, находились мужчины, которые зарабатывали на жизнь тем, что крали их. Они продавали их людям, чьим занятием было продавать их богатым жителям городов, иногда одалживая их только на год, а иногда отдавая на всю жизнь. Законы регулировали перевозку, если можно так выразиться, этих женщин-рабынь, и в одной из пьес речь идет о том, как негодяй раб, выдающий себя за восточного, приходит в дом работоторговца с дочерью другого человека, паразита, и продает ее с огромной выгодой, но без законного оформления. Паразит сразу же идет к работоторговцу и требует назад свою незаконно проданную дочь. Этих женщин-рабынь использовали по-разному. Иногда их держали в качестве домашней прислуги, иногда в качестве нянек, но чаще всего их использовали на банкетах, чтобы танцевать перед празднующими господами, петь, играть на лире и развлекать их остроумными высказываниями. Поэтому они часто были высококультурными, соединяя в себе достижения нашего самого искусного акробата с достижениями оперной певицы и образованной дамы. Некоторые из них опускаются до самой грубой степени грубости у Плавта, а некоторые очень милы, скромны и нежны.

Женщины в пьесах Плавта естественным образом делятся на два класса: свободные и те, кто был или был рабом. Важно помнить, что это различие распространялось на все социальные отношения. Рабыня, какого бы знатного происхождения она ни была, не могла выйти замуж за свободного гражданина. Свободный человек мог жениться только на дочери свободного согражданина. Вследствие этого выбор жены был ограничен, и большой класс женщин неизбежно оказывался за пределами социальной сферы. Женщины, которые могли выйти замуж, были тесно ограничены. Они росли в недрах женской половины дома. У них редко была возможность видаться с кем-либо, кроме самых близких родственников. Они редко смотрели на людей, за исключением тех случаев, когда шли в религиозной процессии или участвовали в религиозных праздниках. Высшим образованием они пренебрегали, а их общество по большей части презирали. Их браки устраивались отцами. Сами они не имели права голоса, и часто главным вопросом был вопрос о приданом, которое они могли принести своим будущим мужьям. В таких условиях мы не могли ожидать увидеть в пьесах Плавта молодых девушек, способных выйти замуж. Они не появлялись на публике и не смешивались с обществом. Лишь одна из них играет роль в пьесах Плавта, да и то при чрезвычайных обстоятельствах. Ее отец - паразит в "Персе". Этот негодяй готов на все ради хорошего ужина, а его дочь - ничтожество, если поставить ее в один ряд с ним. Поэтому он заставляет ее играть роль рабыни. Она категорически возражает. Она понимает, что это неподходящее для нее занятие. Она также понимает, что это повредит ее перспективам замужества. Но авторитет отца был превыше всего. Он приказывает, и она должна повиноваться, причем повиноваться мягко и кротко. Упоминаются и другие пригодные для брака девушки. В "Тринуме" добрый юноша Лиситель добивается руки сестры расточительного Лесбоника. Его отец, Филто, берется встретиться с Лесбоником по этому вопросу, после чего происходит интересный диалог. Лесбоник не может поверить, что Филто всерьез просит безродную дочь, и когда, наконец, убеждается, что Филто не делает из него дурака, заявляет, что расстанется с единственным оставшимся у него небольшим имуществом, чтобы дать хоть какое-то приданое сестре. Для него было бы позором, если бы она ничего не принесла в семейный фонд. Еще одна пригодная для замужества девушка появляется в "Аулуларии". Ее отец, скупец Эвклио, очень рад, что она досталась ему без приданого, а тот, кто хочет на ней жениться, предпочитает иметь незамужнюю жену. Причины такого предпочтения весьма примечательны. Мегадорус, жених, богат. Некоторое время он жил со своей овдовевшей сестрой, но она считает, что теперь он должен жениться.

Однако она не слишком благосклонно относится к женщинам. "Мы, - говорит она, - заслуженно считаемся очень болтливыми, и люди решительно утверждают, что до сих пор ни в одну эпоху не было найдено ни одной молчаливой женщины". Далее она сообщает ему, что у него нет шансов получить хорошую жену: он может лишь выбирать из плохих: "alia alia reior, frater, est". Однако в конце концов она рекомендует ему ту, которую знает и считает подходящей по возрасту и обстоятельствам. Он не принимает ее предложения, но говорит, что хочет жениться на дочери Эвклио и очень рад, что она так бедна. Замужние жены стали дико экстравагантными и наглыми, и если бы богатые поступали так, как он хочет, то есть женились на незамужних женах, в государстве было бы больше согласия; женщины больше гордились бы своими манерами, чем приданым, у них было бы меньше причин бояться наказания, чем сейчас, а у мужей было бы меньше расходов. Одним словом, "незамужняя жена находится во власти своего мужа, а замужняя мучает и губит его". В ходе этой дискуссии Мегадорус рассказывает об экстравагантности женщин своего времени. "Им должны были дарить пурпур и золото, служанок, мулов, погонщиков мулов, сопровождающих, мальчиков для приветствий и кареты". И далее он приводит список различных ремесленников, которые обслуживают матрон. Вот он на латыни, ибо точный перевод потребовал бы диссертации:[241]

"Stat fullo phrugio aurifex linarius

Caupones patagiarii indusiarii,

Flammarii violarii cararii,

Propolæ linteones calceolarii,

Sedentarii sutores diabathrarii-

Solearii astant, astant molocinarii,

Petunt fullones, sarcinatores petunt,

Iam hosce absolutos censeas: cedunt petunt

Trecenti: circumstant phulacistæ in atriis,

Textores linbularii, arcularii:

Aut aliqua mala crux semper est quæ aliquid petat."

Расточительность женщин - излюбленная тема для нападок у Плавта. Адельфазия в прекрасном отрывке из "Рænulus" описывает, как весь день уходит на купание, полировку, покраску и тому подобные операции, а в "Epidicus" мы имеем перечисление огромного разнообразия платьев, которые они носили. Можно задаться вопросом, насколько эти описания были взяты из греческого языка и насколько они применимы к римским женщинам. Вагнер полагает, что отрывок из "Аулуларии" относится к римским женщинам, и основывает на нем аргумент в пользу датировки пьесы. Вряд ли можно представить, что Плавт стал бы вводить такие отрывки, если бы они не говорили об этом, но определить дату начала экстравагантности среди римских дам будет сложно. Все, что мы можем утверждать с уверенностью, это то, что экстравагантность должна была существовать в той или иной форме, и интересно отметить, как на этой ранней стадии она уже начала отпугивать мужчин от брака. Вот рассуждения одного холостяка, несколько сжатые из "Miles Gloriosus":[242]

"Пе. Клянусь Геркулесом, быть холостяком - это великолепно. Если бы где-нибудь в мире можно было найти хорошую жену, это изменило бы дело; но где мне найти такую? И как вы думаете, приведу ли я в свой дом женщину, которая никогда не скажет мне: "Купи себе хорошую теплую шубу, чтобы не мерзнуть этой зимой", а, наоборот, разбудит меня ото сна до того, как прокричат петухи, и скажет: "А теперь, дорогой, дай мне немного денег, чтобы сделать подарок моей матери на мартовские календы; или дай мне немного денег, чтобы купить материал для приготовления сладостей; дай мне немного денег, чтобы отдать их ведьме и толкователю снов" и т. д.? Тогда мне не нужны дети. У меня полно родственников. Я живу, как хочу, никто мне не мешает, а когда я умру, то оставлю свое имущество друзьям; они это знают и хорошо обо мне заботятся. Они приходят и смотрят, что я делаю и чего хочу. Еще до рассвета они стоят у моей двери и спрашивают, как я спал ночью. Они жертвуют, а затем посылают мне лучшую часть. Они приглашают меня на завтрак и ужин, на все свои пиры, и все они соперничают друг с другом, посылая мне подарки. Конечно, я знаю, почему - но какое это имеет значение? Они ухаживают за мной и одаривают меня".

Жены, таким образом, у Плавта представлены не в самых приятных тонах. Старики испытывают самый настоящий ужас перед своими старухами, как они их называли. Так, например, Деймонс боится взглянуть на Палестру и Ампелиску, чтобы жена не налетела на него. Менезем дает ярчайшую картину любопытных наклонностей своей жены. А некоторые из них прекрасно владеют ругательным языком и оценивают своих мужей без меры. Они даже разыгрывают с ними самые наглые трюки, как в "Казине". Но как бы ни были плохи некоторые из этих жен в своей экстравагантности и косноязычии, их не обвиняют в неверности. Римляне и греки были согласны с французами в том, что отцы выбирали жен для своих сыновей, но они отличались от них тем, что развод можно было получить на сравнительно легких условиях. И это обстоятельство вносит существенную разницу в сюжеты их драм. Сюжет такой пьесы, как "Маленькая мариец", был бы столь же отвратителен для римского зрителя, как и для английского. В двадцати пьесах Плавта нет ни одного случая, чтобы добродетель замужней женщины подвергалась нападкам. Мы можем исключить, с современной и раннехристианской точки зрения, [243] любовную связь Иова с Алкменой, но в римском представлении Алкмена и ее муж были удостоены этого знака благосклонности бога. Есть один случай, когда сам человек, хвастливый солдат, считает, что совершил преступление. Ему внушают, что придворная женщина на самом деле замужняя, что она страшно влюблена в него, и он поддается на обман. В конце концов его жестоко наказывают за это и признают, что он вполне заслужил то, что получил.

Отсутствие свободы до брака, однако, не обошлось без дурных последствий. Молодые люди, как правило, привязывались к каким-нибудь симпатичным рабыням еще до женитьбы, а старики, похоже, были очень склонны возобновлять воспоминания о молодости подобными шалостями. Это стало причиной самых серьезных ссор между мужем и женой. В одном из отрывков несправедливость положения мужа и жены в этом отношении показана, правда, не женой, а рабом: - "У Кастора жены живут в доме.

"По Кастору, жены живут в тяжелых условиях и гораздо более несправедливо, чем их мужья. Ибо если муж заведет себе куртизанку без ведома жены, а она узнает об этом, то он выходит сухим из воды; если же жена уйдет к постороннему без ведома мужа, то на мужа заводится дело, и она разводится. Если бы для мужа существовал тот же закон, что и для жены! Ведь хорошая жена довольствуется одним мужем, почему же муж не должен довольствоваться одной женой?" [244]

Когда жена считает, что ею плохо пользуются, она обычно посылает за отцом. Она ждет, что он либо примирится, либо вернет ей приданое и даст развод. В некоторых случаях, как в случае с Менезехмом, отец встает на сторону мужа и советует подчиниться.

Хотя среди жен есть плохие, есть и очень хорошие. В первую очередь это Алкмена из "Амфитруо". Она настоящая, любящая, верная жена. Она встречает своего предполагаемого мужа по возвращении с войны самым радушным образом. Она никогда не бывает нечистой даже в мыслях, а просто целомудренна во всем, даже в сценах, которые могли бы склонить поэта к потворству своей грубой публике. Она удивлена и поражена подозрениями своего настоящего мужа, но никакие соображения не заставят ее признаться в преступлении, которого она не совершала. Она всегда сохраняет достоинство безупречной чистоты. Но если ревность овладевает его душой, она готова расстаться с ним и требует свое приданое: "Valeas: tibi tibi".

"Valeas: tibi habeas res tuas, reddas meas.

Juben' mihi comites?

"Jup. Sanan' es?

"Al. Si non jubes,

Sinito: Pudicitiam egomet comitem duxero."

Когда, наконец, муж признается, что был неправ, она готова сразу же принять его обратно в свою привязанность и вернуть ему всю прежнюю любовь. Сходство между ее характером и некоторыми обстоятельствами ее жизни и Дездемоны поразило некоторых критиков и заслуживает внимания. И Мольер, и Драйден подражали "Амфитруо" Плавта, но нельзя сомневаться, что пьеса римлянина - самая чистая из трех, а пьеса англичанина - самая нечистая, и что характер Алкмены не улучшен Мольером, если не ухудшен, и уж точно ухудшен обработкой Драйдена. У Плавта есть еще одна жена, чей характер очень красив, насколько мы можем судить. В начальных сценах "Стихий" появляются две замужние сестры, носящие имена Панегирис и Пинация в старых изданиях, но Филумена и Памфила в амброзианском палимпсесте. Их мужья долгое время не виделись с ними, и отец считает, что теперь они могут взять их под свою защиту и снова выйти замуж в соответствии со свободой, разрешенной законом в случае исчезновения мужей. Памфила (Пинация) сильно привязана к своему мужу и отказывается. Она призывает сестру хранить верность: - "По-моему, это разумно.

"По моему мнению, разумно, чтобы все мудрые люди соблюдали и исполняли свой долг. Поэтому я, хотя и младше тебя, предупреждаю тебя, чтобы ты помнила о своем долге; и если наши мужья будут нечестивы и будут поступать иначе, чем подобает, тем более, Поллукс, нам следует помнить о том, чтобы исполнять свой долг с силой и твердостью"[245].

Она решает быть твердой и по отношению к отцу, но в то же время, поскольку она искренне привязана к нему и уважает его авторитет, она не прибегнет ни к каким другим средствам, кроме искренней мольбы. К сожалению, Памфила исчезает из пьесы после вступительных сцен, а если она и появлялась вновь, то эта часть пьесы была потеряна.

Есть еще одна свободная женщина, которая заслуживает особого внимания, - жрица храма Венеры в "Руденсе". Жрицы, как заметил Бенуа, имели гораздо большую свободу

передвижения, чем обычные матроны, и могли появляться на публике во многих случаях, в которых другие не могли. Когда Палестра и Ампелиска бегут в ее храм в поисках убежища, она с удивлением обнаруживает, что они пришли не в белых одеждах и не с жертвами, как положено посетителям храма; но не успевает она узнать истинное положение дел, как вспоминает о милосердии, а не о жертвах, и радушно принимает их. Всеми силами она будет защищать и помогать им.

"Не думаю, - говорит о ней Ампелиска, - что я когда-либо видела старую женщину, более достойную благословения богов и людей. Как ласково, откровенно, почтительно и безропотно она принимала нас - дрожащих, нуждающихся, мокрых, потерпевших кораблекрушение и падающих в обморок, - не иначе как своих собственных дочерей. Как она заправляет свое платье и сама греет воду, чтобы мы могли искупаться"[246].

Истинно христианская женщина, а не просто, как говорит Бенуа, "*Fere Christiana et Christianis sensibus animata*".

Второй класс женщин был практически изгоем в обществе, и они знали это и вели себя соответственно. Некоторые из них могли заниматься прядением и другими женскими занятиями, но многие были либо определенно выделены работоторговцами для удовольствия мужчин, либо занимались торговлей как самым легким средством существования. Очень часто они стремились обрести свободу, и благодаря своему влиянию на любовников им это часто удавалось. Но они не могли выйти замуж и поэтому продолжали жить той жизнью, которой их учили, или торговали девушками-рабынями. Весь образ жизни таких женщин не мог не огрублять их. А некоторые из персонажей, которых приводит Плавтус, отличаются самой грубой жестокостью и полным и неисправимым эгоизмом. Они смотрят на мужчин как на своих жертв. Мужчины - это овцы, которых они должны опутать. Куртизанка, которая мечтает хранить верность одному мужчине, просто глупа. У нее должны быть деньги. Как только мужчина разорится, его нужно выставить за дверь, а следующий богатый идиот, который придет, будет обманут таким же образом. Подобные настроения присущи всему классу, но есть и оттенки различий в характерах. Некоторые из них абсолютно меркантильны. У них нет сердца, и они знают и допускают, что у них его нет. Они любят грубые выражения. Они сильно пристрастились к вину и почти ничем не интересуются. Другие, напротив, любят одного человека, пока у него есть деньги. Они культурны и остроумны. Они умеют хорошо одеваться и изучили все искусства, способные привлечь внимание. Они умеют устраивать милые званые вечера; они интересуются своими служанками; они испытывают добрые чувства к тем, кто их воспитал. Но в портрете Плавта все еще присутствует радикальная черствость сердца. Они эгоистичны до мозга костей, любят наряжаться, склонны к вину и, вероятно, закончат жизнь, как и другие, став свободными, пьяницами и торговцами молодыми девушками-рабынями[247].

Есть один любопытный и примечательный ряд исключений из этой деградации. Греки смотрели на этих изгоев общества очень дружелюбно. Они признавали, что именно судьба поставила их в те сложные обстоятельства, с которыми им приходилось бороться. И если эти женщины оказывались наделены большими умственными способностями или были особенно приятны, греки выбирали их в спутницы жизни, а если не могли сделать их своими женами, то относились к ним как к таковым и были очень добры к ним. Так Перикл жил с Аспазией, а Софокл - с матерью отца своего любимого внука. Но у Плавта нет ни одного случая подобной связи. Однако среди девушек-рабынь есть три или четыре прекрасные героини - Селениум, Планезий, Адельфазий и Палестра. Они скромны и добродушны. Они

хотят жить с одним мужчиной. Подобно Мире из "Даниэля Деронды", они живут в дурном обществе, подвергаются любым искушениям, но чудесным образом остаются непорочными. М. Бенуа, вероятно, тронутый состраданием, считает, что Палестра - самая прекрасная из этих героинь. Мы же склонны отдать пальму первенства Адельфазии из "Пинула", хотя, возможно, она несколько чопорна, потому что мы можем судить о ней лучше, так как пьеса дает больше возможностей для развития ее характера. Все эти девушки в конце концов оказываются свободнорожденными. Они были выставлены напоказ или украдены в раннем детстве. Опылятельные знаки сопровождают их в странствиях. И наконец счастливый отец узнает свое давно потерянное дитя, а влюбленный приходит в восторг от мысли, что может жениться.

Таковы были девушки, в которых должны были влюбляться молодые греки и молодые римляне, и они влюблялись. Но эта любовь редко была чем-то иным, чем безумной, упрямой и даже звериной страстью. Римляне редко встречались с такими женщинами, которые могли бы воплотить в жизнь прекрасное замечание Стила: "Любить ее было либеральным образованием". И действительно, римляне, похоже, смотрели на любовь как на один из тех приступов, которые настигают человека раз или два в жизни, и которые, как слишком много вина, заставляют его шататься и шататься некоторое время, а затем оставляют его в более зрелые годы более спокойным и равнодушным человеком. Подобные любовные интриги происходят почти в каждой пьесе Плавта. Есть три пьесы, в которых нет ни одного женского персонажа - "Каптиви", "Псевдолус" и "Тринуммус"; но даже в двух из них присутствует любовь. Во второй вся пьеса посвящена приобретению куртуазной девушки, а в "Тринумме" Лесбоник потерял свое имущество из-за любви, а Лиситель произносит одну или две длинные речи о гибели, которая постигает влюбленных.

Некоторые авторы приводили множество отрывков из Плавта, чтобы показать, что он не считал дурным тоном для молодого или даже для старого человека, в редких случаях, заводить интриги с этими куртезанками. [248](#) Этот факт нельзя отрицать. Но верно и то, что Плавт единообразно представляет жилища этих женщин как пасть разорения. В "Трукуленте" во всей красе представлен крайний эгоизм этого класса. Молодой человек Диниарх тратит на них свои средства, разоряется и не получает от них никакой жалости. А праведный педагог Лид в "Вакхидах" описывает дом придворных в выражениях, которые могли бы подсказать Данте его надпись над порталами ада. "Разблокируйте и быстро откройте эти врата ада (Orcus), умоляю вас, ибо я не считаю их иными, ибо сюда не приходит никто, кроме того, кого покинули все надежды быть добродетельным"[\[249\]](#).

Мы можем взглянуть на то, как проходили занятия любовью в те дни. Гастон Буассье считает, что Плавт особенно счастлив в изображении чувств влюбленного. Он ссылается на отрывок из "Куркулиона", где юноша Федромус обращается к двери дома своей возлюбленной:[\[250\]](#)

"Pessuli, heus pessuli, vos saluto lubens,
Vos amo, vos volo, vos peto atque opsecro,
Gerite amanti mihi morem amoënissumi;
Fite caussa mea ludii barbari,
Sussulite, opsecro, et mittite istinc foras,
Quæ mihi misero amanti exhibit sanguinem,

Hoc vide ut dormiunt pessuli pessumi

Nec mea gratia conmovent se ocius".

Или язык Диниарха, когда появляется Фронезий:[251]

"Ver vide

Ut tota floret, ut olet, ut nitide nitet".

Он утверждает, что такие отрывки оправдывают мнение Юлия Стило, что если бы музы хотели говорить на латыни, они бы использовали язык Плавта.

Я процитирую два отрывка, в которых Плавт изображает занятия любовью. Первый - из "Асинарии" (664), в нем приводятся эпитеты, которые женщины использовали по отношению к мужчинам.

Рабу Леониду удалось завладеть суммой денег, которую требует девушка-рабыня, чтобы ей разрешили беседовать с молодым хозяином. Раб осознает свою власть над девушкой и хочет подразнить ее, скрыв от нее деньги на некоторое время. Поэтому она говорит ему: - "Дай мне деньги, мой дорогой.

"Отдай мне деньги, мой милый глазок, моя роза, моя душа, мой восторг: не разлучай нас, влюбленных, умоляю тебя".

"Леон. Назови меня своим воробьем, птенцом, перепелкой, ягненком, малышом или теленком. Просто бери меня за маленькие ушки и прижимай маленькие губки к маленьким губкам".

И так раб продолжает баловаться с ней. Последнее выражение я, кстати, могу пояснить. Оно относится к любопытному способу поцелуя, который практиковали греки и римляне. Когда человек хотел сердечно поцеловать свою возлюбленную, он брал ее за уши и проделывал эту операцию с большим удобством и сердечностью. Другая рабыня, партнерша Леонида, после этого просит ее называть его другими приятными именами. Девушка обращается к нему: "Мой Либанус, мой золотой глазок, дар и слава любви, если тебе угодно, я сделаю все, что ты пожелаешь: только дай мне денег". "Тогда, - говорит он, - называй меня своим утенком, своим голубем, своим щенком, своей ласточкой, своей галкой, своим маленьким воробьем, своим мальчиком". Таковы были ласковые эпитеты, которыми молодые женщины обращались к молодым мужчинам. Теперь о тех, что адресовали молодым женщинам молодые люди. В сцене, которую я приведу, молодой человек попросил своего раба попытаться добиться расположения девушки-рабыни, которая ему очень понравилась. Раб немедленно приступает к работе. Юноша Агорастокл спрашивает раба Мильфио:[252]

"Почему эта девушка сердится на меня?

"Мил. Почему эта девушка сердится на тебя? Какое мне до этого дело? Это же твоя забота.

"Аг. Клянусь Геркулесом, ты можешь утопиться, если не сделаешь ее такой же спокойной, каким было море, когда галкин выводил на него своих юнцов".

"Мил. Что же мне делать?

"Аг. Уговаривай ее, умасливай, гладь.

"Мил. Я сделаю это осторожно. Только позаботьтесь о том, чтобы после этого не наброситься с кулаками на человека, который сейчас выступает в роли вашего посла.

"Аг. Не буду".

Девушка говорит, обращаясь к Агорастоклу

"Теперь пойдем. Ты все еще колеблешься? Ты даешь большие обещания, но из них никогда ничего не выходит. Ты клялся освободить меня не раз, а сто раз: увы, я все еще рабыня".

Стыдливый любовник произносит печальное восклицание: - "Я не знаю, что делать.

"Все кончено, эх!"

И тогда, вспомнив о своем посланнике и представителе, он обращается к Мильфио: - "О чем ты?

"Что ты задумал, Мильфио?"

Мильфио начинает атаку следующим образом

"Мой восторг, моя дорогая, моя жизнь, мое удовольствие, мой маленький глаз, мои маленькие губы, мое здоровье, мой поцелуй, мой мед, мое сердце, мое сладкое новое молоко, мой маленький мягкий сыр".

Агорастокл не может этого вынести и говорит сам себе: - "Неужели я буду терпеть все это?

"Неужели я должен терпеть, что в моем присутствии говорят такие вещи? Меня замучают, если я не прикажу отвести его к палачу".

Мильфио продолжает: - "Не терпите.

"Не сердитесь на моего господина, умоляю вас. Если я не сделаю этого - теперь я вижу, что вы сердитесь, - я уверен, что он освободит вас".

"Девушка. Почему вы меня не отпускаете? Что вы имеете в виду?

"Мил. Если мой хозяин раньше играл с вами нечестно, то после этого он будет с вами честен.

"Девушка. Отпустите меня.

"Мил. Я уйду, но только при одном условии: позвольте мне умолять вас, позвольте мне схватить вас за уши, позвольте мне поцеловать вас. Клянусь Геркулесом, я заставлю его плакать, если не сделаю вас милосердным. И я боюсь, что он меня крепко отлупит, если я не привлеку вас к себе. Я знаю дурные привычки этого вспыльчивого человека. Поэтому, моя прелесть, прошу тебя, уступи мне".

Агорастокл в ярости обращается к Мильфию: - "Я не стою и фarta.

"Я не стою и фартинга, если не выбью этому негодю глаза и зубы. Вот тебе удовольствие [наносит удар]! Вот тебе мед! Вот тебе сердце! Вот тебе губы! Вот тебе здоровье! Вот тебе поцелуй!

"Мил. О, господин; вы совершаете святотатство, избивая своего посла.

"Аг. Вот тебе еще немного [прижимается к нему]. Я отдам тебе и глаз, и губу, и язык.

"Мил. Что же ты будешь делать?

"Аг. Разве я не приказал тебе умолять ее?

"Мил. Как же я должен это сделать?

"Аг. Что ты, негодяй, ты должен был сказать: "Восторг этого человека, умоляю тебя, его мед, его сердце, его маленькие губы, его язык, его поцелуй, его сладкое новое молоко, его приятное здоровье, его веселье, его сладкий маленький сыр", ты, плетеный пес; "его сердце, его желание, его поцелуй", ты, плетеный пес. Все, что ты назвал своим, ты должен был назвать моим".

Мильфио сразу же выполняет его указания и обращается к девушке-рабыне: - "Клянусь Геркулесом!

"Клянусь Геркулесом, его благоволение и моя ненависть, его самый дорогой и любимый друг, мой враг и недоброжелатель - его глаз, мой блеск, его мед, мой уксус. Не сердись на него, а если это невозможно..."

Девушка останавливает его и говорит: - "Возьми веревку и повесься на ней.

"Возьми веревку и повесься вместе со своим хозяином и товарищами по рабству".

"Мил. Не выйдет. Мне придется жить на каше, а теперь носить спину, испещренную, как устрица, следами от ударов плетью, и все из-за твоей любви".

И вот бедный Мильфио отказывается от занятий любовью как от плохой работы.

ГЛАВА III.

ЖЕНЩИНЫ В РИМСКИЙ ПЕРИОД.

(1) ЖЕНЩИНЫ МАЛОЙ АЗИИ.

Информация об этих женщинах содержится в надписях, которые были собраны в различных городах и провинциях Малой Азии. М. П. Парис собрал все факты, которые можно получить из этих надписей, в своей диссертации "Quatenus feminae res publicas in Asia Minore, Romanis imperantibus, attigerint, Parisiis, 1891". М. Парис склоняется к мысли, что в императорские времена на магистратуры не возлагалось никаких важных обязанностей, кроме религиозных, и поэтому женщины вполне могли их выполнять. Если у них и были гражданские обязанности, то, по его мнению, их не просили их исполнять. В этом мнении он во многом руководствуется своим представлением о том, что должна делать женщина, но в конце своей диссертации он вынужден признать, что женщины принимали участие в политических и гражданских делах, хотя они и не были для них обязательными. Он допускает, что по крайней мере одна женщина выполняла все обязанности магистрата. Надпись, фиксирующая этот факт, выглядит следующим образом: "Сенат и народ почтили Аурелию Хармасту, также называемую Терцией, дочь Медона и целомудренную жену Артема, из высшего рода,

которая выступала в качестве жрицы Геры-царицы, и демиургом, и главным жрецом, и делала все, что обычно в таких случаях". Aur. Артемий Дилейтриан Артеймас, ее муж, воздвиг статую"[253] Демиургом был один из главных магистратов.

М. Парис обращает особое внимание на эти надписи, обнаруженные им самим и М. Раде в Силлиуме, в которых восхваляется женщина по имени Менодора. Первая надпись начинается: "Сенат и народ почитали ее как жрицу всех богов, пожизненного иерофанта и декапрота, а также как демиургоса и гимнасиарха". Далее в надписи подробно описываются необычные дары, которые она преподнесла своему родному городу, в том числе крупную сумму на содержание детей. Две другие надписи имеют схожий характер.

М. Парис не может найти иного объяснения активности женщины в Азии, кроме как измененное и пришедшее в упадок состояние дел в этой стране во времена Римской империи. Но примечательно, что матриархат существовал в Ликии дольше, чем в большинстве мест[254].

(2) РЕЧЬ АВГУСТА О БРАКЕ.

Мнения, выраженные в речи Августа, можно найти в ряде работ о браке, которые появились со времен Зенона до Либания. Все они сходились на том, что вступать в брак - обязанность каждого гражданина, и приводили почти те же причины, что и Август. Небольшое исключение сделал Теофраст, который пришел к выводу, что философу не следует жениться из-за путаницы и отвлекающих факторов, которые брак обычно приносит с собой. Поскольку большинство философов, писавших на тему брака, были стоиками, Праехтер предполагает, что в самый ранний период стоицизма брак стал предметом регулярного обсуждения, и таким образом общие места школы передавались от одного к другому. Бок, напротив, считает, что инициатива принадлежит Аристотелю.

Клеменс Александрин использовал стоические материалы, особенно труды Мусония, но отличался от стоиков тем, что считал, что мужчины не обязаны жениться: брак был законным и полезным, но не обязательным. Он соглашался с Зеноном,[255] Мусонием, Плутархом и другими писателями в том, что женщины должны получать такое же образование, как и мужчины, с учетом особенностей женской физической конституции[256].

Праехтер приводит список различных писателей, обсуждавших вопросы брака[257].

(3) ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКИ.

Женщины с ранних времен пытались лечить болезни, и в Гомере особо упоминается Гекамеда, которая смешивала снадобья. В послегомеровские времена часто упоминаются повитухи и их искусство, и, несомненно, некоторые женщины посвятили себя полному изучению медицины, практиковали это искусство, когда у них была возможность, и способствовали развитию медицинской науки. Мелани Липинска написала интересный рассказ об этих женщинах. История в труде, носящем имя Гигина (*Hygini Fabulæ*),[258] написанном, вероятно, во времена правления Августа, с более поздними интерполяциями, доказывает, что во времена его создания считалось, что в Греции женщины занимались врачеванием. В басне говорится, что кентавр Хирон впервые основал искусство хирурга из трав, Аполлон впервые ввел лечение глаз, а Асклепий открыл клиническую медицину. Древние, говорится далее, не имели повитух, из-за чего женщины из-за скромности погибли, так как афиняне постановили, что ни одна рабыня или женщина не должна обучаться врачебному искусству. Одна девушка по имени Агнодис пожелала научиться этому искусству

и, отрезав волосы и надев мужское платье, отправилась к человеку по имени Иерофил и научилась у него этому искусству. После этого она случайно услышала, как женщина плачет в родовых муках, и подошла к ней. Женщина отказалась от предложенной ей помощи, так как подумала, что Агнодис - мужчина, но Агнодис сразу же дала ясное доказательство своего пола, и ей позволили исцелить ее. Каким-то образом об этом узнали афинские женщины, и к Агнодике постоянно обращались за помощью. Врачи были в ярости от ее успеха, так как женщины, конечно, отказали им в приеме, и обвинили ее перед Ареопагом в развращении пациентов; Агнодику осудили бы, если бы она не сняла мужскую одежду перед судьями и не доказала свой пол. Но врачи только еще больше разгневались. Тогда главные женщины Афин пришли в суд и сказали: "Вы не мужья, а враги, потому что осуждаете ту, которая спасла нам жизнь". Тогда афиняне изменили свой закон, сделав законным обучение свободнорожденных женщин врачебному искусству.

(4) ЖЕНЩИНЫ В ЕГИПТЕ.

В полном обзоре влияния женщин в древние времена необходимо упомянуть о замечательной группе женщин, появившихся в Македонии, Эпире и особенно в Египте примерно с 333 года до н. э. и до начала христианской эры. Эти женщины принимали видное участие в государственных делах. Некоторые из них возглавляли армии и лично сражались на поле боя. Они вступали в союзы, вели бесконечные интриги и обладали огромной властью. Но все они были членами королевских семей, женами или дочерьми царей и часто назывались царицами. Юстин говорит об одном царствовании, что правительство осуществлялось от имени сына, но власть принадлежала матери. В Египте женщины из царской семьи постоянно пытались участвовать в государственных делах. И в конце концов им удалось одержать верх. Самая знаменитая из них, Клеопатра VII, хотя и правила номинально вместе со своим братом, была верховной правительницей и обладала всеми правами абсолютной властительницы, как говорит Штрак, в течение многих лет держала в руке скипетр Египта и направляла руль государственного корабля по своему усмотрению.

Но общественное влияние этих женщин не разделяли те, кто не принадлежал к царским семьям. И история их жизни собрана из несовершенных известий и от историков, не претендующих на безусловное доверие.

Хельбиг был одним из первых, кто обратил внимание на этот предмет. Роде расширил свои заметки с помощью критического анализа; подробности можно найти у Дройзена, Махаффи и Штрака. Прекрасный отчет о положении женщин в птолемеевском Египте дает мисс Рейчел Эвелин Уайт в своей статье в "Журнале эллинских исследований"^[259]. Махаффи дает справедливое представление о природе и сложности предмета в своих замечаниях о Клеопатре:^[260] "Нам еще предстоит сказать о младшей Клеопатре, сестре этой царицы, которая провела свою жизнь в Египте. Когда современные люди удивляются дерзости последней из этой серии, забальзамированной в прозе Плутарха и стихах Шекспира, они редко знают или задумываются о том, что она была лишь последней из длинного ряда принцесс, возможно, красивых и опытных, безусловно, дерзких и беспринципных, каждый день своей жизни проживавших в страстях любви, ненависти, ревности, честолюбия, властвовавших над людьми или погибавших в попытках. Но, увы, кроме тусклых и безжизненных изображений на монетах, у нас нет ни портретов этих ужасных личностей, ни анекдотов об их умиротворяющих моментах, ни средств отличить одну Клеопатру от других, среди каталога отцеубийств, кровосмешений, изгнаний, утрат!"

Недавно обнаруженные папирусы проливают много нового света на положение женщин в Египте, но некоторые сложные вопросы не будут решены до тех пор, пока не будут сделаны

новые открытия папирусов. Особенно сложно определить, что является чисто египетским, а какие изменения были внесены греческими и римскими обычаями. Некоторые моменты, однако, совершенно ясны. Так, например, несомненно, что браки между братом и сестрой были обычным делом, и такое соглашение считалось особенно подходящим, когда речь шла о наследовании имущества. Брак сестры с братом сглаживал ситуацию. В дошедших до нас брачных контрактах также повсеместно допускается, что права женщин защищены и жена занимает выгодное положение. "Преобладание, - говорит Руджеро, - мужчины над женщиной, намек на такую идею на самой ранней стадии, любой намек, в общем, на супружескую власть полностью отсутствуют"[261].

Существовало два вида брака, ἄγραφος γάμος и ἔγγραφος γάμος, брак без полного письменного договора и брак с полным письменным договором. Первый похож на шотландский брак, когда стороны соглашаются вступить в брак и жить друг с другом, но не делают полных оговорок относительно имущества и детей. Относительно этой формы информация недостаточна, и мнения ученых расходятся в отношении некоторых ее деталей.

ἔγγραφος γάμος подразумевал полностью оформленный брачный контракт. В нем прямо упоминаются приданое и средства для содержания жены, а также условия расторжения брака в отношении имущества и часто детей. Ранние египтяне, по-видимому, не составляли завещаний, и в брачных контрактах они воплощали суть того, что могло бы быть их завещаниями.

Брак был чисто гражданским договором. Каждая сторона вступала в брак без каких-либо ограничений, и каждая сторона могла аннулировать контракт и тем самым расторгнуть брак. В строгом смысле этого слова развода быть не могло. Для расторжения брачного договора не требовалось никакого судебного решения. Примечательно, что во всех дошедших до нас документах, аннулирующих брачные контракты, не упоминается причина, которая привела к аннулированию договора. Лишь однажды высказывается предположение, что "какой-то злой даймон" мог лежать в основе этого.[262] Порядок расторжения брачных контрактов решительно настроен в пользу жены. Нитцольд, подробно описав условия, изложенные в таких документах, говорит: "Согласно всем этим договоренностям, жена занимает очень выгодное положение. Она абсолютно ничего не теряет при разводе, даже если она виновна".

Читатель может составить представление о том, что входило в обычный брак, из брачного контракта, который, с разрешения доктора Гренфелла, я привожу в качестве примера. Это договор (92 г. до н. э.), относящийся к периоду правления Птолемея, когда греческое влияние было очень сильным, но в то же время он хорошо отражает содержание всех египетских договоров. Он содержится в "Папирусах Тебтуниса", часть 1, с. 452.

"22-й год, Мехейр 11. Филиск, сын Аполлония, перс из Эпигона, признает Аполлонию, также называемую Келлаутис, дочь Гераклида, перса, с ее опекуном, ее братом Аполлонием, что он получил от нее в медных деньгах 2 таланта 4 000 драхм, сумму приданого для Аполлонии, согласованную с ним..... Хранителем договора является Дионисий".

"В 22-й год царствования Птолемея, называемого также Александром, бога Филометора, в священство жреца Александра, а остальное, как написано в Александрии, 11-го числа месяца Ксандика, которое есть 11-е число Мехира, в Керкеосирисе в подразделении Полемона из нома Арсиноитов. Филиск, сын Аполлония, перса, из Эпигона, признает Аполлонию, называемую также Келлаутис, дочь Гераклида, перса, с ее опекуном, ее братом Аполлонием, что он получил от нее в медных деньгах 2 таланта 4 000 драхм, приданое за Аполлонию, согласованное с ним. Аполлония должна оставаться с Филиском, повинувшись ему, как жена должна мужу, и владея их имуществом совместно с ним. Филиск должен

обеспечивать Аполлонию всем необходимым, одеждой и всем, что приличествует супругу, будь он дома или за границей, насколько позволит их имущество. Филиску не дозволяется ни приводить другую жену, кроме Аполлонии, ни держать наложницу или любовницу, ни заводить детей от другой женщины при жизни Аполлонии, ни жить в другом доме, где Аполлония не хозяйка, ни изгонять ее, ни оскорблять, ни жестоко обращаться с ней, ни отчуждать что-либо из их имущества в ущерб Аполлонии. Если будет доказано, что он делает что-либо из этого, или не снабжает ее предметами первой необходимости, одеждой и прочим, как уже было сказано, Филиск должен немедленно лишить Аполлонию приданого в 2 таланта 4 000 драхм меди. Точно так же Аполлония не должна без согласия Филиска проводить ночь или день вне дома Филиска, или вступать в связь с другим мужчиной, или разорять общее хозяйство, или навлекать на Филиска позор в чем-либо, что причиняет позор мужу. Если Аполлония по своей воле захочет разойтись с Филиском, то Филиск должен возвратить ей неполное приданое в течение десяти дней с того дня, как потребует его обратно. Если же он не вернет его, как было сказано, то немедленно лишится полученного приданого, увеличенного на половину. Свидетели: Дионисий сын Патрона, Дионисий сын Гермаиска, Теон сын Птолемея, Дидим сын Птолемея, Дионисий сын Дионисия, Геракл сын Диодоса, все шесть македонян Эпигона; хранитель договора - Дионисий. (Подпись) Я, Филиск, сын Аполлония, перс Эпигона, подтверждаю получение приданого, 2 талантов 4 000 драхм меди, как написано выше, и буду поступать в отношении приданого так... Я, Дионисий, сын Гермаиска, вышеупомянутого, писал за него, так как он был неграмотен. Я, Дионисий, получил договор, который является действительным. Зарегистрирован в 22-м году, Мехир 11".

ГЛАВА IV.

ЖЕНЩИНЫ В ДО-НИКОНОВСКИЙ ПЕРИОД.

(1) ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА ЖЕНЩИН.

Одно из самых последних высказываний на этот счет содержится в книге епископа Вордсворта "Служение благодати". Он говорит:[263] "Из всех революций, привнесенных христианством в социальную жизнь человечества, новое положение женщин было, пожалуй, самым замечательным и самым плодотворным по результатам". Зшарнак, написавший, безусловно, самую обстоятельную книгу на эту тему, высказывается гораздо осторожнее.[264] "Во-первых, - говорит он, - нельзя доказать, что только христианству принадлежит честь эмансипации женщин и реализации истинной концепции брака; скорее Греция и общественные отношения в Риме в немалой степени подготовили путь в этом вопросе, как и в вопросе об эмансипации рабов. И, во-вторых, не следует упускать из виду, что так называемое (христианское) понимание брака отнюдь не привело к тому, чтобы сразу и повсеместно отбросить античность."

(2) КАЛЛИСТУС.

Епископ, о котором идет речь, - это Каллист, который был епископом Рима с 218 по 223 год. Ипполит в своем "Опровержении всех ересей" обличает его как отъявленного негодяя. Среди прочих обвинений он упрекает его за мнения и поведение в отношении браков.[265] "Этот человек, - говорит он, - издал указ, согласно которому, если епископ виновен в каком-либо грехе, пусть даже в грехе, ведущем к смерти, он не должен быть низложен. В его время епископов, священников и дьяконов, которые были дважды и трижды женаты, стали

назначать в их орден. Если же кто-либо из духовенства женится, то он постановил, чтобы такой человек оставался в клире как не согрешивший".

Далее он продолжает: "А слушатели Каллиста, прельстившись его постановлениями (доктринами), продолжают заблуждаться сами и многих других, толпами стекающихся к месту его учения. Поэтому их число увеличивается, они хвалятся своей многочисленностью, благодаря удовольствиям, которые не были разрешены Христом, Которого презирают, они не воздерживаются ни от какого греха, утверждая, что прощают тех, кто доволен его (Каллиста) мнениями. Ведь он даже разрешал женщинам *высокого положения*, если они не были замужем и *сгорали от страсти в течение всей жизни и если они не были склонны терять свое звание через законный брак*, иметь одного мужчину, которого они могли выбрать в качестве сожителя, будь то раб или свободный, и считать его вместо мужа, хотя она не была замужем за ним законным образом. Отсюда женщины, считавшиеся верующими, стали прибегать к снадобьям, вызывающим бесплодие, и обвязываться, чтобы изгнать зачатое, потому что не желали иметь ребенка ни от рабыни, ни от подлого человека, из-за родственных связей и чрезмерного богатства. Вот до какого великого нечестия дошли эти беззаконники, уча прелюбодеянию и убийству одновременно, и при этом, после столь дерзких поступков, они, потеряв всякий стыд, пытаются называть себя католической церковью".

Печатная часть, выделенная курсивом, основана на измененном тексте. Принятый текст - это текст, предложенный аббатом де Хиром и одобренный де Росси. В нем воплощены поправки нескольких критиков и содержится наименьшее количество изменений. Но хотя текст испорчен, общий смысл не вызывает сомнений. Каллист требовал для женщин привилегий, которые предоставлялись мужчинам. Сенаторам не разрешалось вступать в законный брак с вольноотпущенницами, но они могли иметь их в качестве наложниц. Каллист предоставил аналогичную свободу женщинам из сенаторских семей. Эти женщины не могли выйти замуж за свободного человека, который был актером или чьи отец или мать были актерами, не могли выйти замуж за вольноотпущенника, и ни один римлянин не мог жениться на рабыне. Если они вступали в брак с такими людьми в любой форме, то такой брак считался недействительным. Но Каллист объявил, что постоянный союз сенаторской женщины с мужчиной из более низкого сословия или с рабом является настоящим браком, несмотря на закон. Возможно, он расширил это разрешение и объявил, что любой постоянный союз между одним христианином и другим является настоящим браком. Он мог рассуждать, что брак между двумя людьми, которые являются гражданами неба, так же действителен, как и брак между двумя гражданами Рима, и если он заключен с санкции епископа и церкви, то не имеет значения, соответствует ли он римскому закону или нет. Таким образом, сенатор мог жениться на вольноотпущеннице или рабыне, хотя по закону такие браки считались недействительными. Не исключено, что *lex de maritandis ordinibus*, запрещающая сенаторам жениться на вольноотпущенницах, не содержал особых указаний относительно брака дочерей сенаторов.^[266] Но когда некоторые из них становились христианами, им становилось трудно жениться в своем звании, и, приняв христианские идеи братства и равенства всех людей перед Богом, они вступали в союз с запрещенными классами. Если бы какая-нибудь из них заключила союз с новообращенным актером, с новообращенным сыном актера или с рабом, ее поведение вызвало бы крайнее негодование аристократического сословия. Возможно, некоторые подобные случаи побудили Марка Аврелия заняться этим вопросом - ведь закон, запрещающий дочерям, внучкам и правнучкам сенатора выходить замуж за вольноотпущенника, впервые прозвучал в речи этого императора, за которой последовал декрет сената^[267].

Утверждения Ипполита о мотивах, побуждавших сенаторских женщин выходить замуж за актеров, вольноотпущенников или рабов, можно считать просто клеветой. Сенаторские женщины могли законно выходить замуж за мужчин конного или плебейского звания, но они и их дети принимали звание мужа, и на них распространялись договоры, связанные с браком. Если же они выходили замуж за актера, вольноотпущенника или раба, то это не было законным браком, не было договора, не было потери звания или имущества. Такие браки имели свои недостатки. Дети были незаконнорожденными, и муж мог в любой момент отказаться признать свою жену. Кроме того, если женщина не потеряет свой ранг юридически, то, несомненно, от нее отрекутся все ее друзья-аристократы. Поэтому не было большого соблазна заключать такие браки.

Аллард[268], как добрый католик, утверждает, что папа Каллист, издавая подобные декреты и объявляя такие союзы законными перед Богом, громко провозглашал различие между гражданским и религиозным правом и независимость христианского брака. Но хотя вполне вероятно, что многие христиане в ранний период христианства были согласны с мнением Каллиста, тем не менее, нигде нет никаких определенных заявлений об этом, и Каллист является уникальным в этом вопросе в первые три века. Отрывки, приведенные Аллардом, ничего не доказывают. В Послании к Поликарпу, [269] приписываемом Игнатию, есть слова: "Мужчине и женщине, вступающим в брак, подобает заключать свой союз с согласия епископа, чтобы брак был по Господу, а не по похоти". Но здесь, как и во всех других приведенных отрывках, ничего не говорится о природе брака. Конечно, Ипполит самым резким образом высказывается против Каллиста, и вполне вероятно, что Каллист - это тот человек, на которого нападает Тертуллиан в своем "De Pœnitentia". Аллард вынужден признать, что законодательство христианских императоров не следовало предложениям Каллиста. С законами можно ознакомиться в главе Бингема о препятствиях к браку в его "Древностях христианской церкви"[270].

Хотя Ипполит очень суров к Каллисту, он говорит о Марсии, наложнице Коммода, как о "боголюбивой наложнице"[271]. Он утверждает, что Каллист был рабом, и если бы это было так, то собственный опыт епископа стал бы сильным стимулом для его действий[272].

БИБЛИОГРАФИЯ.

Это не библиография в строгом смысле этого слова. Она не стремится к полноте. Это список работ, специально относящихся к теме книги, которые были использованы при ее составлении и пересмотре, и в него включены только те трактаты, в которых сделан определенный вклад в разъяснение важных моментов. Я опустил значительное количество программ, которые, как мне кажется, никоим образом не способствуют развитию наших знаний. Я также опустил большое количество учебников и таких книг, как "Хариклы" и "Галлус" Беккера, "Жизнь греков и римлян" Гуля и Конера.

Существует большое количество книг, посвященных истории женщины в целом, например, книги Александра и лорда Кеймса. Я включил книгу мистера Лекки в свой список, потому что в ней упоминается большинство работ этого класса. Существует также множество книг, посвященных истории брака. В исчерпывающем труде мистера Ховарда есть полная библиография на эту тему. Те, кто интересуется Сапфо, найдут список книг в издании

Уортон, хотя, конечно, он не включает в себя последние сборники греческих лирических поэтов, такие, как у Фарнелла и Смита. Откровения, сделанные в папирусах Египта, вполне заслуживают внимания ученых. Перечисление брачных контрактов, содержащихся в папирусах, можно найти в "Nietzold", p. 26. Г-да Гренфелл и Хант замечательно обсудили вопросы, возникающие в связи с брачными документами. Оглавления и указатели в их издании папирусов делают их доступными для ученого без труда.

Achelis, N.-Virgines subintroductae. Ein Beitrag zum VII Kapitel des I. Korintherbriefs.-8vo, Leipzig, Hinrichs 1902.

Aristophanes.-Specimen literarium inaugurale de Aristophane Euripidis Censore, quod annuente summo numine, ex auctoritate Joh. Henr. Scholten, publico ac solemni examini submittet Johannes van Leeuwen....-8vo, Amstelaedami, Spin, 1876.

Armellini, T.-De prisca refutatione Haereseon Origenis nomine ac philosophumenon titulo recens vulgata Commentarius.-8vo, Romae, 1862.

Bachofen, J. J.-Das Mutterrecht. 2 te Aufl.-4to, Basel, Schwabe, 1897.

Backer, Louis de.-Le droit de la femme dans l'antiquite; Son devoir au moyen age.-12mo, Paris, Claudin, 1880.

Bader, Mlle. Clarisse.-La femme Grecque. Исследование античной жизни, 2-е изд., 2 тома.-12mo, Paris, Didier, 1873.

Bader, Mlle. Clarisse.-La femme Romaine. Исследование старинной жизни.- 8vo, Paris, Didier, 1877.

Bartsch, Dr. Robert.-Die Rechtsstellung der Frau als Gattin und Mutter.-8vo, Leipzig, Veit, 1903.

Becq de Fouquières, L.-Aspasie de Milet. Étude historique et morale.-12mo, Paris, Didier, 1872.

Bekker, Immanuel.-Homerische Blätter, 2 Bde.-8vo, Bonn, Marcus, 1863-72.

Бенеке, Э. Ф. М.-Антимах из Колофона и положение женщин в греческой поэзии.-12mo, Лондон, Зонненшайн, 1896.

Bennecke, Hans.-Die strafrechtliche Lehre vom Ehebruch in ihrer historisch-dogmatischen Entwicklung. Abth. I. Das römische, canonische und das deutsche Recht bis zur Mitte des 15 Jahrhunderts.- 8vo, Marburg, Elwert, 1884.

Benoist, L. E.-De personis muliebribus apud Plautum.-8vo, Massilia, Barile, 1862.

Blaze de Bury, Henri.-Les femmes et la société au temps d'Auguste.-12mo, Paris, Didier, 1876.

Blume, Ludwig.-Das Ideal des Helden und des Weibes bei Homer, mit Rücksicht auf das deutsche Alterthum.-8vo, Hölder, Wien, 1874.

Bock, Felix.-Aristoteles Theophrastus Seneca de matrimonio.-8vo, Lipsiae, Hirschfeld, 1898.

Bonwetsch, G. Nathanael.-Die Geschichte des Montanismus.-8vo, Erlangen, Deichert, 1881.

Böttiger, C. A.-Sabina; oder, Morgenszenen im Putzzimmer einer reichen Römerin.-2 th., 12mo, Leipzig, Göschen, 1806.

Brandt, P.-Sappho. Ein Lebensbild aus den Frühlingstagen altgriechischer Dichtung.-Leipzig, Rothbarth, 1905.

Brinkmann, Wilhelm.-Die Bedeutung der Frau für die sittlichen Aufgaben der Familie.-8vo, Berlin, Hertz, 1892.

Brohm, Rudolphus.-De jure virginum vestalium.-12mo, Thoruni, Grunauer, 1835.

Brouwer, P. van Limburg.-Histoire de le civilisation morale et religieuse des Grecs, tom. 4. Часть 2, Depuis le retour des Héraclides jusqu'à la domination des Romains, tom. 2.- 8vo, Groningue, Bockeren, 1838.

Bruns, Ivo.-Frauenemancipation in Athen, Ein Beitrag zur attischen Kulturgeschichte des 5 u. 4 Jahrhunderts.-8vo, Kiliae, Schmidt, 1900.

Buchholz, E.-Die Homerischen Realien, in 6 parts, Zweiter Band, Zweite Abtheilung, Das Privatleben der Griechen im heroischen Zeitalter, Auf Grundlage der Homerischen Dichtungen dargestellt.-8vo, Leipzig, Engelmann, 1883.

Buermann, H.-Drei Studien auf dem Gebiet des attischen Rechts.-8vo, Leipzig, Teubner, 1878.

Bunsen, Christian C. J.-Hippolytus and his age; or, the beginnings and prospects of Christianity.- 2nd ed., 2 vols. 8vo, London, Longmans, 1854.

Caillemet, E.-Le droit de succession légitime à Athènes.-8vo, Paris, Thorin, 1879.

Caspari, Otto.-Das Problem über die Ehe!-12mo, Frankfurt, Sauerländer, 1899.

Chasles, Philarète.-L'antiquité.-12mo, Paris, Charpentier, 1876.

Ciccotti, Ettore. Donne e politica negli ultimi anni della repubblica romana. Un saggio.- 8vo, Milano, 1895.

Comparetti, Domenico.-Saffo, nelle antiche rappresentanze vascolari.-4to, Estratto dal Museo italiano di antichità classica. (Vol. 2, Punt. 1 ^(a) a. 1886.)

Корнуоллис, Кэролайн Ф. Избранное из ее писем. Также некоторые неопубликованные стихи и т.д. - 8vo, London, Trübner, 1864.

Cruice, M. l'Abbé.-Études sur de nouveaux documents historiques.-8vo, Paris, Perisse, 1853.

Decker, Friedrich.-Über die Stellung der hellenischen Frauen bei Homer.-Square 8vo, Magdeburg, Friese, 1883.

De Vries, Scato.-Epistula Sapphus ad Phaonem.-8vo, Doesburgh, Lugd.-Bat., 1885.

Dobschütz, Ernst von.-Die urchristlichen Gemeinden, Sittengeschichtliche Bilder. Leipzig, Hinrichs, 1902.

Döllinger, J.-Hippolytus und Kallistus; oder, Die römische Kirche in der ersten Hälfte des dritten Jahrhunderts.-8vo, Regensburg, Manz, 1853.

Drerup, Engelbert.-Über die bei den attischen Rednern eingelegten Urkunden.-8vo, Leipzig, Teubner, 1898.

Droysen, Joh. Gust. Geschichte des Hellenismus, 2te Aufl., 3 th.-Gotha, Perthes, 1877-78.

Drumann, Wilhelm.-Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. 6 тл.-8vo, Königsberg, Bornträger, 1834-44.

Elliot, G. F. Scott, M.A.-A naturalist in Mid-Africa. Being an Account of a journey to the Mountains of the Moon and Tanganyika.- 8vo, London, 1896.

Es, A. H. G. P. van den.-Die jure familiarum apud Athenienses, libri tres.-8vo, Lugduni Batavorum, Brill, 1864.

Feithius, Everhardus.-Antiquitatum Homericarum, libri 4. Editio nova.- 16mo, Argentorati, Steinius, 1743.

Fêtes et courtisanes de la Grèce. Supplement aux voyages d'Anacharsis et d'Antenor ... 4me éd., tom. 1.-8vo, Paris, 1821.

Ficker, Dr. Gustav, &c.-Eltern-Abende.-8vo, Wien, Deuticke, 1903.

Финк, Х. Т.-Лотос в Японии, 2-е изд.-8vo, Лондон, Laurence & Bullen, 1896.

Forbiger, Dr. Albert.-Hellas und Rom. Populäre Darstellung des öffentlichen u. häuslichen Lebens der Griechen u. Römer.-2 bde. 8vo, Leipzig, Reisland, 1876.

Foucart, P.-Les grands mystères d'Éleusis: Personnel-Cérémonies.-4to, Paris, Klincksieck, 1900.

Friedlaender, Ludwig.-Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine, 5te Aufl.-Th. 1, 8vo, Leipzig, Hirzel, 1881.

Friedreich.-Realien in Iliade und Odyssee. S. 196 ff.

Фуртвенглер, Адольф. Шедевры греческой скульптуры. Серия очерков по истории искусства. Ed. by Eugénie Sellers.-London, Fol., 1895.

Гейдж, Матильда Джослин - Женщина, церковь и государство. Исторический рассказ о положении женщины в христианские века, 2-е изд.-8vo, Нью-Йорк, Truth Seeker Co., 1899.

Geffcken, Dr. Heinrich.-Zur Geschichte der Ehescheidung vor Gratian.-8vo, Leipzig, Veit, 1894.

Geppert, C. E.-Ueber den Ursprung der Homerischen Gesänge.-2 th. 8vo, Weigel, Leipzig, 1840.

Gide, Paul.-Étude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne et en particulier sur le sénatus-consulte velléien... 2me éd. par A. Esmein.-8vo, Paris, Larose et Forcel, 1885.

Glötz, Gustave.-La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce.-8vo, Paris, Fontemoing, 1904.

Grasberger, Lorenz.-Die Ephebenbildung; oder, Die musische und militärische Ausbildung der griechischen und römischen Jünglinge.-8vo, Würzburg, Stahel, 1881.

Gruppen, Christian Ulric.-Tractatio de uxore Romana.-12mo, Hanoverae, Foerster, 1727.

- Harnack, A.-Die Mission und Ausbreitung des Christenthums in den ersten drei Jahrhunderten.-8vo, Leipzig, 1902, 1st ed.; translated by Moffat, 2 vols. 8vo, London, 1904-5.
- Heineccius, Jo. Gottlieb.-Ad legem Juliam et Papiam Poppæam commentarius.-16mo, Venetiis, 1741.
- Helbig.-Die sittlichen Zustände des griech. Heldenalters, S. 73 ff.-8vo, Leipzig, Beyer, 1839.
- Henne am Rhyn, Otto.-Die Frau in der Kulturgeschichte.-8vo, Berlin, Verein f. deutsche Litt., 1892.
- Hermann, Karl Friedrich.-Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer mit Einschluss der Rechtsalterthümer, 2te Aufl.... von Dr. Karl Bernhard Stark.-8vo, Mohr, Heidelberg, 1870; 3te Auflage von Hugo Blümner, 8vo, Freiburg I.B. und Tübingen, Mohr, 1882.
- Hermannus, Ioannes J. H.-De virginum vestalium jure deprecandi pro reis.-8vo, Lipsiae, 1762.
- Hir.-Abbé de Hir on Callistus в Études religieuses, historiques et littéraires par des Pères de la Compagnie de Jesus, 3 Series for the year 1865, Octobre, Novembre.-Paris.
- Hirmer, Joseph.-Entstehung u. Komposition der platonischen Politeia.-8vo, Leipzig, Teubner, 1897.
- Hogg, Rev. J.-An essay on the benefits conferred by Christianity on the condition of women....-8vo, London, Hatchard, 1816.
- Howard, George Elliott, Ph.D.-A history of matrimonial institutions..... Vol. I.-8vo, Chicago, 1904.
- Hruza, Ernst.-Die Ehebegründung nach attischem Rechte.-8vo, Erlangen u. Leipzig, Deichert, 1892.
- Hruza, Ernst.-Polygamie und Pellikat nach griechischem Rechte.-8vo, Erlangen u. Leipzig, Deichert, 1894.
- Jacob, P. L.-Les courtisanes de l'ancienne Rome.-12mo, Bruxelles, Brancart, 1884.
- Jacobs, Friedrich.-Vermischte Schriften, IV. Theil, Abhandlungen über Gegenstände des Alterthums.-12mo, Leipzig, Dyk, 1830.
- Jacoby, Felix.-Das Marmor Parium.-8vo, Berlin, Weidmann, 1904.
- Jahn, Otto.-Ueber Darstellungen griechischer Dichter auf Vasenbildern, Aus. Abhandl. d. K. S. Ges. d. Wiss. Bd. 8.-4to, Leipzig, 1865.
- Jörs, Paul.-Die Ehegesetze des Augustus.-8vo, Marburg, Elwert, 1894.
- Jurenka, H.-Zur Klärung der Sappho-Frage, Wiener Studien.-Wien, 1897.
- Kaehler, Fridericus.-De Aristophanis Ecclesiazuson tempore et choro quaestiones epicriticae.-8vo, Jena, 1889.
- Kahn, Franz.-Zur Geschichte des römischen Frauen-Erbrechts, Eine von der Juristen-Facultät Leipzig, gekrönte Preisschrift.-8vo, Leipzig, Breitkopf u. Härtel, 1884.
- Karlowa, Otto.-Die Formen der römischen Ehe und Manus.-8vo, Bonn, Cohen, 1868.
- Keller, Albert Galloway.-Homeric Society, a sociological study of the Iliad and Odyssey.-8vo, London, Longmans, 1902.

- Kiesling, Johannes Rudolphus.-De stabili primitivae ecclesiae ope litterarum communicatoriarum connubio.-8vo, Lipsiae, Takkii.
- Klugmann, N.-Vergleichende Studien zur Stellung der Frau im Altertum, Bd. 1, Die Frau im Talmud.-8vo, Wien, 1898.
- Kock, Theodor.-Alkaios und Sappho.-8vo, Berlin, Weidmann, 1862.
- Koechly, Hermann.-Ueber Sappho, mit Rücksicht auf die gesellschaftliche Stellung der Frauen bei den Griechen, Akademische Vorträge und Reden I., S. 153-217.-8vo, Zürich, Meyer u. Zeller, 1859.
- Kreise, Dr. Johann Heinrich.-Plotina, oder, Die Kostüme des Kaupthaars bei den Völkern der alten Welt.-8vo, Leipzig, Dyk, 1858.
- Kubinski, J.-De Sapphus vita et poesi Progr.-Premisliae, 1897.
- Laboulaye, Édouard.-Recherches sur la condition civile et politique des femmes, depuis les Romains jusqu'à nos jours.-8vo, Paris, Durand, 1843.
- Lacombe, Paul.-La famille dans la société romaine, Étude de moralité comparée.-8vo, Paris, Lecrosnier et Babé, 1889.
- Lasaulx, E. v.-Zur Geschichte und Philosophie der Ehe bei den Griechen, in den Abh. der Bayr. Akad. f. 1852, Phil. Cl. Bd. VII., Abth. 1, S. 21 ff. и в Studien des Classischen Alterthums p. 374.-4to, Regensburg, Manz, 1854.
- Lecky, William Edward Hartpole, M.A.-History of European Morals, from Augustus to Charlemagne, 2 vols.-8vo, London, 1869.
- Lefevre, Maurice.-La femme à travers l'histoire.-8vo, Paris, Fontemoing, 1902.
- Legouvé, Ernest.-Histoire morale des femmes, 6ème éd.-12mo, Paris, Didier, 1874.
- Lenz, Carl Gotthold.-Geschichte der Weiber im heroischen Zeitalter.-12mo, Hannover. Helwing, 1790.
- Letourneau.-La condition de la femme dans les diverses races et civilisations.-8vo, Paris, 1903.
- Lévy, Louis-Germain.-La famille dans l'antiquité israélite.-Paris, Alcan, 1905.
- Lewy, Henricus.-De Civili condicione mulierum Graecarum.-8vo, Vratislaviae, Grassus, Barthius et Soc., 1885.
- Lilie, Dr.-De hominum vita et moribus quales sint apud Homerum.-4to, Breslau, Grass, 1841.
- Lipinska, Mélanie.-Histoire des femmes médecins depuis l'antiquité jusqu'à nos jours.-Paris, Jacques & Cie, 1900.
- Lipsius, Justus.-De vesta et vestalibus Syntagma.-8vo, Antuerpiæ, Moret, 1603.
- Luňák, Joannes.-Quaestiones Sapphicae. Accedit corollarium criticum atque exegeticum ad ovidianam Sapphus epistulam.-8vo, Kazaniae, 1888.
- Lytton, Edward Bulwer, Lord.-Miscellaneous Prose Works, 3 vols. Vol. II. p. 341. Влияние любви на литературу и реальную жизнь. Лондон, Бентли, 1868.

McCabe, Joseph. The religion of woman. Историческое исследование.- 8vo, Лондон, Уоттс, 1905.

Макинтош, Джон. История цивилизации в Шотландии. Том I. - 8vo, London, Nimmo, 1878.

Mähly, J. A.-Die Frauen des griechischen Alterthums.-8vo, Basel, Mast, 1853.

Mahaffy, J. P.-Social Life in Greece, from Homer to Menander.-London, Macmillan, 1874.

Mahaffy, J. P. -The Empire of the Ptolemies.-London and New York, Macmillan, 1895.

Martin, Louis-Auguste.-Histoire de la femme. Sa condition, politique, civile, morale et religieuse.- 12mo, Paris, Didier, 1862.

Matthias, Dr.-Zur Stellung der griechischen Frau in der klassischen Zeit.-Square 8vo, Zittau, Böhme, 1893.

Mercklin, Ludovicus.-De Corneliae vita, moribus, et epistolis commentatio.-12mo, Dorpati, Laakmann, 1844.

Meyer, Eduard.-Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 1. Zur älteren griechischen Geschichte. Bd. 2. Zur Geschichte des fünften Jahrhunderts v. Chr.-8vo, Halle a. S., Niemeyer, 1892-99.

Meyer, L.-De virginum exercitationibus gymnics apud veteres.-Square 8vo, Clausthal, Pieper, 1872.

Meyer, Paul.-Der römische Konkubinat nach den Rechtsquellen und den Inschriften.-8vo, Leipzig, Teubner, 1895.

Michaelis, Adolf.-Thamyris und Sappho, auf einem Vasenbilde.-4to, Leipzig, Breitkopf u. Härtel, 1865.

Mispoulet, J. B.-Études d'institutions romaines.-8vo, Paris, Durand et Pedone-Lauriel, 1887.

Mitteis, Dr. Ludwig.-Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs.-8vo, Leipzig, Teubner, 1891.

Moestl, Franz Xaver.-Frauenleben im alten Rom. Sammlung gemeinnütziger Vorträge, No. 115.- 8vo, Prag, Haase, 1886.

Moll, Henricus Marinus de Bruyn de Neve.-Disputatio literaria de peregrinorum apud Athenienses conditione.-8vo, Dordraci, Van Houtrijve et Bredius, 1839.

Mommsen, August.-Feste der Stadt Athen im Altertum, geordnet nach attischem Kalender.-8vo, Leipzig, Teubner, 1898.

Montifaud, M. A.-Die Courtisanen des Alterthums, 3 Aufl.-8vo, Budapest, Grimm, 1902.

Morillot, Léon.-De la condition des enfants nés hors mariage dans l'antiquité et au moyen âge en Europe.-8vo, Paris, Durand, 1866.

Müller, Carl O.-Minervae Poliadis sacra et aedes in arce Athenarum.-Sq. 8vo, Gottingae, Römer, 1820.

Müller, Friedrich Hieronymus.-Ueber das Familienleben der homerischen Zeit.-Sq. 8vo, Zeitz, Webel, 1866.

Müller, Otto.-Untersuchungen zur Geschichte des attischen Bürger-und Eherechts.-8vo, Leipzig, Teubner, 1899.

Mure, William.-A critical history of the language and literature of ancient Greece.-5 vols. 8vo, London, Longm., 1850-57.

Musonius.-C. Musonii Rufi reliquiae et apophthegmata. Cum adnotatione edidit J. Venhuizen Peerlkamp.-8vo, Harleml, Loosjes, 1822.

Musonius.-C. Musonii Rufi reliquiae. Edidit O. Hense.-12mo, Lipsiae, Teubner, 1905.

Nägelsbach, Carl Friedrich von.-Homerische Theologie, zweite Auflage, bearbeitet von Georg Autenrieth, p. 250.-8vo, Nürnberg, Geiger, 1861.

Nägelsbach, Carl Friedrich von.-Die nachhomerische Theologie des griechischen Volksglaubens.-8vo, Nürnberg, Geiger, 1857.

Navarre, Octavius.-Utrum mulieres Athenienses scaenicos ludos spectaverint necne. Thesim....-4to, Tolosae, 1900.

Neumann, Karl Johannes.-Der römische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian. Bd. 1.-8vo, Leipzig, Veit, 1890.

Neumann, Karl Johannes.-Hippolytus von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt. Abt. 1.-8vo, Leipzig, Veit, 1902.

Nietzold, Johannes.-Die Ehe in Ägypten.-8vo, Leipzig, Veit, 1903.

Notor, G.-La femme dans l'antiquité grecque. Texte et dessins.-Fol., Paris, Laurens, 1901.

Pantazides, Ch. G.-Τὰ περὶ γυναικὸς παρὰ Πλάτωνι φιλοσοφούμενα-Freiburg, Diss.

Paulides, Joachim.-Σαπφὼ ἡ Μυτιληναία-8vo, Leipzig, Drugulin, 1885.

Paris, Petrus.-Quatenus feminae res publicas in Asia Minore, Romanis imperantibus, attigerint.-8vo, Parisiis, Thorin, 1891.

Pelka, Otto.-Altchristliche Ehedenkmäler.-4to, Strassburg, Heitz, 1901.

Perry, W. C.-The Women of Homer.-8vo, London, Heinemann, 1898.

Philippi, Adolf.-Beiträge zu einer Geschichte des attischen Bürgerrechtes.-8vo, Berlin, Weidmann, 1870.

Praechter, Karl.-Hierokles der Stoiker.-4to, Leipzig, Dieterich, 1901.

Raffay, Robert.-Die Memoiren der Kaiserin Agrippina.-8vo, Wien, Hölder, 1884.

Rainneville, Joseph de.-La femme dans l'antiquité et d'après la morale naturelle.-8vo, Lévy, Paris, 1865.

Ramdohr, Ernst.-Zur homerischen Ethik.-4to, Lüneburg, Stern, 1865.

Рангабе, Клеон.-'Ο καθ' Ὁμηρον οἰκιακὸς Βίος-12mo, Афины, 1864.

Rein, Dr. Wilhelm.-Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus.-8vo, Leipzig, Köhler, 1844.

Rein, Dr. Wilhelm.-Das Privatrecht und der Civilprocess der Römer.-8vo, Leipzig, Fleischer, 1858.

Riedel, Karl.-Der gegenwärtige Stand der Sapphrofrage.-8vo, Iglau, Rippl, 1881.

Roby, Henry John, M.A., LL.D.-Roman private law in the times of Cicero and of the Antonines. 2 vols.-8vo, Cambridge, 1902.

Rohde, Erwin.-Der griechische Roman und seine Vorläufer.-8vo, Leipzig, Breitkopf u. Härtel, 1876.

Росси, Г. Б. де, о Каллисте, Bulletino di Archeologia Cristiana, p. 23.-Рим, 1866.

Roszbach, August.-Untersuchungen über die römische Ehe.-8vo, Stuttgart, Macken, 1853.

Roszbach, August.-Römische Hochzeits und Ehedenkmäler.-8vo, Leipzig, Teubner, 1871.

Ruggiero, R. de.-Studi papirologici sul matrimonio e sul divorzio nell' Egitto greco-romano. (Estr. de Bull. de l'Inst. di Diritto Rom. XV., 576).-Roma, Forzani e Co., 1903.

St. John, J. A.-The Hellenes: История нравов древних греков. New ed., 3 vols. in 1.-8vo, London, 1844.

Sappho.-Fragmenta et elogia.... Cura et studio Jo: Christiani Wolfii.-4to, Hamburgi, Vandenhoeck, 1733.

Schaible, Karl Heinrich.-Die Frau im Altertum. Ein kulturgeschichtliches Bild.-8vo, Karlsruhe, Braun, 1898.

Scheurl, Adolf V.-Die Entwicklung des kirchlichen Eheschliessungsrechts.-8vo, Erlangen, Deichert, 1877.

Schlelein, Hans.-De epistolis, quarum fragmenta in Corneli Nepotis libris traduntur, Corneliae, Gracchorum matri, vindicandis.-8vo, München, Wolf, 1900.

Schlichting, Joannes F. E.-De vestalibus et jure vestali populi Romani.-8vo, Helmstad, 1752.

Schneidewin, Max.-Die homerische Naivetät, eine ästhetisch kulturgeschichtliche Studie.-8vo, Hameln, Brecht, 1878.

Schoemann, G. F.-Griechische Alterthümer, bd. 1, Das Staatswesen, 2te Aufl.-8vo, Berlin, Weidmann, 1861.

Seiffen, Gerardus Dorn.-Jus feminarum apud Romanos tam antiquum quam novum.-Sq. 8vo, Trajecti ad Rhenum, Paddenburg, 1802.

Sontag, Carolus Richardus.-De sponsalibus apud Romanos.-4to, Halæ, Hendel, 1860.

Stahr, Adolf.-Cleopatra, 2te Aufl.-12mo, Berlin, Guttentag, 1879.

Stahr, Adolf.-Agrippina, die Mutter Nero's, 2te Aufl.-12mo, Berlin, Guttentag, 1880.

Stahr, Adolf.-Römische Kaiserfrauen, 2te Aufl.-12mo, Berlin, Guttentag, 1880.

Stégeren, Didericus Janus van.-Dissertatio literaria inauguralis de conditione domestica feminarum Atheniensium.-8vo, Zwollae, Stégeren, 1839.

Strack, Max L.-Die Dynastie der Ptolemäer.-8vo, Berlin, Hertz, 1897.

Szanto, Emil.-Das griechische Bürgerrecht.-8vo, Freiburg i. B., Mohr, 1892.

Szanto, Dr. Emil.-Untersuchungen über das attische Bürgerrecht.-8vo, Wien, Konegen, 1881.

Thal, Dr. Max.-Das Christentum u. die moderne Frauenbewegung.-8vo, Breslau, Koebner, 1904.

Tholen, Nicolaus.-Responsio, ad quaestionem historicam.... "Quam vim habuerunt apud Romanos foeminae in res eorum politicas, bellorum civilium temporibus? Adjiciatur huic disquisitioni foeminarum Romanarum Characterismus."-8vo, Utrecht.

Thumser, V.-Die Stellung der Frau bei den Griechen.-8vo, Wien und Leipzig, Deuticke, 1903.

Twist, A. J. Duymaer van.- "Quae fuit Peregrinorum, in imperio Romano, conditio, tum libera republica, tum sub Caesaribus?"-4to, Leiden, 1831.

Viaud, M. I.-De la puissance maritale, considérée sous les rapports historique, philosophique et juridique, et précédée d'une introduction sur les lois de son adoucissement progressif depuis les mœurs primitives jusqu'aux législations contemporaines.-8vo, Paris, Durand, 1855.

Volkmar, G.-Hippolytus und die römischen Zeitgenossen.-8vo, Zurich, Kiesling, 1855.

Welcker, F. G.-Kleine Schriften.-2ter th. 8vo, Weber, Bonn, 1845; S. 80-144, Sappho, von einem herrschenden Vorurtheil befreyt (1816). Fünfter Theil Sappho und Phaon.- 8vo, Elberfeld, Freidrichs, 1867.

Вендланд, Паулюс.-Quaestiones Musonianae.-8vo, Berolini, Mayer, 1886.

Weniger, Ludwig.-Ueber das Collegium der Thyiaden von Delphi.-Sq. 8vo, Eisenach, 1876.

Weniger, Ludwig.-Über das Kollegium der Sechzehn Frauen und den Dionysosdienst in Elis.-Sq. 8vo, Weimar, 1883.

Wessely, Dr. Carl.-Karanis und Soknopaiu Nesos, Studien zur Geschichte antiker Cultur-und Personenverhältnisse, In Denkschriften d. Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften, Phil., hist. Classe, Bd. 47.-Fol., Wien, Gerold, 1902.

Wharton, Henry Thornton, M.A.-Sappho, Memoir, text, selected renderings, and a literal translation.-12mo, London, 1895.

White, Rachel Evelyn.-Women in Ptolemaic Egypt.-Reprinted from the Journal of Hellenic Studies, 1898.

Wiese, Dr. L.-Zur Geschichte und Bildung der Frauen, 2te Aufl.-12mo, Berlin, Wiegandt, 1873.

Wilamowitz-Moellendorff, Ulrich von.-Aristoteles und Athen. 2 Bde.-8vo, Berlin, 1893.

Wilmanns, Gustavus.-Exempla Inscriptionum Latinarum.-8vo, Berlin, Weidmann, 1873.

Wolf, Jo. Christian.-Mulierum Graecarum quae oratione prosa usae sunt fragmenta et elogia Graece et Latine.-4to, Londini, 1739.

Вольф, Джо. Christian.-Poetriarum octo Erinnae, Myrus, Myrtidis, Corinnae, Telesillae, Praxillae, Nossidis, Anytae, fragmenta et elogia.-4to, Hamburgi, Vandenhoeck, 1734.

Вольф, Жо. Christian.-Sapphus, poetriae Lesbiae, fragmenta et elogia.-4to, Hamburgi, Vandenhoeck, 1733.

Wordsworth, Chr.-St. Hippolytus and the Church of Rome, in the early part of the third century.-8vo, London, Rivington, 1853.

Wordsworth, J., Bp. of Salisbury.-The ministry of Grace, Ch. V. pp. 257-303, Women's work: Widows, Presbyteresses, Deaconesses, Virgins.-8vo, London, Longmans, 1901.

Wroth, Warwick, F.S.A.-Catalogue of the Greek coins of Troas, Aeolis, and Lesbos.-8vo, London, 1894.

Wünsche, Dr. August.-Jesus in seiner Stellung zu den Frauen.-12mo, Berlin, Henschel, 1872.

Zimmerman, Richardus.-De Nothorum Athenis condicione.-12mo, Berlin, Mayer.

Zscharnack, L.-Der Dienst der Frau in den ersten Jahrhunderten der Christlichen Kirche.-8vo, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1902.

FOOTNOTES:

[1] 'Trach.', 438.

[2] Stob., 'Flor.', 85, 19.

[3] De Legg. viii. p. 841 D. (перевод Джоуэтта).

[4] Pol. iv. (vii.) 16, 18.

[5] *δαισιμονῆσαι*. Athenæus, xiii. c. 59, p. 590. Существуют две версии этой истории, которые приводятся со всеми авторитетами в издании Вагнера "Алкифрон", т. i. c. 178.

[6] Stob. 73, 61.

[7] Все эти отрывки взяты из большого сборника Стобеуса (Flor. Tituli, 68-74). Подлинность фрагмента Сусариона справедливо подвергается сомнению; но чувства, несомненно, правильно приписаны ему.

[8] Stob. 68, 8.

[9] Stob. 68, 3.

[10] Дискуссии о гомеровских женщинах очень многочисленны. Список наиболее заметных работ я привожу в библиографии. Особой похвалы заслуживает работа Ленца "Geschichte der Weiber im Heroischen Zeitalter": Hannover, 1790. Самый полный и самый компетентный отчет на английском языке содержится в "Гомеровских исследованиях" г-на Гладстона, т. ii.

[11] И в соответствии с представлениями поздних греков, см. особенно "Энкомий" Исократа о Елене.

[12] Поздние греки приписывали введение моногамии Кекропсу или какому-то другому аттическому герою. Положение женщин в Греции до времен Гомера обсуждается в "Муттеррехте" Бахофена и в "Родстве в Древней Греции" г-на МакЛеннана.

[13] Il. ix. 336.

[14] Il. xix. 297.

[15] Od. vi. 182.

[16] Il. vi. 429.

[17] Od. xxiii. 210.

[18] Lasaulx ("Zur Geschichte und Philosophie der Ehe bei den Griechen", p. 30) приводит Лаодамию в качестве примера такого же постоянства; но случай не столь однозначен.

[19] См. "Гомеровские исследования" г-на Гладстона, т. ii. с. 507.

[20] Il. vi. 442.

[21] Od. i. 433.

[22] Od. iii. 450.

[23] Il. vi. 301.

[24] Euripides, 'Andromache' 597; Propertius iv. 14; Athenæus, xiii. 20, p. 566 e.

[25] Ath. xiii. 2, p. 555c.

[26] 'Lysist.' 78.

[27] Плутарх обсуждает женщин Спарты в "Жизни Ликурга" и в трактате "Изречения спартанских женщин". В целом он обсуждает женщин в "Наставлениях супругам", "Утешении жене", "Эротических рассуждениях", "Эротических повествованиях" и "Добродетелях женщин".

[28] Особенно в "Андромахе", но, как замечает Палей, эта пьеса на протяжении всего времени пронизана острой враждебностью к Спарте, и поэтому ее можно рассматривать как выражение лишь сильного временного чувства.

[29] Платон выражает свое одобрение, перенимая сомнительные черты в свое собственное идеальное содружество. "Тогда, - говорит он, - пусть жены наших стражей разденутся, имея добродетель для своих одежд..... А что касается человека, который смеется над обнаженными женщинами, занимающимися гимнастикой ради высшего блага, то его смех - это "плод недозрелой мудрости", который он собирает, и сам он не знает, над чем смеется и о чем говорит; ибо это есть и всегда будет лучшим изречением: полезное - благородно, а вредное - низменно" - "Rep." v. p. 457 (перевод профессора Джоуэта). Платон обсуждает возражения против спартанского метода в "Legg." i. p. 637 C.; vi. p. 781 A.; vii. p. 806 C.; p. 814 A.; и молчаливо в "Rep." viii. p. 548.

[30] 'Polit.' ii. 9, 9.

[31] Plutarch, 'Life of Agis.'

[32] Plutarch 'Life of Cleomenes.'

[33] Stob., 29, 58.

[34] xiii. c. 2, sec. 3.

[35] Diss. 24, 9.

[36] 'Athenæus,' 14, 19, p. 624e.

[37] "Посвягать на репутацию женщины - это готовое средство, к которому прибегает болван, завидующий ее талантам" - мисс Корнуоллис.

[38] ii. 135.

[39] Rhet. 23.

[40] Luňák, p. 71 note, и Boech, 'Greek Inscriptions', 2374 (51).

[41] Похоже, что афинянин мог взять в наложницы свободную афинскую женщину; но права таких наложниц и детей, да и вообще весь вопрос, связаны с трудностями. См. Van den Es: "De Jure Familiarum apud Athenienses".

[42] Xen. 'Œc.' iii. 13; vii. 5.

[43] v. 641.

[44] Стихи у Софокла ("Antig." 905-13), вероятно, интерполированы, но интерполяция была сделана еще Аристотелем ("Rhet." 3, 16, p. 1417 A, 32), и те же идеи Геродот (3, 119) вкладывает в уста жены Интаферна.

[45] ii. 45.

[46] Theodota, Xen. 'Mem.', iii. 11.

[47] Некоторые утверждают, что Диотима - выдумка Платона (Mähly, "Die Frauen des Griechischen Alterthums", p. 14), но это предположение было убедительно опровергнуто: Stallbaum on the Symposium, p. 201 D. Otto Jahn собирает все упоминания о Диотиме у древних писателей в своем издании "Симпозиума".

[48] Тимандра, Plut. 'Alcib.' c. 39.

[49] Pericles, 24.

[50] См. книгу iv. c. 2 s. 2.

[51] 'Symp.', xvi. p. 193 C.

[52] Были предложены хронологические трудности, препятствующие тому, чтобы это утверждение было верным (см. особенно прекрасную монографию об Аспазии, "Aspasie de Milet", par L. Vescq de Fouquières, p. 342), но я не думаю, что эти трудности непреодолимы. Мюллер-Штрюбинг (Aristophanes, p. 585) нашел намек на эту связь с Лисиклами у Аристофана с большей изобретательностью, чем успехом.

[53] См. особенно умелую защиту Аспазии у мисс Корнуоллис: Letters, p. 181.

[54] Ovid, 'Ep. ad Phaon.' 33; Max. Tyr. Diss. 24, 7.

[55] 'Jahrgang,' xxxv. 1877, p. 56.

[56] P. 920.

[57] Opuscula 'Lysias,' с. 33, ed. Usener and Radermacher.

[58] См. кн. 4 с. 2 sec. 4.

[59] p. 291.

[60] 'Drerup,' p. 223, особенно 247.

[61] Некоторые сомневаются в существовании этого внука Софокла, поскольку в 1849 году была найдена надпись: "Софокл, сын Иофона" (Rangabe, "Antiq. Hell.", ii. p. 997); но ничто не мешает предположить, что у Софокла было два внука по имени Софокл. Если бы у Иофона был сын, его, естественно, назвали бы Софоклом; и если бы у сына Теориса был сын, Софокл также был бы именем, которое, несомненно, было бы дано ему".

[62] 2, 6, 36.

[63] Jowett, p. 285; 'Rep.', p. 455.

[64] См. книгу iv. с. 2, разд. 6.

[65] Cl. Alex. p. 751, 'Strom.', vi. 24.

[66] 'Symp.', с. ii. 9.

[67] Дионисий заставляет Сервия Туллия принять вольноотпущенника в гражданство (iv. 22).

[68] Columella, i. 8, 19.

[69] Livy, 4, 1 ff.

[70] Plutarch, 'Tib. Gracchus,' i.

[71] Возможно, эта история не является исторической, но римляне считали ее таковой.

[72] Gell. x. 23; Val. Max. vi. с. 3, 9-12.

[73] Livy, viii. 18.

[74] Livy, xl. 37.

[75] Livy, xxix. 14, 10.

[76] Livy, xxix. 10, 5.

[77] Livy, xxxix. 8 ff. 18.

[78] Livy xxxiv. 1-8; Val. Max. ix. 1, 3; Zonaras ix. 17; Livy v. 25; Mackintosh ii. 345.

[79] Plutarch, 'Cato Major,' viii.

[80] Val. Max. viii. 3, 3; Quint. i. 1, 6; App. 'Bell. Civ.', iv. (6), 32.

[81] Livy, Epitome, xli.

[82] Plutarch, 'Cato Minor. 25.

[83] xiv. 6, 17 и т. д.

[84] 'De Gubernatione Dei', vii. 65-91.

[85] i. 376.

[86] Paulus в "Дигестах", 45, l. 134.

[87] vi. 200.

[88] P. 133.

[89] Val. Max., 2, 1, 4; Dionys. Hal., 'Antiqu. Rom.', ii. 25; Плутарх, "Quæst Rom.", 14, compar. Thes. c. Rom., 6; Lycurg., c. Numa 3; A. Gellius, iv. 3, xvii. 21, 44; Rein, 'Rom. Privatrecht,' 451 note; Val. Max. 2, 9, 2.

[90] P. 70.

[91] Преподобный Дэвид Уильямсон умер 6 августа 1706 года. "После трехсот лет он женился на седьмой жене". На этого божественного деятеля было создано множество насмешек, собранных Мейдментом; он ссылается на Kirkton's 'Church History', p. 349.

[92] Перевод Лонга.

[93] Ep., iv. 19.

[94] Tac. 'Ann.', 3, 33, 34 (21 г. н.э.).

[95] xv. 11.

[96] vi. 34, 5-11.

[97] Corp. Inscript. Lat., vol. viii. part ii. n. 9407; Renier, 3914, 'Messia Castula duumvira.'

[98] viii. 3, 1.

[99] Book iii. 1, 5.

[100] Suet., "Galba", 5; Lampridius, "Heliogabalus", 4; Flav. Vopis. 'Aurelianus', 49.

[101] Epict. fr. 53, Schw., vol. iii. p. 84.

[102] 'Brutus', 13.

[103] Перевод Лонга.

[104] Pliny, 'Epist.', 3, 16.

[105] Перевод д-ра Джона Мюира.

[106] Paulus Diaconus, 'Uxorium,' 379 (Müller).

[107] Val. Max. 2, 9, 1, ср. Плутарх, "Кам.", ii.

[108] Livy, Epitome, lix.; Gell., i. 6.

[109] Suet. 'Aug.', 89.

[110] Lib. iii. 7.

[111] Civil. Bell, ii. 102.

[112] xliii. 25.

[113] Darst., 1⁵, p. 52.

[114] lvi. 1-10.

[115] Dio. Cass., xliii. 25; Cicero pro Marcello, viii. 23; Suet. 'Cæs.', 20; Аппиан "Bell, Civ.", ii. 10; Dio. Cass., xxxviii. 7.

[116] Epiph., 'Haer.', xxx. 16, p. 140.

[117] Tarsica prior Orat., xxxiii. p. 408 M.

[118] Zscharnack, p. 22, 45; Harnack Mission, 395-407.

[119] Eusebius, 'Hist. Eccl.', iii. 31.

[120] Все переводы взяты из "Антиникейской библиотеки" Кларка, но изменены, когда смысл может быть выражен более точно. De Virg. Veland., c. ix.

[121] Apost. Const., Book iii. 15, 5.

[122] iii. 5 и 7.

[123] Tertull., De Baptismo, c. xvii.

[124] C. 40.

[125] P. 274.

[126] Book iii. c. ix.

[127] Для Афины Полиас - C. O. Müller, Minervæ Poliadis Sacra, &c., p. 13, где он перечисляет почести, воздаваемые жрице. Что касается Деметры и Копы, Моммзен, "Feste der Stadt Athen", 1898, p. 265, M. F. Foucart, "Les Grands Mystères d'Éleusis", Paris, 1900, p. 62. Венигер обсуждает жриц в Дельфах и Элисе в своих программах, упомянутых в Библиографии.

[128] Epiphanius 'Haer.', 49. Augustine de Haeresibus, c. 27.

[129] Bonwetsch рассматривает эти утверждения как строго исторические, p. 168.

[130] 'Haer.', 78, c. 23; 79.

[131] Вероятно, следует читать οἰκοῦσα.

[132] C. 24.

[133] Карпократ Ирений, i. 25, 4; Каинит Ирен., i. 31, 2.

[134] Маркион, Tertull. contra Marcionem, i. 29; Iren., i. c. 28.

[135] 1 Кор. vi. 9.

[136] Supplic. c. 32.

[137] Pæd., iii. 81, 301 P.

[138] Polycarp, Ep., c. 4.

[139] Ad Ux., ii. 8.

- [140] Apost. Const., i. 8.
- [141] Conviv., i. 2, 17; ii. 1, 29.
- [142] De Virg. Veland., c. 17.
- [143] Supplic., c. 33.
- [144] De Exhort. Cast., 5.
- [145] Ad Ux., i. 1.
- [146] De Exhort. Cast., 10.
- [147] Clem. Alex. Frag., 1012 P.
- [148] Ad Ux., i. 5.
- [149] De Monogamia, 16.
- [150] 'De Cultu Feminarum', i. 1.
- [151] Pæd., ii. 2, 83, 186 P.
- [152] Metaphrasis in Ecclesiasten, c. 7, 28.
- [153] Test. of Reuben, c. 5.
- [154] Test. of Judah, c. 15.
- [155] Pæd. iii. 10, 11.
- [156] См. с. 249.
- [157] 'De Cult. Fem.' ii. 2.
- [158] Pæd., iii. 11, 79.
- [159] Instruct. 60 или Книга ii. 19.
- [160] Pæd., iii. 2, 11, p. 258 P.
- [161] De Habitu Virg., 16, 17, 21, 20.
- [162] Conviv., xi. 1, 282.
- [163] De Anima, 25.
- [164] Tert. Apol. 9.
- [165] C. 19, 5; Didache c. 2.
- [166] Clem. Alex. Eclog., 48 и 41; Method. Conviv. 2, 6; Harnack, "Bruchstücke des Evangeliums und der Apokalypse des Petrus", p. 48 в "Texte und Unters.", vol. 9, part 2.
- [167] Il., 24, 495.
- [168] Il., 21, 85; 22, 48.
- [169] Il., 8, 305.

[170] Ил., 9, 340.

[171] Од., 21, 214; 14, 64.

[172] Ил., 9, 449, 452.

[173] 14, 203.

[174] Ил., on viii. 284.

[175] Од., 4, 12.

[176] Ил., 13, 174.

[177] Ил., 5, 70.

[178] Ил., 8, 282.

[179] Ил., 2, 727; 13, 694; 15, 333.

[180] Ил., 4, 499; 11, 490; 16, 738.

[181] 11, 101.

[182] 14, 200.

[183] 'Polygamie und Pellikat nach Griechischem Rechte von Dr. Ernst Hruza' (Erlangen and Leipzig, 1894).

[184] P. 72.

[185] P. 27 или 394.

[186] Diodorus Siculus, 1, 80, 3; Wessely Karanis, 30; Nietzold, p. 19.

[187] Curtius, "Grundzüge", 1st ed., vol. i. p. 128, и Schmidt, "Synonymik der Griechischen Sprache", 67, 7, vol. ii. p. 408.

[188] Ил., i. 113.

[189] 11, 102.

[190] 14, 202.

[191] 13, 363.

[192] 130, 676.

[193] 'Opuscula Philologica', vol. ii. p. 59.

[194] 'Homerische Abhandlungen,' p. 341.

[195] 3, 464.

[196] Од. 5, 264.

[197] 10, 362.

[198] 4, 49.

- [199] 23, 154; 24, 366.
- [200] 5, 905.
- [201] См. Nägelsbach, 'Homerische Theologie,' 2nd ed., p. 251.
- [202] 'Studies of Homer,' ii. 514.
- [203] 7, 296.
- [204] 6, 210.
- [205] 4, 252.
- [206] 'Naivetät', p. 152.
- [207] Grasberger, &c.
- [208] "Meyer de virginum exercitationibus apud veteres" (Clausthal, 1872), p. 7.
- [209] Aristoph., 'Clouds,' 965; 'Thesm.,' 163.
- [210] 'Homerische Blätter,' 2, p. 128.
- [211] P. 36.
- [212] P. 286 (London, 1896).
- [213] Vol. ii. part 2 das Privatleben, 'Die Homerischen Realien', p. 14.
- [214] Pp. 1 и 2.
- [215] Vol. ii. (1845) с приложением.
- [216] Vol. iii. p. 272.
- [217] Vol. xii. p. 564 (1857).
- [218] Vol. v. p. 228.
- [219] P. 5.
- [220] P. 17.
- [221] 'Comicorum Atticorum Fragmenta.'
- [222] De Vries and Luňák.
- [223] Lesefrüchte in Hermes, vol. 53.
- [224] P. 814.
- [225] "Шедевры греческой скульптуры", Адольф Фуртвенглер, под редакцией Эжени Селлерс (Лондон, Хайнеманн, 1895), Сафо, стр. 71, Аспазия, 81.
- [226] P. 50.
- [227] См. постановление афинян в отношении Халкиса, "Ἀθήναιον", т. V, с. 76; "Mittheilungen des Deutschen Archæol. Inst. in Athen", vol. i. p. 184; "Revue Archéologique", April, 1877, p. 242; №№ 70 и 87 в "Recueil d'Inscriptions Grecques", par Charles Michel.

- [228] P. 70.
- [229] P. 812.
- [230] См. Сэндис о с. 26 "Политеи" Аристотеля.
- [231] "Афинская конституция", с. 26.
- [232] Авторитеты приведены в Müller, p. 666.
- [233] Sect. 122, p. 1386.
- [234] "Ancora sui rapporti fra l'Ecclesiazusæ d'Aristofane e la Repubblica Platonica" (Torino, Loescher, 1886).
- [235] Bell, 1902.
- [236] P. xcvi.
- [237] P. 325 (Longmans, 1897).
- [238] 'Plato,' p. 225.
- [239] См. также "Республику Платона", отредактированную, с критическими замечками, комментариями и приложениями, Джеймсом Адамом, М.А. (Кембридж, 1902), том i. Приложение, стр. 345, "Об отношении пятой книги Республики к "Экклезиасу" Аристофана". Г-н Адам выступает за приоритет пьесы перед "Республикой". Морис Круазе, "Аристофан", стр. 286 (Париж, 1906), придерживается того же мнения.
- [240] Некоторые делят греческую комедию на древнюю, среднюю и новую. Как вслед за Аристотелем говорит только о старой и новой комедии.
- [241] 'Aulularia', 504-15. Мы приводим текст Вагнера.
- [242] Стихи 676-707, Лоренц.
- [243] См. "Arnobius adversus Nationes", vii. 33.
- [244] 'Mercator,' v. 805-13.
- [245] 'Stich.', 39-46.
- [246] 'Rudens,' 406-11.
- [247] М. Бенуа отдельно рассмотрел характеры женщин у Плавта в своей диссертации "De Personis Muliebribus apud Plautum" (Massiliæ, 1862).
- [248] Édélestand du Ménil, "Histoire de la Comédie Ancienne", vol. ii. p. 211; Gaston Boissier, "Quomodo Græcos Poetas Plautus transtulerit" (Parisiis, 1857).
- [249] Verses 368-70.
- [250] 'Cur.', 146-54.
- [251] 'Truc.', 354.
- [252] 'Pœn.', 353.
- [253] 'Journal of Hellenic Studies', vol. viii. (1887), p. 256.

[254] См. Bachofen's 'Mutterrecht.'

[255] Pearson, p. 53.

[256] 'Strom.', iv. 19.

[257] P. 121.

[258] 'Fabulæ', 274.

[259] Vol. xviii.

[260] 'The Ptolemies', vii., p. 374.

[261] P. 11.

[262] Nietzold, p. 79; Grenfell, 'Greek Papyri,' ii. 76.

[263] P. 257.

[264] P. 9.

[265] ix. 12, Schn.

[266] Paulus, однако, в "Dig.", 23, 2, 44, приписывает это "lex Julia".

[267] "Дигесты", 23, 2, 16; отрывок цитируется по Паулюсу. См. также 'Dig.', 23, 1, 16; 23, 2, 23; 1, 9, 9; 1, 9, 10; 1, 9, 8; 24, 1, 3, 1.

[268] 'Les Esclaves Chrétiens', p. 293.

[269] C. 5.

[270] Book xxii. c. 2.

[271] 'Refut.', ix. II.

[272] Действие Каллиста обсуждают аббат де Хир, де Росси, Армеллини, Бунзен, Вордсворт, Фолькмар, Дёллингер, Крейс, Мейер и Нойманн.

Примечание транскриптора:

1. Греческие слова/фразы исправлены там, где это необходимо.
2. Очевидные типографские, орфографические и пунктуационные ошибки исправлены.
3. При необходимости сохранена оригинальная орфография.